Главлит № А—78.653. Типография газ. „Правда", Москва, Тверская, 48. Тираж 175.000

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24 30 ДЕКАБРЯ № 23—24

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. 1-21-16, Кремль 3-90.

№ 23—24 30 ДЕКАБРЯ 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Строительство социализма и планы интервентов.

Факты подготовки новой военной интервенции против СССР, вскрытые процессом «Промышленной партии», полностью подтверждают правильность указаний XVI с'езда нашей партии о нарастании угрозы контрреволюционной войны международной буржуазии против Советского союза. «Ненависть международной буржуазии к единственному в мире государству пролетарской диктатуры и его революционизирующему влиянию,— говорится в резолюции с'езда,— выражается в попытках организации экономической блокады, в борьбе против советского экспорта, в кампании церковников, в бешеной клеветнической кампании буржуазной и социал-демократической печати, в усилившейся подготовке войны против СССР».

После неудачи первой военной интервенции, где мировой буржуазии не удалось совместно с русской контрреволюцией задушить народившееся первое в мире пролетарское государство, и после ликвидации нами основных фронтов гражданской войны—международная буржуазия отнюдь и ни на минуту не переставала вести борьбу против государства пролетарской диктатуры.

Международная буржуазия не только использует для этого фашистские лимитрофные страны, но и «морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае „путем военной интервенции», поддерживала и будет поддерживать обреченные и отживающие классы внутри нашей страны.

Гигантские успехи социалистического строительства в СССР, бурный размах индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства нанесли сокрушительный удар надеждам международной буржуазии на крах советской власти и на реставрацию капитализма в СССР. Выбитая социалистическим наступлением из ряда важнейших позиций, буржуазия при активном участии и поддержке мирового капитализма поставила в порядок дня контрреволюционное вредительство, как одну из наиболее острых форм экономической контрреволюции, расчищающей и подготовляющей — для организации военной интервенции против СССР—почву путем подрыва социалистического строительства и организации экономических кризисов. В своем докладе на собрании актива московской организации ВКП(б) об итогах апрельского об'единенного пленума ЦК и ЦКК от 13 апреля 1928 г. тов. Сталин, останавливаясь на уроках Шахтинского дела, указызал на это изменение методов борьбы буржуазии против советской власти, на всю неслучайность этого явления, его связь с задачами подготовки военной интервенции международного империализма против СССР:

«Международный капитал... не может смотреть спокойно на развитие страны строящегося социализма. Раньше он, международный капитал, думал опрокинуть советскую власть в порядке прямой военной интервенции. Попытка не удалась. Теперь он старается, и будет стараться впредь, ослабить нашу хозяйственную мощь путем невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготавливая всякие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции. Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с советской властью и ни о каких случайностях не может быть речи» (подчеркнуто *Ред.*).

Процесс «Промышленной партии» конкретно разоблачил основные направления, по которым шла и идет борьба международной буржуазии против страны строящегося социализма. Если Шахтинское дело вскрыло, как международная буржуазия осуществляла экономическую интервенцию силами и средствами отдельных антисоветских капиталистических организаций, буржуазных спецов и бывших шахтовладельцев, организуя вредительство и срыв хозяйственного строительства,—то процесс «Промышленной партии» показал, что контрреволюционная вредительская работа была увязана с враждебной СССР деятельностью сил международного капитализма и всецело стала орудием борьбы этих сил против социалистического наступления, орудием подготовки империалистической интервенции и войны против СССР.

Раздираемый глубочайшими противоречиями всеобщего кризиса, международный капитализм пытается разрешить их за счет СССР. В своих антисоветских планах он использует в качестве орудия борьбы за свержение советской власти и реставрации капитализма в СССР эмигрировавшие и выкинутые победоносной пролетарской революцией остатки бывших помещиков, дворян, бывшую российскую торгово-промышленную буржуазию, остатки всякой белогвардейской военщины. В качестве непосредственного орудия для достижения своей цели — свержения советской власти — мировой капитал использует бывшую российскую буржуазную инженерно-техническую интеллигенцию внутри СССР.

Международный капитал оставляет за собой фактическое право после завершения интервенции с точки зрения своих интересов реализовать разбойничьи планы (колониальная эксплоатация и раздробление страны, захват отдельных областей, нефтяных разработок и пр.). Международный капитализм делал ставку на контрреволюционное вредительство, как на средство для осуществления интервенции. Вредительство, таким образом, стало формой острейшей классовой борьбы международного капитализма против Советской власти. На это указывал тов. Сталин еще на апрельском (1929 г.), пленуме ЦК. «Нельзя считать случайностью так называемое Шахтинское дело. «Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружия, что они накопляют силы для новых выступлений против советской власти».

Каковы главнейшие формы сопротивления капиталистических элементов развернутому наступлению социализма? Это — контрреволюционное вредительство верхушки буржуазной инженерно-технической интеллигенции во всех отраслях промышленности, транспорта и сельского хозяйства СССР, попытки подрыва обороноспособности страны и боевой готовности ее вооруженных сил; это — бешеная борьба кулачества против колхозного строительства и против всей политики советской власти; это — саботаж и оживление враждебной советской власти и нашей партии деятельности бюрократических элементов государственного и кооперативного аппарата.

В развернувшемся состязании, в борьбе двух систем—социалистической и капиталистической—мировой империализм пытается активизировать, поддержать, поднять эти все враждебные пролетариату силы в СССР. Борьба этих сил против социалистического строительства, эта подготовка интервенции вредителями и контрреволюционерами внутри СССР—является частью всей подготовительной кампании мирового империализма к войне против СССР, к интервенции против СССР. Мировой империализм в капиталистических странах против СССР мобилизует все орудия и средства провокации, обмана, организации антисоветских сил.

Для организации антисоветской войны международный капитализм прибегает к оголтелой, провокационной кампании. Эта клеветническая кампания должна обмануть миллионные массы трудящихся, скрыть от них разбойничьи планы подготовки новой мировой войны и контрреволюционной войны против СССР, выставив наш Союз виновником настоящего жестокого экономического кризиса в странах капитала и даже грядущих военных провокаций. Отсюда—кутеповщина; бешеные вопли против пятилетки; поход против монополии внешней торговли; попытки организации экономической и финансовой блокады (борьба против совет-

ской нефти, спичек и пр., свистопляска под флагом борьбы против мнимого «советского демпинга»); провокационная, клеветническая кампания против СССР всех сил мировой реакции — римский папа, Детердинг, Пуанкаре, Черчилль, Фиш, Каутский — от «литераторов» среди промышленников до социал-фашистов; консолидация всех зарубежных белоэмигрантских антисоветских сил и группировок от меньшевиков до монархистов.

Основная причина ожесточенного похода международного капитализма и всех его агентов во вне и внутри СССР, лежит в возрастающем революционизирующем значении социалистического строительства в СССР, в тех успехах, которые превращают Советскую страну в несокрушимую крепость социализма, убеждают многомиллионные пролетарские и трудящиеся массы всего мира в преимуществах советской системы хозяйства перед капиталистической, призывают к социалистической революции.

Тов. Сталин указывал на XVI с'езде партии, что «каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир поновому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом.

Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом.

Наиболее яркой выразительницей этой тенденции в данный момент является нынешняя буржуазная Франция — родина любвеобильной «Пан-Европы», «колыбель» пакта Келлога, самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира».

Показания контрреволюционеров-вредителей из «Промышленной партии»—Рамзина, Ларичева и др.—целиком и полностью подтвердили на процессе все данные обвинительного заключения о руководящей и организующей роли именно французских империалистов во главе с Пуанкаре-Война в подготовке новой антисоветской войны.

Процесс «Промпартии» неопровержимо доказал наличие тесной непосредственной связи между оперативными планами антисоветской войны французского генштаба и предательской работой вредителей внутри СССР. Понятно, что французскому генштабу при этом принадлежала руководящая роль, а вредители постепенно стали просто оплачиваемыми шпионами на побегушках у «Торгпрома» и французского генштаба.

Французский империализм не только направлял преступную деятельность вредителей внутри СССР, но он подготовлял также кадры для вооруженного свержения советской власти, восстановления капитализма. Империалистическая Франция — отечество и пристанище всех белоэмигрантских антисоветских группировок. Остатки белогвардейских частей, особенно руководящий состав последних, содержатся под крылышком французского генерального штаба. Матерые вояки, белогвардейские генералы — Лукомский, Драгомиров, Миллер и др. — являются ближайшими сотрудниками французского генштаба. В Париже существует, под руководством генерала Головина, специальная белогвардейская военная академия. В Париже, наконец, существует и пользуется полным покровительством и содействием правящих кругов империалистической Франции организация бывших собственников царской России, эмигрировавших после Октябрьской революции или бежавших после разгрома белогвардейских банд, — так называемый «Торгпром».

Процесс «Промпартии» выявил активную роль в антисоветских комбинациях французского империализма бандитов из «Торгпрома». Роли между французским империализмом и «Торгпромом» были распределены. Французский империализм давал задания «Торгпрому» подготовлять внутри СССР почву для интервенции, а «Торгпром» передавал эти задания для выполнения вредителям из «Промпартии», снабжая их деньгами на осуществление вредительских планов. В своих показаниях вредители указывали, что, в свою очередь, между «Торгпромом» и «Промпартией» роли также были разграничены. «Торгпром» вел всю внешнюю подготовку интервенции, а именно: все переговоры с иностранными правительствами, проводил за границей агитацию и пропаганду интервенции, изыскивал средства для ее финансирования, а также взял на себя организацию военной ее части при помощи иностранных держав, «Промпартия» же проводила внутреннюю подготовку в СССР путем искусственного, вредительского создания и углубления экономических кризисов и всевозможной помощи интервенции внутри. С этой целью, по указанию «Торгпрома» и по собственной инициативе, ЦК «Промпартии» вступил в связь с французским генштабом в лице его представителя генерала Жанен (б. военный советник Франции при Колчаке), и полковников—Жуанвиль и Ришар—видных контрразведчиков.

В показаниях вредителей на процессе полностью выявилась широкая картина подготовки французским империализмом западных, соседних с СССР, государств для участия в интервенции против Советского союза. Французский империализм подготовлял интервенцию, но «пушечное мясо» для последней должны были поставить, главным образом, его союзники, вассалы и агенты.

В этой связи становятся вполне понятными усиленные военные приготовления западных соседей СССР, проводимые под непосредственным руководством французского империализма. Французский генштаб постоянно инспектирует армии Польши, Румынии, поручая это дело своим виднейшим специалистам — генералам Франше, д'Эспере, Вейгану, Гуро, Лерону и другим. Кроме того, по военно-политическим соглашениям, заключенным между Францией и ее союзниками и вассалами — в случае военного конфликта последних с Советским союзом — французский империализм обязался: снабжать их армии военным имуществом, обеспечить действиями своего флота морские коммуникации между ними и Францией для доставки вооружения и военного снабжения, назначить в армии советников и, в случае необходимости, инструкторов. По этим соглашениям Франция еще в мирное время обязана снабжать вассальные государства вооружением на льготных условиях с предоставлением займов, командировать в их армии военных советников и инструкторов и принимать в свои военные школы их офицерский состав для усовершенствования.

Сообщение органа германских фашистов-гитлеровцев «Фелькешер Беобахтер» от 10 мая 1930 г. с документальной точностью полностью подтверждает показания вредителей «Промпартии» о руко-

водящей и организующей роли французского империализма в подготовке интервенции.

Сроки интервенции были намечены, роли распределены. Французский генштаб ждал только донесения от «Торгпрома» и «Промпартии», что подготовка почвы для интервенции внутри СССР закончена. Однако поджигатели войны просчитались в своих расчетах. Революционный трудовой энтузиазм пролетарских и трудящихся масс опрокинул планы Пуанкаре-Война и его своры. Красная армия на советско-китайской границе дала наглядный урок боевой готовности советской страны дать решительный отпор империалистам и их китайско-белобандитским агентам, пытавшимся силой оружия прощупать государство пролетарской диктатуры. В то же время организаторам интервенции пришлось считаться с обострением противоречий в лагере самих империалистических держав. Создать единый фронт против СССР им не удалось. Антисоветская война была отсрочена. Отсрочена, но, понятно, не была снята с порядка дня. Наоборот, как раз в связи с этим французский генштаб особенно усилил нажим на вредителей с целью форсировать темпы вредительства, обострить его формы, чтобы ускорением его создавать обстановку для интервенции. Поэтому процесс «Промпартии» и все разоблачения на процессе оказались весьма чувствительным ударом по планам интервентов. Понятно отсюда, почему опубликование обвинительного заключения по делу «Промпартии» было встречено в штыки всей буржуазной реакционной печатью.

Пуанкаре-Война, пойманный с поличным показаниями своих агентов, выступил с «опровержением», пытаясь замести следы своей причастности к подготовке антисоветской интервенции. Вслед за Пуанкаре-Война с «опровержениями» выступили антисоветские бандиты из «Торгпрома». Все эти Денисовы, Лианозовы, Манташевы и Нобели один за другим начали «опровергать» данные обвинительного заключения и дискредитировать предстоящий процесс по делу «Промпартии». Пойманные с поличным поджигатели войны, выливая грязные помои на показания вредителей—собственных же агентов,—пытаются замести следы своих преступных интервенционистских планов, чтобы тем лучше продолжать осуществление их дальше.

Однако материалы, в том числе и вещественные доказательства, процесса по делу «Промпартии» полностью разоблачили все действительные мотивы и маневры поджигателей войны. Поучительна в этом отношении статья одного из руководителей «Торгпрома» Владимира Рябушинского, опубликованная 7 июля 1930 г. на страницах белоэмигрантского листка «Возрождение». В ней этот продажный агент международного и, прежде всего, французского империализма цинично заявляет, что «интервенция сулит империалистическим участникам небывалые барыши до 500%, что операция освобождения России в настоящее время осуществима с меньшими силами и в более короткий срок, чем 5 лет тому назад. Вероятно, 500 тыс. человек и 3 — 4 месяцев будет достаточно для окончания работ вчерне. Доколачивание отдельных коммунистических банд, конечно, займет еще некоторое время, но оно явится скорее полицейской, чем военной операцией».

Процесс «Промпартии» выявил роль всех белоэмигрантских антисоветских группировок в подготовке новой интервенции. Кадеты, эсеры и меньшевики—Милюков, Абрамович, Далин и другие—в едином фронте с «Торгпромом» и Пуанкаре-Война принимали участие в подготовке антисоветской войны. Под руководством французского империализма все эти группировки об'единились, чтобы с помощью штыков иностранных интервентов свергнуть

советскую власть и отдать страну на разграбление международным капиталистам.

Бурная волна протестов, которой трудящиеся массы Советского союза отозвались на новую вылазку обреченных и отживающих классов нашей страны и враждебных СССР империалистических сил,—явилась выражением несокрушимого стремления и стальной воли пролетариата еще более высокими темпами строить социализм, крепить индустриализацию и коллективизацию СССР — еще больше сплотить свои ряды вокруг Ленинской партии, ее Центрального комитета. Об этом говорят также многие тысячи лучших рабочих-ударников своим вступлением в ряды партии. Тов. Сталин указывал на XVI с'езде партии, что «для преодоления трудностей необходимо прежде всего отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление и расчистить, таким образом, дорогу для быстрого продвижения вперед». Пролетариат и трудящиеся массы СССР в ответ на вылазки классовых врагов — иностранных интервентов, белоэмигрантов, вредителей и кулаков — беспощадно расправляются с агентами международного капитализма и еще более решительно развертывают наступление социализма по всему фронту.

Вредители из «Промпартии» своими показаниями на пролетарском суде содействовали разоблачению захватнических планов французского империализма и «Торгпрома». Государство пролетарской диктатуры в отношении раскаявшихся, обезвреженных и сознавшихся преступников не руководствуется чувством мести. Приговор Специального присутствия Верховного суда о высшей мере социальной защиты против агентов французского империализма и «Торгпрома» — грозное предостережение поджигателям антисоветской войны. Решение Президиума ЦИК Союза ССР, смягчившее заслуженную вредителями меру социальной защиты, соответственно тягчайшим преступлениям их,— доказательство несокрушимой мощи и силы советской власти. Верховный суд в своем приговоре и Президиум ЦИК Союза ССР в своем решении, которое абсолютно не расходится по существу дела с приговором, подчеркнули, что главными руководителями и вдохновителями интервенции и вредительства были французские империалисты и белоэмигранты—заводчики, шахтовладельцы и нефтепромышленники из «Торгпрома». Решение Президиума ЦИК Союза ССР мобилизует пролетариат и трудящиеся массы СССР против интервентов, против бешено сопротивляющихся классовых врагов в СССР, еще окончательно не уничтоженных, — мобилизует против новой опасности вооруженного нападения империалистов на Советский союз.

Угроза непосредственной военной интервенции против СССР поставлена международным капитализмом в порядок дня. Лига Наций, II Интернационал социал-фашистов всех мастей стараются скрыть подготовку интервенции лицемерными пацифистскими разговорами о «разоружении». В то же время женевские «миротворцы», отвергая все предложения делегации СССР по вопросу о разоружении, открыто подчеркивают необходимость усиления военной мощи западных соседей СССР, которые якобы «призваны защищать европейскую цивилизацию от большевистской угрозы».

Нельзя забывать, что планы интервентов процессом «Промпартии» разоблачены, но опасность интервенции, угроза войны империалистов против СССР отнюдь не снята, именно потому, что борьба со-

циалистической и капиталистической систем засоряется — в силу мирового экономического кризиса капитализма, в силу успехов и побед социализма в СССР. Наша страна вступила в период социализма. Ближайший год, 1931 год, — решающий год пятилетки. Это — год завершения построения фундамента социалистической экономики СССР. Все выше подымающиеся темпы социалистического строительства в СССР—осуществимы, дальнейшие победы социализма в нашей стране—вполне возможны. Наша задача—мобилизовать всю творческую энергию пролетариата и масс трудящихся, их революционную бдительность. Наша задача — как никогда бдительно бороться и биться за генеральную линию партии, против главной—правой опасности и против «левого» оппортунизма, против всяких колебаний и двурушничества. Достигнутые успехи социализма в СССР были и будут возможны только на основе полного торжества генеральной линии партии в борьбе против «левого» и—особенно—правого оппортунизма, в борьбе против «лево»-правого блока двурушников.

Стальное единство на основе генеральной линии нашей партии, возглавляющей развернутое социалистическое наступление миллионных масс, это — решающее условие дальнейших побед социализма, условие крушения последних надежд классовых врагов внутри СССР—и планов интервентов.

Миллионы пролетариев всего мира, следивших за процессом, еще больше сплотят свои ряды в защиту СССР — своего социалистического отечества. Они сумеют добиться окончательного разоблачения поджигателей антисоветской войны. Об этом говорят многочисленные протесты, которыми откликнулся, по призыву братских коммунистических партий, мировой пролетариат и трудящиеся в связи с процессом «Промпартии». Международный пролетариат и трудящиеся знают, что угроза СССР — это прямая угроза международной пролетарской революции и рабочему классу вообще. Международная солидарность пролетариата является фактом, с которым, вопреки контрреволюционным стараниям II Интернационала социал-фашистов всех мастей, вынуждены считаться поджигатели антисоветской войны.

Мировое коммунистическое движение, мобилизуя многомиллионные пролетарские силы в защиту СССР, будет еще более решительно вести борьбу за свержение капиталистического строя — единственного виновника угрозы новых войн и, в первую очередь, угрозы контрреволюционной войны против Советского союза. Все секции Коминтерна, изолируя и выкидывая из своих рядов оппортунистические элементы, мешающее революционному пролетарскому наступлению, вносящие в ряды революционного пролетариата неуверенность в победе, сумеют добиться победы пролетариата во всем мире.

Инициаторам и вдохновителям интервенции против СССР не избежать сокрушительных ударов грядущей мировой пролетарской революции!

Бела-Кун.

Усилить международную борьбу против интервенции.

I.

Процесс «Промпартии» — партии вредительства, шпионажа и предательства—закончился. Голоса «кающихся» представителей самой гнилой части буржуазной интеллигенции, продолжавших в СССР преступную деятельность в качестве агентов быв. господствующих классов царской России уже потонули в звуках победного труда масс, строящих социализм. Крах вредителей лишний раз подтверждает торжество генеральной линии партии, победу осуществления пятилетнего плана в четыре года. Все это только лишнее доказательство того, что констатировал тов. Сталин в своей речи на XVI партс'езде.

> «Ясно, что вопрос «кто-кого» — вопрос, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно».

Вредители выступили, как агентура международного империализма, во главе с наиболее агрессивным империалистическим разбойником — Францией, руководящие круги которой снова хотят с оружием в руках выступить против строящегося социализма.

В только что закончившемся процессе вожаков вредительской и шпионской «Промпартии» выявились три главные «движущие силы», об'единившиеся в борьбе за реставрацию капитализма, за военную диктатуру и империалистическую интервенцию, результатом которой было бы, прежде всего, истребление авангарда пролетариата не только в Советском союзе, но и в международном масштабе. Этими силами являются:

1. Отдельные прослойки буржуазной интеллигенции, городской мелкой буржуазии и кулачество, ликвидируемое как класс на основе сплошной коллективизации, представляемые «Промпартией» и родственной ей организацией Кондратьева-Чаянова с ее меньшевистскими союзниками (группа Громана, Суханова и др.).

2. Остатки бывших русских господствующих классов (помещиков и капиталистов) в эмиграции, возглавляемые «Торгпромом» и различными монархическими военными организациями, в хвосте которых плетутся республиканско-демократический центр (Милюков) и «секции» II Интернационала, обломки эсеров (Керенский, Чернов) и меньшевиков (Абрамович, Дан).

3. Французский империализм, как гегемон империализма на европейском континенте, политический и военный организатор военного блока: Польши, Румынии и других государствах Малой Антанты, При-

балтийских государств, с прикрывающим весь этот блок социал-фашистским II Интернационалом.

Последняя по порядку из этих трех движущих сил контрреволюции занимает по своему весу первое место.

Первая группа движущих сил контрреволюции, а тем более вторая, на 14-м году Октябрьской революции уже, по существу, не представляет самостоятельного фактора. Сила обеих этих групп стала, главным образом, производной, отраженной силой. Источником силы обеих групп является международный, в первую очередь французский империализм; обе зависят от него. Кулачество, как класс, ликвидируется и изолируется все больше. Оказывая бешеное сопротивление социалистическому наступлению, оно, при правильной политике партии, не способно на решительное контрнаступление без широкой и активной помощи международного империализма. Те «фактические привилегии», которые русская буржуазия смогла сохранить еще некоторое время после революции — «деньги», некоторый «наличный капитал» и т. д., в процессе революции уже большей частью ускользнули у нее из рук. Внутреннее сцепление в лагере русской буржуазии подверглось в процессе революции почти совершенной дезорганизации. Вскоре в результате политики партии по подготовке новых кадров рушились и те привилегии, которые дотоле были обеспечены буржуазии, благодаря ее былой монополии в области образования, когда она, как «образованный и имущий» класс, владела «всеми тайнами науки управления». Из признаний всех вождей «Промышленной партии» отчетливо явствует, что эта контрреволюционная организация попала на путь подготовки интервенции, на путь шпионажа и измены именно в силу своей социальной беспочвенности в самом СССР. Не рост ее «влияния» на массы, а, наоборот, растущая изоляция даже от более широких масс инженеров привела к тому, что «Союз инженерных организаций» по директиве своих империалистских патронов был наименован «политической партией», «Промышленной партией».

Вторая группа движущих сил контрреволюции — остатки бывших господствующих классов, выброшенных в эмиграцию, и их меньшевистские и эсеровские попутчики — еще в меньшей степени опираются на живые социальные силы, еще в меньшей степени представляют самостоятельный социальный фактор.

Сила первой и второй групп движущих факторов интервенции сводится сейчас, в первую очередь, к тому, к чему, по словам Ленина, сводится, в первую очередь, сила всякой свергнутой в каждой стране буржуазии: «...В силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии».

Победоносному строительству социалистического Советского союза (в этом один из важнейших уроков процесса) серьезно и непосредственно угрожает одна основная контрреволюционная сила: вооруженная сила международного империализма, который в настоящее время, под руководством империалистов Франции, организует силы для военной интервенции против СССР, сколачивая антисоветский блок государств от Финского залива до устья Дуная.

II.

Процесс «Промпартии» заставил Пуанкаре, после голого отрицания, прибегнуть к более сложным приемам лжи, когда открытое судебное разбирательство выявило факты, указывающие на прямую его роль в подготовке интервенции. Пуанкаре, агрессивнейший представитель воинствующего империализма, силою фактов, выяснившихся из признаний обвиняемых и свидетелей, был вынужден защищаться. В свое оправдание он указал, что еще в 1920 г. он извлек урок из участи, постигшей Колчака и Деникина и поддерживавшей их англо-французской интервенции. Он, оказывается, еще в 1920 году, в качестве «частного лица», был против того, чтобы французское правительство признало Врангеля и поддерживало его в противовес советской власти.

Однако факты и их взаимную связь так же мало можно свести на-нет методами простого отрицания, как и более сложными методами хитросплетенной лжи, которые Пуанкаре стал применять для своего оправдания.

Наиболее яркие из этих фактов таковы:

По единодушному признанию всех обвиняемых, первым сроком интервенции намечался во Франции 1928 г., затем, вторым сроком — 1930 г. и, наконец, интервенция была отложена до 1931 г.

В 1928 г. имела место во время пребывания Пуанкаре у власти поездка Думерга в Лондон. В то время Пуанкаре был занят стабилизацией французской валюты и обеспечением континентальной гегемонии Франции. Эта поездка Думерга (май 1927 г.) дала сильный толчок англо-французскому сближению, устранила целый ряд противоречий между обоими руководящими империалистическими государствами, и в 1928 г., т. е. в том году, на который Пуанкаре намечал интервенцию, возродилась англо-французская Антанта. Острие этой империалистической Антанты было направлено, разумеется, против Советского союза.

Возрождению англо-французской Антанты сопутствовало заключение ряда сухопутных и морских военных конвенций, и, таким образом, по инициативе Пуанкаре Франция стала руководителем подготовки интервенции против Советского союза.

1928 г. не стал годом интервенции против СССР. Но подготовка интервенции получила в этом году новый сильный импульс. Начиная с зимы 1928 года, подготовка интервенции ведется наиболее систематически. Как раз англо-французское соглашение развязало Франции руки в деле обеспечения ее военного влияния в пограничных с СССР государствах, при сохранении за Англией влияния на море.

1928 год был годом организации против СССР военно-политического блока от Балтийского до Черного моря. В этом году влияние Франции во всех западных граничащих с СССР государствах было расширено и была закреплена польско-румынская военная конвенция. В этом году Пилсудский посетил Румынию, офицеры румынского генерального штаба сделали визит в Варшаву. В этом году укрепилось также военное сотрудничество Польши с Прибалтийскими государствами. В этом году снова начались поездки генерала Лерона в Варшаву и Бухарест и генерала Шарни в Прибалтийские государства. В этом году французский военный атташе посетил Латвию и Эстонию и в том же году вызвал сенсацию визит начальника польского генерального штаба во Францию. Из признаний руководителей «Промпартии» также отчетливо вытекает, что в этом году «Союз инженерных организаций» был всецело взят в свое ведение комиссией Жанена при французском генеральном штабе и ее московскими представителями гг. К. и Р. В том же году «Промпартия», а вместе с ней группа Кондратьева-Чаянова и меньшевистская группа во главе с Громаном начинают ориентировать свою деятельность всецело в сторону подготовки интервенции.

В 1929 году, вскоре после стабилизации французской валюты, французский капитал, осторожно и лишь на короткий срок предоста-

влявший кредиты в Европе и в Америке, предоставил Румынии заем в сумме 72 млн. долларов на усиление военных вооружений.

В 1929 году, под руководством Франции, была предпринята пробная провокация на КВЖД, окончившаяся победой мирной политики Советского союза и жалким банкротством международного империализма.

В 1929 году не только Коммунистический Интернационал, но даже наиболее дальновидные политики буржуазии (в том числе Пуанкаре) предвидели новое обострение послевоенного кризиса капитализма, углубление противоречий стабилизации. Правда, интервенция была отсрочена вследствие роста мощи СССР и успешного хода выполнения пятилетки, но, с другой стороны, обострение кризиса капитализма и первые победы пятилетнего плана социалистической реконструкции СССР вызвали форсирование подготовки интервенции. 1929 год был годом резкого усиления конкретных военных приготовлений со стороны «Промышленной партии» и родственных ей организаций в СССР через французских агентов гг. К. и Р. В то же время генералы Лерон и Франше д'Эспере проводили следующие военно-технические операции на территории западных соседей Советского союза: укрепление польской военно-морской базы в Гдыне; прокладка стратегической железной дороги между Гдыней и Верхней Силезией, с преобладающим финансовым участием крупнейшего французского завода военного снаряжения Шнейдер-Крезо; постройка целого ряда военно-химических фабрик в Польше; увеличение производительности военных фабрик в «треугольнике безопасности» (треугольник крепостей Радом — Перемышль — Тарнов); постройка отделений заводов Скода в Польше и, наконец, реорганизация румынской армии. В области военно-политической важнейшим событием этого года было окончательное укрепление военного влияния Франции в Латвии, Эстонии и Финляндии и установление теснейшей связи между обоими крупными военно-промышленными предприятиями — французскими заводами Шнейдер-Крезо и чехо-словацкими заводами Скода.

Наряду с этим мы наблюдаем и дипломатические выступления Франции в интересах польско-германского сближения для усиления влияния Польши в Прибалтийских государствах, заключение с Данией соглашения о проливах, попытки использования в интересах французского империализма Скандинавского блока, попытки организации опорных точек для французского влияния в Турции.

1930 год, новый срок интервенции, приносит обострение экономического кризиса капитализма, в том числе и кризиса французского капитализма; усиливается подготовка интервенции, переходящая из фазы дипломатических и военных приготовлений в фазу подготовки широкого общественного мнения. Этот год — есть год антисоветской кампании под французским руководством; год крестового похода папы римского, кутеповщины, кампании вокруг «разоблачений» Беседовского и т. п., поездок Лушера для подготовки восхождения короля на румынский престол, организации восточно-европейского аграрного блока в Бухаресте, Варшаве, Будапеште и, наконец, кампании против «советского демпинга».

Рассказанное Рамзиным и К° перед советским судом есть лишь малое отражение того, что правительственные круги и генеральный штаб французского империализма сделали, начиная с 1927 г., в целях подготовки интервенции на 1930 г.

В противовес каждому из опровержений Пуанкаре, к каким бы простым и сложным методам он при этом ни прибегал, цифры биржи в свою очередь говорят весьма убедительно о том, как деловые круги оценивают виды на интервенцию в 1931 году. В то самое время, когда мировой экономический кризис капитализма вызвал падение акций самых надежных капиталистических предприятий на 10 — 15 — 20 пунктов — в период между июлем и октябрем 1930 г., — в это самое время акции трех величайших военно-промышленных предприятий мира последовательно и неуклонно поднимаются. Акции Викерса с 1 июля 1930 г. до 7 октября 1930 г. поднялись с 6,6 до 7,6, акции Гочкиса — с 1.980 до 1.995, акции Шнейдер-Крезо с 1.934 до 1.945. Миллионы и миллионы рабочих становятся безработными вследствие сокращения производства, трещат крепости империалистического капитализма — банки, рушатся банкирские дома, но акции военной промышленности растут. Они растут потому, что продукция военной промышленности лихорадочным темпом растет во славу интервенции. Во французском парламенте крупная буржуазия упрекает Тардье в том, что его заявления о процветании страны — чистейший обман. И эта часть французской буржуазии зовет на выручку призрак Пуанкаре-Война, стабилизовавшего французскую валюту, чтобы еще более активно форсировать подготовку интервенции: Пуанкаре должен, если не в других отраслях, то по крайней мере в области военной индустрии обеспечить высокую рентабельность французского капитала за счет крови пролетариата и масс крестьянства СССР.

В Женеве, где французский империализм уже едва позволяет говорить о разоружении, «пацифист» лорд Роберт Сессиль, делегат английского «рабочего» правительства, высказывается против предложения графа Бернсторфа о созыве новой конференции по разоружению на 1931 год. Он предлагает созвать конференцию по разоружению только в 1932 г.

Повышение акций Викерса, Гочкиса и Шнейдер-Крезо показывает, что признания подсудимых на процессе «Промпартии» о перенесении на 1931 год предполагавшейся в 1930 году интервенции базировались на точной информации. Эта информация шла из первоисточника, из посвященных в дело кругов французского империализма. Пуанкаре и К° решили, что 1931 год будет годом войны.

Система Версальского мира, на которую опирался французский послевоенный капитализм, уже расшатана. Силы, которые держат под огнем систему империалистического мира, можно «успокоить» — так рассчитывает французский империализм — парализовать — по крайней мере на время, если пообещать им новый передел мира в результате интервенции против СССР.

К войне империализм настоятельно готовился в 1928 г., когда к началу третьего периода послевоенного развития капитализма только начал намечаться кризис; эту подготовку он еще более усилил в 1930 г., когда — одновременно с развитием острейшего и глубочайшего кризиса мирового капитализма — СССР еще быстрее двинулся вперед по пути индустриализации и коллективизации, когда на XVI парт'съезде прозвучали исторические слова тов. Сталина: «мы уже вступили в период социализма», когда исчезла надежда на возможность срыва строительства социализма без непосредственной военной интервенции, опирающейся на силы контрреволюции внутри советской страны. Еще необходимее для империализма интервенция будет в 1931 г., когда все указанные выше факторы будут действовать с еще большей силой.

То, что на процессе рассказали шпионы и агенты Пуанкаре, стократно подтвердилось всеми последними событиями мировой экономической и политической жизни.

III.

Процесс показал рабочему классу всех стран, как должна применяться в мировой политике тактика — класс против класса. Подготовка интервенции, контрреволюционной классовой войны происходила по правилам этой тактики.

В СССР Пуанкаре и его агенты создали единый фронт остатков городской и сельской буржуазии, реакционных слоев буржуазной интеллигенции — от Пальчинского до Рамзина, от Кондратьева до Громана и Суханова, — с помощью «Торгпрома», Милюкова, Керенского и Дана. В западных пограничных с СССР государствах, от Финляндии и Польши до Румынии, все силы буржуазии пришли в движение, чтобы помочь фашизму добиться победы

В странах, лежащих за лимитрофами, французское влияние скрывалось за всякой фашистской авантюрой, стремясь обеспечить для интервенции более широкий плацдарм и возможность пропуска войск. Классическим примером в этом отношении является попытка франко-германского сближения на фашистском базисе.

Крестовый поход римского папы имел целью обраоотку клерикальных мелкобуржуазных масс в пользу вооруженного буржуазного классового фронта. «Аграрный» блок и кампания против «советского демпинга» опять-таки имели целью включение кулацкого и середняцкого крестьянства в этот фронт империалистов. Для буржуазии и мелкой буржуазии угнетенных наций приманкой был бриановский лозунг «Соединенных Штатов Европы».

Наконец, последним по счету—но отнюдь не по значению—выступает в интересах создания единого международного империалистического фронта буржуазии в целях обеспечения интервенции против СССР — II Интернационал, социал-фашизм.

Милюков отнюдь не преувеличивал, когда он уверял кондратьевского кандидата в министры — Юровского, что руководство французских социалистов поддержит интервенцию. Воротилам французской социалистической партии нет надобности опираться на «теоретический авторитет» Каутского, чтобы мотивировать поддержку империалистической интервенции. Леон Блюм так же мало нуждается в «теоретических авторитетах», как и Ренодель. Их собственное прошлое — поддержка бонкуровского закона вооружений на суше, на воде и в воздухе — служит для них достаточным оправданием, если они хотят включить и рабочий класс в тот международный классовый фронт буржуазии, который организуется Пуанкаре против международного пролетариата и его отечества — СССР. Если Пуанкаре-Война является для них не совсем подходящей для обмана масс вывеской, то Леон Блюм поет в «Попюлер» хвалебные гимны по поводу пацифизма Бриана, по поводу его «благородной души» и «гуманных целей»».

Социал-демократия остальных стран — английская, германская, польская, румынская, финская и т. д. — стоят под собственными пестрыми национальными знаменами, пуская пыль в глаза пацифистскими фразами, чтобы отвлечь внимание масс от подготовки интервенции. Или же она снова повторяет, что война грозит с Востока, со стороны большевиков. Многие из социал-демократов открыто заявляют, что интервенция против СССР «священнейшее дело человечества».

Подготовка к войне против СССР охватила уже самый широкий фронт, куда входят — международная финансовая олигархия, представители благоговеющего перед Лигой Наций мелкобуржуазного пацифизма и II Интернационал, этот Интернационал социал-фашистов.

IV.

Из разоблачений на процессе и из сопоставления событий мировой и, в особенности, французской политики после 1927 года с этими «разоблачениями» международный пролетариат должен немедленно извлечь следующие основные уроки:

1. Внутреннее соотношение классовых сил в СССР, благодаря решительному проведению ленинской генеральной линии партии в беспощадной борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, благодаря развернутому большевистскому наступлению по всему фронту социалистического строительства и крупнейшим хозяйственным успехам, — характеризуется решительным укреплением позиций социализма, успешным ходом ликвидации кулачества как класса и выкорчевыванием самых глубоких корней капитализма. В процессе победоносного социалистического наступления пролетариат ломает бешеное сопротивление классового врага—кулака, нэпмана, вредителя.

2. Основная опасность, угрожающая диктатуре пролетариата и социалистическому строительству — это опасность интервенции со стороны международной буржуазии, опирающейся на контрреволюционные элементы внутри СССР.

Средоточие этой опасности — Франция, ее аванпосты — Польша, Румыния, Балтийские государства и остальные страны Малой Антанты (Чехо-Словакия и Югославия). Средоточие опасности интервенции находится, таким образом, вне границ СССР, в империалистических государствах.

3. Конкретное всестороннее разоблачение подготовки интервенции против СССР на процессе вредителей отнюдь не уничтожило опасности военного нападения на советскую страну. Углубление кризиса капитализма, превращение экономического кризиса в ряде стран в политический усиливает опасность интервенции, ускоряет ее темп. Только революционной волей, революционным действием, революционной борьбой международного пролетариата могут быть опрокинуты планы интервенции, отложенной на 1931 год. Эти планы ходом событий, революционной борьбой пролетариата опрокидывались уже не раз. Но ни на минуту нельзя забывать, что опасность интервенции есть сейчас актуальная и величайшая опасность.

4) Боевой неотложной нашей задачей является создание международного революционного фронта пролетариата и вовлечение широчайших масс крестьянства и мелкой буржуазии в борьбу против движущих сил империалистической интервенции — от международной финансовой олигархии до II Интернационала—в первую очередь, в борьбу против организатора этого фронта, французского империализма. Борясь в каждой капиталистической стране против собственного империализма, мы должны вести борьбу против центра международного империализма — против французского империализма.

Процесс руководителей «Промпартии» был чувствительным ударом по интервенции, но опасность ее не снята. Пролетариат СССР устами своего вождя и вождя международного пролетариата тов. Сталина уже на XVI партс'езде дал ответ на планы интервенции.

За этими словами—сила 140 млн. трудящихся СССР, решительная революционная пролетарская воля к построению социализма.

Остальное — дело рабочих и бедняцкого крестьянства капиталистических и колониальных стран, дело коммунистических партий всего мира, которые должны по-большевистски мобилизовать все

силы международной революции против кровавых планов империалистических интервентов.

В связи с процессом «Промпартии», тесно связанной с мировым империализмом, коммунистические партии развили большую кампанию против попыток интервенции, против опасности новой войны. Эта кампания должна быть только началом международного пролетариата в его борьбе против попыток империалистической интервенции на Советский союз. На основе широкого применения тактики единого фронта в эту борьбу должны быть втянуты социал-демократические рабочие, которые вместе с революционным авангардом должны осуществить лозунг защиты Советского союза.

Г. М. Кржижановский.

К десятилетию плана ГОЭЛРО.

(22 декабря 1920 г. — 22 декабря 1930 г.).

Общие установки плана ГОЭЛРО.

VIII С'езд советов навсегда останется памятной датой в летописи огромных послеоктябрьских событий. Центральным пунктом этого с'езда было столь памятное выступление Владимира Ильича по кардинальным вопросам предстоящего хозяйственного строительства. Это было выступление как раз по плану ГОЭЛРО, связанное с содокладом этой комиссии, составленной по его непосредственному указанию и работавшей под его непосредственным контролем.

ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России. Какое же отношение имела эта, на первый взгляд, специальная комиссия к идеям планового хозяйства? Всякий знакомый с трудами комиссии знает, что это отношение было прямым и непосредственным:

> «Составить проект электрификации России — это означает дать красную руководящую нить для всей созидательной хозяйственной деятельности, построить основные леса для реализации единого государственного плана народного хозяйства», —

так писали мы в нашем введении к трудам ГОЭЛРО, розданном участникам VIII С'езда. Осуществление планового режима хозяйства — не что иное, как осуществление социализма, если это осуществление имеет место при наличности соответствующей социально-технической базы. Социальная база давалась Октябрьским переворотом, пролетарской диктатурой. Базу техническую должна была дать электрификация. Вот почему план электрификации РСФСР — первая наиболее систематизированная попытка проекта конкретных работ по осуществлению социализма на огромном географическом плацдарме в огромном историческом масштабе.

Мы давали себе полный отчет, что такая работа по существу должна была быть творческой. Опыт прошлого здесь явным образом отказывал, ибо предстояло в самой этой работе наметить вехи окончательного выкорчевывания корней этого прошлого. Дело шло не просто об европеизации нашего хозяйства; дело шло о том, чтобы «выравнять фронт нашей экономики с достижениями нашего политического уклада». Дело шло о том, чтобы попытаться дать в первом приближении набросок того, что Владимир Ильич называл «второй программой нашей партии».

Мы собрали вокруг себя все те наличные силы наших ученых и техников, которые были в пределах нашей досягаемости в тогдашних условиях разгорающейся экономической разрухи, сосредоточения главных сил и внимания на фронтах гражданской войны и продолжающегося саботажа интеллигенции. По тогдашним временам коллектив работников ГОЭЛРО в 150—200

человек научных сотрудников был достаточно мощным коллективом, но *мы никогда не рискнули бы синтезировать труды этого коллектива и выступать с ними на арене С'езда советов, если бы за нами не стояла мощная, подбадривающая фигура Владимира Ильича, если бы нас не подкрепляла и не направляла его сверлящая, озаряющая и гениальная мысль.*

Вот что нам хотелось бы отметить прежде всего в десятилетнюю годовщину ГОЭЛРО.

Пройдет, вероятно, еще немного лет, и всем гражданам нашей страны возможности и выгоды планового хозяйственного режима станут совершенно самоочевидны благодаря гигантским социально-экономическим результатам. Не таково было наше положение в 1920 г., т. е. в такое время, когда мы были лишь накануне перехода от борьбы с оружием в руках к борьбе на хозяйственном фронте. Мы тогда подчеркивали, что

> «наша работа только начало. Она может послужить лишь материалом для составления такого плана народного хозяйства, который необходим трудящимся, чтобы великие жертвы, понесенные ими на военном фронте, возможно скорее оправдались успехом на фронте экономическом».

Владимир Ильич весьма настаивал на том, чтобы работы ГОЭЛРО стали учебным материалом наших школ и вузов. Нам не удалось осуществить этой его идеи. Таким образом, план и его успехи были еще впереди, а кругом жестокая хозяйственная разруха. Собрать продовольственный фонд в каких-нибудь 3—5 млн. тонн хлеба — вот база, из которой приходилось исходить. И тем не менее VIII С'езд советов был переломным моментом; тем не менее самое наше хозяйственное строительство, самый опыт миллионов трудящихся за эти десять лет, последовавших за VIII С'ездом, были гигантской и решающей школой в стиле тех наметок хозяйственного и политического строительства, которые давались планом ГОЭЛРО. И теперь уже каждый школьник знает, что такое наши контрольные цифры и пятилетки и каков круг задач генерального плана народного хозяйства, первой компановкой которых был план ГОЭЛРО.

Оглядываясь назад и перелистывая страницы плана ГОЭЛРО, мы можем взвесить идеи этого плана уже на исторических весах, ибо десять послеоктябрьских лет — это огромный период времени, это целая историческая эпоха.

Развертывание послеоктябрьского строительства базировалось на командных высотах национализации земли, национализации промышленности и монополии внешней торговли. Но эти решающие факторы могли дать жизнеспособное целое только в условиях последовательного развертывания планового социалистического хозяйства. Владимир Ильич определенно подчеркивал, что новая экономическая политика была лишь специфическим средством осуществления намечаемых нами планов социалистического строительства, оставляя задачи этого строительства по существу теми же самыми, чем они были с самого начала. И непреложный суд времени прежде всего утвердил, что эти основные ставки Красного Октября — *не фантастика, а наиболее крупный факт революционной действительности XX века*. Таким образом, работы ГОЭЛРО в этом разрезе более чем оправданы действительностью как в количественных показателях, так и в показателях качественных, многие из которых являются исторически рекордными.

Оглядываясь назад, мы можем определенно констатировать, что под'ем из обстоятельств послевоенной разрухи был сделан нами в кратчайшие сроки

и что вслед за завершением этого под'ема мы пошли вперед с такими темпами роста в решающих областях производства, равных которым (темпам) не имелось в мировом опыте. Мы можем решительно утверждать, что десятилетнее строительство планового хозяйства Страны советов уже блестяще подтвердило явное превосходство такой системы над «передовыми» *капиталистическими* странами.

Не случайно вышло так, что при докладе нашей пятилетки на V С'езде советов все изложение пришлось вести в непосредственной связи с основными установками плана ГОЭЛРО. Пятилетний план реконструкции нашего хозяйства неминуемо должен был вернуться к тем основным идеям социальной и технической реконструкции, которые намечались в плане ГОЭЛРО, этом плане, продиктованном всей совокупностью обстоятельств первой боевой фазы социалистического строительства, когда мы приступили к созданию предпосылок социалистического строя при невероятно тяжелой обстановке в отсталой аграрно-крестьянской стране, при бешеном сопротивлении враждебных нам классовых сил

Не трудно показать, как в самых разнообразных направлениях, начиная с 1927 года, мы последовательно расширяем фронт нашего социалистического наступления. При этом мы как бы возвращаемся к целому ряду ставок героического периода 1918—1920 гг. Но тогда многое мы могли только намечать и декретировать, а теперь дело идет о *непосредственном социалистическом претворении наших идей в действительность*.

Вновь и вновь, примыкая к установкам плана ГОЭЛРО, на ряду с дальнейшим конституированием плановой системы, нам приходится делать новый нажим на энергетический костяк плана, на самую идею электрификации, трактуемую нами неотрывно от основных задач построения социалистической системы хозяйства.

Боевой характер обстановки неотрывно связан с ударничеством. Ударничество в хозяйственной деятельности — это зачастую отрицание прежнего планового режима. Выход из положения только один: поднять самое планирование на такую высоту, чтобы и ударничество поставить на плановые рельсы. Известное «сходство» в этом отношении между современностью и обстановкой 1919—1920 гг. бросается в глаза. Оценивая хозяйственную обстановку 1919 г., мы писали, что она требует:

> «все более и более решительного нажима в том или ином хозяйственном направлении (ударность), все большей и большей напряженности, дисциплинированности и организованности труда.
>
> При таких условиях нам все более и более угрожает опасность при преодолении очередных трудностей сбиться с основного пути и ради временных интересов пожертвовать основным, существенным, необходимым по общему плану нашей хозяйственной работы. Создание такого плана поэтому все более и более является настоятельной надобностью, несмотря на то, что в настоящее время он может быть начертан лишь в самом грубом, приблизительном виде».

Но приходится подчеркивать особую ударность работы наших дней, приобретающую особое значение при стремительном движении вперед. Мы должны продолжать реализовать план ГОЭЛРО с прежней уверенностью, но с учетом громадного исторического опыта этого десятилетия и на основах гораздо большей мощности доступных ныне материальных ресурсов.

Итак, по сути дела перед нами снова те же два ударных, решающих направления: *народнохозяйственный план и его мощная энергетическая основа*. Отсюда десятки и сотни истоков по всему

полю хозяйственного труда, громадный ряд самых разнообразных заданий, социалистический учет и технологический расчет, цифры-показатели, балансовые прикидки, определение ставки на темпы, совершенствование технико-экономического анализа в беспрецедентных условиях воплощения в жизнь развернутой социалистической реконструкции.

Почему в плане ГОЭЛРО решающим началом во всех этих направлениях был выдвинут момент электрификации? Только по той причине, что таким путем мы надеялись осуществить максимум возможностей для новой, социалистической дисциплины труда. Здесь был центральный упор плана — «от него же все качества». Таким образом, сразу делался отрыв от прочих привычных по всему прошлому установок, от категории «капитала» и беззастенчивых экстраполяций из прошлого. В первом, основном тезисе нашего введения к этому плану мы писали:

«Единственный путь для выхода из хозяйственной разрухи — под'ем в возможно более короткий срок производительности народного труда с расходом минимума трудовых единиц и материальных ресурсов страны.

Такой результат может получиться при одновременной работе в трех направлениях:

а) под'ем напряженности труда (интенсификация);

б) увеличенное участие в трудовом процессе механических двигателей и приспособлений (механизация);

в) общее упорядочение, взаимная согласованность и соответствие с современными требованиями научной техники как самых операций труда, так и использования его продуктов и отбросов производства (рационализация)».

Итак, освобождение труда от социальных пут дано Красным Октябрем. Мы успешно строим социализм. Задачи технологического вооружения труда являются задачами превалирующего порядка. Эти задачи неотделимы, однако, от основных задач социалистической энергетики и реконструкции.

Мы отдаем себе ясный отчет в тех трудностях и в тех суровых боях, которые еще перед нами впереди. Но борьба с экономической разрухой периода 1919—1920 гг. также была нелегкой борьбой. Задачи, которые мы ставили себе в плане ГОЭЛРО, вероятно, большинству наших современников казались чудовищными по своей смелости: ведь недаром план электрификации перекрывали клеветническим и подчеркнуто презрительным термином «электрофикции». Революционные дерзания — это всегда отрыв от привычных оценок, это — всегда разрыв с обывательщиной и филистерством. Наибольшей дерзостью в решениях нашей партии, относящихся к периоду плана ГОЭЛРО, была как раз ставка на возможность осуществления в нашей стране планово-социалистической организации труда. И не потому, что кругом была разруха, а потому, что с самого начала для нас была ясна необходимость особых путей при осуществлении нашей строительной социалистической программы. На I С'езде советов народного хозяйства (26 мая — 4 июня 1918 г.) Владимир Ильич, со свойственной ему ясностью, так обрисовал основное задание, стоящее перед нами:

«Нужно подняться выше и посмотреть на историческую смену укладов общественного хозяйства. Лишь с этой точки зрения станет ясным, какую гигантскую задачу мы на себя взяли и какое гигантское значение имеет то, что на этот раз самый передовой представитель общества — трудящиеся и эксплоатируемые массы — берут на себя, на

свой почин, задачу, до сих пор всегда ему навязываемую, которую всецело в крепостной России до 1861 года решала кучка помещиков... Тогда было их делом создание общегосударственной связи и дисциплины. Мы знаем, как крепостники-помещики создавали эту дисциплину. Это был гнет, надругательство и неслыханные каторжные муки для большинства народа. Припомните весь этот переход от крепостного права к буржуазному хозяйству... Этот переход исторически казался легок, потому что от одного эксплоататора человечество переходило к другому эксплоататору, потому что одно меньшинство грабителей и эксплоататоров народного труда уступало место другому меньшинству тоже грабителей и тоже эксплоататоров народного труда, потому что помещики уступили это место капиталистам, — одно меньшинство другому меньшинству при подавлении широких масс трудящихся и эксплоатируемых классов. И даже эта смена одной эксплоататорской дисциплины другой дисциплиной стоила годов, если не десятилетий, усилий, стоила годов, если не десятилетий, переходного времени, когда старые помещики-крепостники совершенно искренне считали, что все гибнет, что хозяйничать без крепостного права нельзя, когда новый хозяин-капиталист на каждом шагу встречал практические трудности и махал рукой на свое хозяйство... Одним из вещественных доказательств трудности этого перехода было то, что Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказывалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей, и во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине» [1]).

Мы видим, как отчетливо представлял себе Владимир Ильич трудности борьбы за социалистическую дисциплину труда. Но он не отступал перед этими трудностями, а делал нажим на создание наиболее благоприятной обстановки для решения этого вопроса вопросов. Отсюда — прежде всего — его линия на электрификацию, как на истинную базу новой, социалистической системы «крупной машинной индустрии». Отсюда его знаменитая формула: «Коммунизм — советская власть плюс электрификация всей страны».

Однако план ГОЭЛРО не ограничился формулировкой своего основного тезиса о путях реконструкции народнохозяйственного труда. Он конкретизировал эту задачу и в отраслевом, и в районном разрезе. С самого начала с резкостью был подчеркнут вопрос об ограниченности исторических сроков, предоставленных нам для решения наших судеб, и вопрос о темпах всего социалистического строительства в его целом. В самом деле, уже в введении к плану ГОЭЛРО мы читаем:

«В любой административной и технической производственной деятельности прежде всего не надо забывать три основных правила успешности, к которым нас неизбежно приводит практика прошлого:

во-первых, прежде всего не надо тратить времени, т.-е. не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, и не терять темпа в ходе самой работы;

во-вторых, не преувеличивать своих сил, для чего прежде всего требуется знание этих сил и правильная оценка трудностей предстоящей работы;

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 307—308.

в-третьих, начатое доводить до конца, потому что ничто так не дезорганизует работу, как беспомощное метание из стороны в сторону».

Не ограничиваясь этой общей установкой — а в ней дана определенная линия к борьбе на два фронта — план ГОЭЛРО делал определенные количественные и календарные ставки хозяйственного строительства, конкретизировавшие его чрезвычайные темпы.

Прослеживая нашу работу за годы восстановительного процесса, мы можем легко заметить, какой крен давал этот процесс в сторону самотека, толкавшего нас по линии наименьшего сопротивления: на преимущественное развитие легкой промышленности, на предпочтение ремонта и легкой реконструкции — новому строительству и тяжелой реконструкции. По направлению преимущественного развития легкой индустрии пытался толкнуть нас правый оппортунизм, отражавший давление враждебных классов на пролетариат и его партию. По плану ГОЭЛРО намечались резкие сдвиги прежних пропорций и в производственных подразделениях и в соотношениях нового строительства с работами по ремонту и элементарному возобновлению. Вот как была охарактеризирована необходимая установка:

«Всюду и везде мы наталкиваемся на крайне слабую производительность нашего труда и на непропорционально большую долю такого потребления продуктов этого труда, которая служит не непосредственно производственным надобностям, а лишь на поддержку элементарных форм существования. Переоценка хотя бы в грубых общих чертах с этой точки зрения основных соотношений в главных подразделениях нашей экономики, очевидно, является первоочередной задачей при разработке общегосударственного плана нашего народного хозяйства.

Заранее приходится предвидеть, что намечающиеся здесь сдвиги таковы, что нам не столько приходится думать о ремонте и возобновлении, сколько о радикальном переустройстве и о новых сооружениях. Счетная линейка инженера не замедлит доказать при этом, что такой путь окажется для народа как раз наиболее практичным по расходу его трудовой энергии».

С такой же определенностью мы предвидели, что новая структура нашей индустрии теснейшим образом связана с новым экономическим районированием страны. Вот как было сформулировано в том же введении относящееся сюда положение:

«Переоценка соотношений основных подразделений нашего производства неразрывно связана с географическим перераспределением самых производящих областей. В соответствии с естественными ресурсами этих областей и с новым намечающимся укладом планомерно обобществленного хозяйства РСФСР должна быть подразделена на новые экономические округа — предвозвестники будущих цветущих коммун развернутого строя освобожденного труда».

В соответствии с этим преобладающая часть изложения плана была дана в определенном районном разрезе, для прикидок которого был дан максимальный простор для использования местных материалов. Это районное подразделение страны было увязано с определенной программой использования территориальных энергетических ресурсов.

В плане ГОЭЛРО были, таким образом, заложены подлинные энергетические основы экономического районирования. Мы видим, что по самому замыслу это районирование должно было представлять более или менее длительный исторический процесс, непосредственно связанный с ростом планового хозяйственного уклада.

Присматриваясь к нынешним экономическим областям и районам, мы можем констатировать, что они в значительной степени расходятся с наметками ГОЭЛРО. Однако и это районирование было завершено лишь в самое последнее время. Не трудно показать, что тормозами на путях районирования был целый ряд факторов: здесь и недостаток необходимых кадров, и необеспеченность материальными ресурсами, приводящая к некоторой неизбежной гипертрофии централизма, и поправки на момент национального членения территории. Однако движение в направлении вех районирования, поставленных ГОЭЛРО, — налицо и в дальнейшем пойдет, несомненно, ускоренным темпом.

Не трудно показать, что качественный порядок идей, заложенных ГОЭЛРО в основу реконструкции промышленности, сельского хозяйства и транспорта, остается в силе и в настоящее время. В наиболее сжатой форме эти идеи были охарактеризованы в моем докладе на VIII С'езде советов. В плане, прежде всего, демонстрировалась непосредственная зависимость топливоснабжения от электрификации. Рационализация топливного баланса, высвобождение от односторонней зависимости наших индустриальных центров от дальнепривозного топлива путем использования таких видов местного топлива, какими являются различные местные угли, торф, сланцы и разнообразные продукты лесных разработок, — все это было непосредственно увязано с ростом районных электрических централей. Все построение промышленности, в свою очередь, связывалось с необходимостью предварительного оздоровления ее топливной базы. Фронт сельского хозяйства давал непосредственную смычку с фронтом энергетики, потому что легко было показать первейшую необходимость энергетического переворота в крестьянском сельскохозяйственном труде. Уже тогда пришлось сделать упор и на тракторы и на электрификацию сельского хозяйства, отмечая одновременно необходимость под'ема в сторону производственного кооперирования крестьянского массива. Наконец, магистрализация транспорта с одновременной его электрификацией охарактеризовывалась как основная линия транспортной реконструкции.

Электрификация самой промышленности намечалась как явно выраженная столбовая дорога прогресса мировой техники. Для нас и тогда было ясно, насколько специализация производства, правильное технологическое разделение труда, массовая, типизированная и стандартизированная продукция — связаны с дальнейшей электрификацией промышленности.

Оглядываясь на пройденную дорогу, мы можем констатировать, что, в то время как количественные наметки плана ГОЭЛРО в целом ряде решающих разрезов хозяйства превзойдены, этого отнюдь не приходится сказать относительно качественных ставок плана. Наш топливный баланс еще до сих пор недостаточно минерализирован, и пропорция дальнепривозного топлива попрежнему является чрезмерной. Революция сельскохозяйственной энергетики зашагала быстрыми шагами вперед лишь в последние годы, но многообещающее электрическое крыло этой энергетики находится еще в зародыше предварительных стадий. Электрификация транспорта обретается прямо-таки в младенческом состоянии, а самую идею магистрализации транспорта приходится защищать от оппортунистических установок.

Мы можем, таким образом, утверждать, что в общем и целом качественные установки плана ГОЭЛРО были намечены с надлежащим опережением действительности. Гениальное руководство Владимира Ильича оправдано и на этот раз непреложным свидетельством времени

ГОЭЛРО и пятилетка.

В своем докладе на VIII С'езде советов Владимир Ильич, касаясь плана ГОЭЛРО, считал необходимым поставить вопрос о сокращении его оптимального срока ниже десятилетия. В дальнейшем мы увидим, что электрическую часть программы плана ГОЭЛРО мы выполняем в течение одиннадцатого года, истекшего со времени прокламирования этого плана. Не следует упускать из виду, что официальное утверждение план получил лишь в 1921 г., а приступ к его работам должен быть отнесен даже на 1922/23 хозяйственный год. Справка показывает, что, превращая нашу пятилетку в четырехлетку, мы как бы следуем прямым указаниям Владимира Ильича. А если вдуматься в наше положение, то иначе и быть не может. Хозяйственное творчество великих под'емных, революционных периодов неизбежно должно сопровождаться некоторым ускорительным процессом. Не надо забывать, что героями этих периодов являются сами массы трудящихся. В своем выступлении на VIII С'езде Владимир Ильич подчеркнул известное положение Маркса, по которому глубина исторического действования находится в прямой пропорциональности с вовлеченной в его водоворот человеческой массой. Измерить наперед это ускорение не представляется никакой возможности. Удачно составленный план сам является толкачом активности трудящихся, и уже по одному этому количественные и календарные ставки такого плана являются сугубо относительными.

Судьба пятилетки, прокламированной на V С'езде советов, у всех на глазах. Не подлежит никакому сомнению, что ее основные ставки будут выполнены в четырехлетний срок; в значительной же доле мы имеем выполнение в сроки еще более короткие. Но в таком случае без большой погрешности мы можем приурочить конечный срок пятилетки примерно к тем же датам, которые первоначально намечались для плана ГОЭЛРО. Такая установка и взята была нами при докладе пятилетки на V С'езде советов, при этом подчеркивалось, что, в то время как ставки плана ГОЭЛРО опирались по преимуществу на теоретические расчеты, ставки пятилетки могли уже базироваться в значительной степени на гигантском опыте самих трудящихся. И тем не менее мы можем констатировать, что относительное опережение по времени выполнения ставок пятилетки более велико, чем опережение ставок плана ГОЭЛРО. Можно ли отсюда сделать вывод, что план ГОЭЛРО по сравнению с пятилеткой является более совершенным планом? Конечно, нет. Вывод, сам собой напрашивающийся, только один: пятилетка охватывает периоды такого ускорения наших хозяйственных темпов, которое не могло иметь места в течение восстановительного периода, целиком упавшего по времени на первые две трети плана ГОЭЛРО. Судьбы количественных ставок обоих планов, однако, примерно одни и те же: они с самого начала принимались как весьма приближенные величины. Здесь не только несовершенство наших плановых оценок по отдельным рубрикам нашего хозяйства, здесь еще некоторая неизбежная относительность в соблюдении основного костяка обоих планов, относительность самого планового режима нашего хозяйства. Колебля отдельные части системы цифр-показателей, представляющих в своей сумме костяк любого перспективного плана, мы нарушаем всю логику расчетов, имевших место при проектировке. При резких нарушениях в этом направлении получаются отдельные «пики», резко возвышающиеся над прежней кривой показательных величин. И не всегда возможно по высоте этих «пиков» определять ускорение выполнения всего плана в его целом.

Но так или иначе, памятуя несовершенство таких сравнений, без оценки выполнения плана во времени, хотя бы по его отдельным частям, мы обойтись не можем.

К каким же основным выводам приводит нас такая оценка? Вспомним прежде всего наши основные сопоставления плана ГОЭЛРО и наметок пятилетки. Вот что мы утверждали на V С'езде советов:

> «План ГОЭЛРО был планом электрификации. По этому плану намечалось построить 30 районных электростанций общей мощностью в 1.750 тыс. кв. В пятилетке мы идем уже не с 30-ю электрическими станциями, а с 40. Мощность их значительно превосходит мощность, намеченную раньше, — от 2.500 до 3.000 тыс. кв. Что это означает?
>
> Действительность показала, что нажим ГОЭЛРО на электрификацию был правилен, что он не только не был преувеличен, а как раз наоборот. Не рассуждения, а прямые ответы на запросы по электроснабжению мест, важнейших районов, важнейших отраслей народного хозяйства вынуждают нас теперь итти в этом деле далее и решительнее. В общем и целом, однако, мы идем по строительству районных станций как раз в тех местах, которые были намечены по плану ГОЭЛРО. Новые станции пятилетки лишь уточняют этот проект, ограничиваясь в большинстве случаев лишь увеличением первоначально намеченных мощностей.
>
> А вот другая важнейшая строительная хозяйственная линия — металл. Я прямо прочту вам, каким образом мы рассматривали программу черного металла в плане ГОЭЛРО. Вы увидите, как сейчас новая проработка вопроса поразительно близко подвела нас к тем же величинам, какие мы намечали в 1920 г.: «В программу производительности ближайшего десятилетия должно быть поставлено увеличение выплавки Южного района до 5 млн. тонн (300 млн. пуд.). Это увеличение может быть достигнуто полным использованием оборудования существующих заводов, расширением таковых (между прочим, Керченского) и устройством нового крупного завода на 0,65 — 0,75 млн. тонн (40 — 45 млн. пуд.) около Александровска. Урал может дать при добавочном снабжении донецким и кузнецким углем до 2,5 млн. тонн (150 млн. пуд.), Центральный район—до 0,40 млн. тонн (25 млн. пуд.) и Северный— такое же количество. Для обслуживания Сибири следовало бы развить металлургическую промышленность в Кузнецком бассейне. В сумме выплавка чугуна должна быть доведена в ближайшие сроки до 8 млн. тонн (500 млн. пуд.) в год, при чем придется прилагать все усилия для дальнейшего увеличения этой нормы».

Десять миллионов тонн чугуна пятилетки — это 600 млн. пуд. Вы видите полное совпадение ставки нашей пятилетки с планом ГОЭЛРО, ибо в ГОЭЛРО говорилось, что 8 млн. тонн (500 млн. пуд.) чугуна будет мало. По пятилетке Украина должна дать 6 млн. тонн чугуна, — и, сличая разверстку по местам и по характеру строительства в обоих планах, вы увидите полное совпадение.

Посмотрим дальше, что мы говорили о топливном центре — Донецком бассейне. Мы говорили в 1920 г., что надо довести добычу Донбасса с опорой на крупные шахты до 35 — 50 млн. тонн (2 — 3 миллиарда пуд.). Посмотрите, как сейчас намечаем. 54 млн. тонн угледобычи Донбасса по пятилетке — это в переводе на пуды соответствует задаче поднять угледобычу Донецкого бассейна до 3 миллиардов пудов.

По добыче торфа намечалось получить не менее 1 миллиарда пудов (около 17 млн. тонн). Мы делаем в нашей пятилетке ставку на 16 — 18 млн. тонн торфа. Такое же поразительное совпадение и по черной руде — в обоих планах 20 млн. тонн. Уже эти справки показывают, что ставки нашей пятилетки в общем и целом близки к наметкам плана ГОЭЛРО. А их можно было бы значительно продолжить.

По плану ГОЭЛРО предвиделось громаднейшее расширение туковой удобрительной промышленности, фосфоритной муки, фосфоритных и азотистых удобрений. Там говорилось о большом строительстве государственных совхозов, при чем предвиделся длительный путь для выправки их хозяйства. О чем это говорит? Это говорит о том, что мы имеем поразительное совпадение научного анализа, того анализа, который был нашим преимущественным средством в ту пору, когда мы писали план ГОЭЛРО, с данными тех больших и сложных расчетов, которые мы могли пустить в ход при выработке пятилетки [1]).

Мы уже подчеркивали, что на этот раз эти расчеты пятилетки опирались на опыт действительности, и все же действительность нас опередила. Процессы вредителей показывают, какая борьба классовых интересов сопровождает выработку и осуществление наших перспективных планов. Вопреки оппортунистическим установкам социалистическое строительство отнюдь не протекает спокойно и безмятежно, а тем более классовый враг отнюдь не врастает в социализм. Борьба за план — один из ожесточеннейших видов классовой борьбы, и классовый враг не пренебрегает никакими доступными ему видами борьбы в целях приостановки, замедления и извращения пролетарской революционной линии строительства. Не подлежит сомнению, что вредителям удалось в целом ряде разрезов плана исказить оценки доступных нам производственных ресурсов, и именно в сторону их преуменьшения. Не надо забывать, однако, что правильный критерий нашей технологической действительности еще отнюдь не является твердоустановленной величиной именно в силу необычайной структуры этой действительности. Вредители нередко ошибались в своих конечных расчетах. Но ошибались они только в одном — в усилении диспропорций отдельных частей нашего хозяйства. Это на их языке характеризовалось как «метод вредительского насыщения противоречий нашей действительности». А так как борьба с этими противоречиями и сама по себе преисполнена трудностей, то отрицательная роль вредительства является сугубой.

И тем не менее те же вредители должны были всенародно признать тщетность своих усилий и попыток исказить генеральную линию партии в ее хозяйственном разрезе. Шутница-история и здесь оказалась на месте: вредители начали с элементарного вредительства по самому ходу производства, но этот метод оказался и чересчур опасным персонально, и сравнительно мало эффективным. Много конспиративнее можно было работать при плановом вредительстве. Но тут против них стояла на первых стадиях планового вредительства относительная значимость наших перспективных планов. Однако решающую роль сыграло прямое противодействие со стороны защитников генеральной линии партии в хозяйственном строительстве, и прежде всего — поразительная активность широких слоев пролетариата. Со всей резкостью следует отметить, что главнейший ущерб наши плановые наметки несли от оппортунистических установок и оценок нашей хозяйственной ситуации, и в частности особенно не везло в этом отношении нашим энергетическим установкам. Не трудно показать, что особыми скептиками по отношению к плановой электрификации и к смелым приемам крупных реконструктивных хозяйственных начинаний были правые оппортунисты, стремления которых, в сущности, были направлены к созданию явных ножниц между нашим движением вперед по линии индустриализации и движением по линии электрификации.

Это в значительной степени об'ясняется специфическим, реконструктивным по существу, характером электрификации. Пока в преобладающей силе были нужды восстановительного периода, запросам электрификации приходилось в значительной степени сторониться. Людям с деляческой складкой это казалось совершенно естественным порядком, и борьба за полновесное назначение материальных и финансовых ресурсов для нужд электрификации была отнюдь не легкой борьбой. Здесь было налицо подлинное противоречие нашей действительности, и документы вредительства показывают, что это противоречие было в достаточной степени использовано и с прямыми вредительскими целями. Прорывы фронта энергетики с достаточной наглядностью видим из нижеследующей таблицы, рисующей план и его выполнение за первые 2 года пятилетки.

[1]) См. нашу работу «Пятилетний план народнохозяйственного строительства».

Показатели за первые два года пятилетки.

Показатели.	Единицы измерения.	Абсолют. велич.		В %% за 2 г.
		Пятилетка.	Фактически.	
Капитальн. влож. в планир. пром.	млн. р.	3.990	4.605	115,4
В сельск. хозяйство	„	1.719	2.397	139.4
В транспорт	„	2.504	2.688	107,3
Валов. продукция планир. пром. (цены 1926/27 г.)	„	29.337	30.456	103,8
То же по гр. „А“	„	12.476	13.764	110,3
Продукция электропромышлен.	„	588	781	132,8
Производство тракторов	в тыс. шт.	8,0	14,8	185,0
Выраб. электроэнерг. на район. станц.	в млн. кв.-ч.	6.106	5.548	92,5
Добыча каменн. угля	в млн. т.	87,7	84,2	96,0
Выплавка чугуна	„	9,1	9,0	98,9

Мы видим, что выработка электроэнергии, каменного угля и черного металла — этих первооснов энергетики — находится в явном минимуме, при чем особенно отстает электрификация.

Но наибольший хозяйственный размах строительство приобретает на третьем, решающем году пятилетки, в наступающем 1931 году. Валовая продукция промышленности в ценах 1926/27 г. будет немногим отличаться по своей суммарной стоимости от тех 26 млрд. руб., которые намечались пятилеткой для ее конечного 1932/33 хозяйственного года. При чем по линии тяжелой индустрии по гр. «А» эта продукция должна составить примерно 17 млрд. рублей против 14 млрд. руб. конечного года пятилетки. Валовая продукция каменного угля должна быть близка к 80 млн. тонн против 75 млн. тонн конечного года пятилетки. Нефть должна составить 25 млн. тонн против 22 млн. тонн. Чугун — 8 млн. тонн против 10 млн. тонн. Общее машиностроение — 2,4 млрд. руб. против 2 млрд. руб. и т. д. Такая картина получается при сопоставлении третьего года пятилетки с первоначальной наметкой для конца пятилетия.

А на ряду с этим выработка электроэнергии составит 13—14 млрд. кв.-час. против 22 млрд. кв.-час. конечного года пятилетки. Разрыв, как видим, между индустриализацией и электрификацией на третьем, решающем году пятилетки углубляется. А между тем мы идем с чрезвычайно форсированной программой строительства в 1931 г. По грубой оценке Энергоцентра, прирост мощности районных электростанций и станций фабрично-заводских должен составить в один этот год общую мощность около полутора миллионов киловатт.

Другими словами, по мощности мы в 1931 г. как бы выполняем целый план ГОЭЛРО в один год. Это, конечно, оказывается возможным в силу того, что как раз в этом году заканчивается для целого ряда крупных электроцентралей весь цикл их строительства. Но старая задолженность оказывается еще достаточно великой, и линия электри-

фикации еще не может быть выправлена даже таким американским размахом электростроительства [1]).

Припомним, что, по наметкам ГОЭЛРО, расходы на электрификацию должны были составить в общей сумме 1.200 млн. руб. золотом. В этом расчете ежегодные ассигнования на нужды электрификации должны были бы составлять не ниже 250 млн. черв. руб.; по справкам Энергоцентра, фактические расходы на нужды электрификации (имеется в виду чистое строительство) составляли из года в год нижеследующие суммы:

Годы.	Млн. руб.	Годы.	Млн. руб.
1919/20	0,7	1925/26	84,8
1920/21	2,7	1926/27	138 8
1921/22	5,8	1927/28	194,3
1922/23	40,0	1928/29	206,6
1923/24	52,7	1929/30	330,6
1924/25	66,7		

Этой шкале расходов примерно соответствуют и рост мощностей, и выработка электроэнергии на наших районных электростанциях. Вот как они располагаются, по данным Энергоцентра, по времени:

Мощность районных электрических станций в тыс. кв.

Годы.		Годы.	
1921	255	1926	398
1922	277	1927	510
1923	287	1928	572
1924	307	1929	710
1925	338	1930	1300 [2])

Выработка районных электрических станций в млн. кв.-ч.

Годы.		Годы.	
1921/22	475	1925/26	1.121
1922/23	630	1926/27	1.429
1923/24	702	1927/28	1.814
1924/25	866	1928/29	2.315
		1929/30	3.414

Наконец на 1930 г. — 4.000.

Во всех этих трех таблицах мы видим, как подравнивается фронт электрификации начиная с 1927 г., т.-е. как раз с первого года развернутых этапов реконструкции.

Итак, соединенные усилия специфической обстановки восстановительного периода, сопровождавшегося на первоначальной стадии гигантской экономической разрухой, оппортунистических уклонов в вопросах электрификации и прямого вредительства нанесли известный урон при проведении плана ГОЭЛРО в жизнь. Не будем, однако, переоценивать значение этого урона. Припомним, как каркали наши враги, когда мы приступали к закладке первичных камней будущего величественного здания электрификации нашей страны. Джентльмен Уэллс разводил руками касательно желания такого умного человека, каким он почитал Владимира Ильича, непременно электрифицировать пустынные пространства тогдашней России. Меньшевики и белогвардейцы план электрификации считали чудовищным блефом. Припомним, как, действительно, мучительны были первые шаги по электрификации в условиях пайкового питания и дьявольской игры хозяйственных

[1]) Отметим кстати, что присоединенная мощность нового строительства в САСШ составляла для 1918 г.—1.100 тыс. кв., для 1919 г.—1.400 тыс. кв., для 1920 г.—2.130 тыс. кв. и для 1922 г.—1.300 тыс. кв.

[2]) Для 1930 г. мощность взята на конец года, для прочих лет—на 1 октября.

кризисов. Чего стоит только эпопея одного Волхова, работникам которого не раз приходилось колебаться между надеждами и отчаянием. Такой незаурядный теоретик «планового» строительства, каким является небезызвестный буржуазный исследователь Атлантикус-Баллод, утверждал, что постройка крупных электростанций масштаба нашего Днепростроя — это неизбежно вторая стадия нашего строительства. Начинать, по его мнению, следовало с создания примерно удвоенной, утроенной продукции по сравнению с довоенным уровнем таких предпосылок электрификации, какими должны были явиться уголь, металл и цемент. Третьей и последней стадией строительства, по его мнению, должно было быть широкое машиностроение.

Мы знаем, что такого трафаретного хода наше хозяйственное строительство за эти годы дать не могло. До самоочевидности ясно, что ход пролетарского социалистического строительства в значительной степени разделяет судьбы пролетарских революций, в свое время прекрасно охарактеризованные К. Марксом. Плановое социалистическое строительство — это жестокая борьба за план, хотя нередко внешние формы этой борьбы не сразу и не всем бросаются в глаза.

Как бы то ни было, ныне наши зарубежные критики уже не смеются ни насчет наших планов электрификации, ни насчет плана строительства всей нашей пятилетки. И один из наиболее пристальных наших работников в области энергетики, инж. Вейц, правильно отмечает:

> «Страна советов включает уже ежегодно не единицы тысяч, а сотни тысяч киловатт новой электрической мощности, *сооружаемой на наиболее высокой технической и экономической основе*. Не только относительно, но и *по абсолютным размерам массива* включаемой в народное хозяйство электрической мощности мы идем уже в уровень передовых стран *Западной Европы*.
>
> Англия, например за 1928 г. включила новую мощность на всех электрических станциях в размере около 450 тыс. кв. (5,4% прироста к действовавшей мощности), из коих около 350 тыс. кв. на станциях общего пользования (6,6% прироста) и около 100 тыс. кв. на промышленных. Германия за этот отрезок времени включила новую мощность на всех станциях общего пользования в размере около 570 тыс. кв. (10% прироста), Италия за 1929 г. включила новую мощность на станциях общего пользования в размере 400 тыс. кв. (12,7% прироста).
>
> При чем, как показывают цифры расширенного воспроизводства электрификации, кривая строительства новой электрической мощности за последние годы идет там (в капиталистических странах) в основном по снижающейся динамике не только в относительных цифрах, но и по абсолютным размерам...
>
> В СССР же кривая расширенного воспроизводства электрификации идет по незатухающей динамике. Если в 1927/28 г. включенная новая мощность только на районных электростанциях составила всего около 65 тыс. кв. (12,7% прироста к действовавшей мощности), то в 1928/29 г. она уже составила цифру порядка 140 тыс. кв. (24,5% прироста), а в 1929/30 г. она достигает около 450 тыс. кв. (65% прироста) ..»

Суммарная же электрическая мощность на районных станциях, которая будет введена в эксплоатацию к концу 1932/33 года, составит 5 млн. кв. плюс 2½ млн. кв., которые начаты постройкой и будут введены в эксплоатацию в течение второго пятилетия. Сюда входят сверхмощные гиганты электрификации, которые Страна советов строит по последнему слову технического прогресса.

Энергетический эффект одной и той же мощности у нас в несколько раз выше, чем в западных странах. *При разновеликих мощностях даже количественные размеры электробалансов у нас значительно более высокие, чем там.* Если, например, в Англии новый миллион кв. мощности дает стране дополнительный поток энергии в размере всего около 2 млрд кв.-часов, то у нас он составит не менее 5 млрд. кв.-час.

Но и этого еще мало для сравнительной оценки: у нас генеральное направление энергетического перевооружения следует по основному пути, предуказываемому наиболее передовой техникой, по пути включения всех энергетических звеньев народного хозяйства в единую народнохозяйственную систему со всеми теми производственно-техническими и экономическими факторами, которые сопровождают этот процесс.

Владимир Ильич в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что план ГОЭЛРО является планом «в первом приближении». Необходимость дальнейших поправок и улучшений этого плана для него была самоочевидна. Зияющие пробелы этого плана для нас теперь особенно ясны. Совершенно не оправдался наш расчет на концессии и крупные займы; этапы нашего сельскохозяйственного под'ема, в свою очередь, не позволили нам так быстро завоевать наши прежние позиции в хлебной мировой торговле, как это мы рассчитывали в плане ГОЭЛРО. Не мало было и других просчетов. Необходимость создания решающих индустриальных предпосылок выдвигалась на первый план. *И все же свидетельство времени — в пользу плана. Основные вехи плана, его энергетическая устремленность оправданы на все 100%. Именно этот план явился наибольшим толчком вперед во всем нашем плановом строительстве.* Это он с наибольшей силой помогает нам работать «с лампочкой Ильича» в широком переносном смысле этого термина.

В свое время Владимир Ильич жестоко бичевал невыдержанность позиции многих советских работников по отношению к плану ГОЭЛРО. Вероятно, в наши дни он с неменьшим сарказмом высказался бы по поводу целого ряда враждебных нападок по адресу пятилетки. Судьбы того или другого плана решаются теми положительными, фактическими сдвигами на поле советского труда, которые могут быть отнесены за счет воздействия этих планов. Они решаются под'емным движением актива рабочих и крестьян в той доле, которая может быть отнесена на актив самого плана. *И у нас нет никаких оснований итти в сторону сниженных оценок как того, так и другого плана.* Наоборот, фактические пути нашего хозяйственного строительства таковы, что даже во вражеском лагере нет расхождения мнений относительно их исторической значимости.

Порой так хотелось бы, чтобы эти темпы хозяйственного под'ема, чтобы эту индустриальную перестройку «нищей и разоренной» страны в страну, быстрейшим темпом идущую по пути осуществления задачи «догнать и перегнать» наиболее мощные индустриальные страны Запада, могли видеть глаза Владимира Ильича. Ведь в этом под'еме так много от творческой энергии этого великого вождя пролетарской революции.

Электроэнергетика и социалистическая реконструкция.

В нашем докладе на VIII С'езде советов мы подчеркивали, что электричество отнюдь не является мирным соседом пара. Оно несет с собой гигантский технологический переворот, предопределяющий возможность новых форм общественного бытия. Некоторые из наших критиков склонны были усматривать в такой точке зрения своеобразный, односторонний «техницизм». Так ли это? Критики попросту упускают из виду особенности обстановки

переходного времени. Мы еще только куем новый, великий коллектив бесклассового общества. Мы рвем цепи прошлого, но их еще не разорвали. Наше бытие определяет наше сознание. А в этом бытии мы еще одним крылом влачимся по земле. Не подлежит сомнению, что наш собственный строительный опыт уже наглядно и в мировом масштабе показывает всю возможность построения социалистического общества даже при сравнительно весьма неполном использовании потенций современной техники. Это становится даже понятным и профессорам из Копенгагена. Мы вступили в период социализма. Но дальнейшее мощное развитие производительных сил на социалистической основе является важнейшей нашей задачей. Электроэнергетика здесь должна быть учтена в первую голову. Опыт истекшего десятилетия нагляднейшим образом свидетельствует о правильности такого рода соображения.

В своих замечаниях по поводу тезисов французской компартии по аграрному вопросу Ленин в свое время писал:

> «Крайне важно, по моему мнению, с теоретической и с практически-агитационной точки зрения сказать в тезисах (и вообще побольше в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует *электрификации всей страны и ряда соседних стран по одному плану*; что такая работа вполне осуществима в настоящее время; что больше всего выиграло бы от нее сельское хозяйство, и в особенности крестьянство; что, пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной, во-вторых, *не может быть* произведена *в пользу* рабочих и крестьян. При капитализме электрификация неминуемо поведет к усилению *гнета крупных банков* над рабочим классом и *над крестьянами*...
>
> Франция обладает великолепными возможностями электрификации. При победе пролетариата во Франции от электрификации, произведенной планомерно и не считаясь с частной собственностью крупных землевладельцев и капиталистов, *гигантски* выигрывает особенно *мелкое крестьянство*. При сохранении власти капиталистов неизбежно, что электрификация не будет планомерной и быстрой, а поскольку она вообще будет, она будет новой кабалой для крестьян, новым рабством крестьян, ограбляемых «финансовой олигархией» [1]).

Эти яркие строчки Владимира Ильича бьют прямо в точку: он как будто бы прямо предвидел доклад «технической помощи» на II Энергетической конференции, прокламировавшей электроэнергетику в ее капиталистическом использовании как величайшее штрейкбрехерское начало. Опыт истекшего десятилетия наглядно показывает, в какой мере необходима увязка парусов индустриализации с баркой нашего сельского хозяйства. Проблемы коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств связаны не только одним размахом работ наших межселенных машинно-тракторных станций. Помимо этих энергетических опорных пунктов Советский союз обладает и еще целым рядом приводов, работающих в том же направлении, но не техницизм, а чистоган элементарного расчета заставляет нас максимально форсировать и работу наших машинно-тракторных станций. Система больших упряжек была в САСШ предтечей торжества трактора с его специфическими прицепными сельскохозяйственными орудиями. Не подлежит сомнению, что вышеприведенные цитаты из Владимира Ильича достаточно ярко свидетельствуют

---

[1]) *Ленин*, Собр. соч., т. XX (дополн.), ч. II, стр. 480—481

о том, что межселенные машинно-тракторные станции подготовят почву будущей широкой электрификации сельского хозяйства.

Переходное время знает свои достижения и свои трудности. Говоря о судьбах электроэнергетики нашей страны, как-то невольно вспоминаешь письмо Владимира Ильича VIII Всероссийскому Электротехническому с'езду (1 — 10 октября 1921 г.). Вот эти знаменательные строки:

«Рабоче-крестьянская Советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты четырехлетней империалистической и трехлетней гражданской войной, — для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить ее, превратить в свою колонию, как ни мучительно идет вперед электрификация у нас, а все же она идет вперед. При помощи вашего с'езда, при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы эту задачу осилим, мы электрификацию страны создадим».

Прошедший на наших глазах процесс вредителей еще и еще раз свидетельствует о меткости такой характеристики. Вышеприведенные справки о фактическом ходе электрификации, в свою очередь, говорят о тех трудностях, которые стояли и стоят на нашем пути. Однако мы видим, что с 1927 г. в развитии электрификации начался перелом. Мы видим, как на наших глазах реализуется то великое «ускорение» нашего социалистического строительства, на которое рассчитывал Владимир Ильич. Это ускорение — от первооснов нашей социалистической экономики, от новых форм смычки великих, решающих активов рабочих и бедняцко-середняцких масс крестьянства. Вспомните, как подчеркивал Ленин ставку на решающую роль многомиллионного актива мозолистых рук.

«План электрификации нужен, — говорил он, — для того, чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу-де, и в 10 — 20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической...

Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10 — 20 лет».

Великое историческое действование требует великой массы вовлеченных в его водоворот трудящихся. Эту мысль Владимир Ильич неустанно подчеркивает. В ней — весь ключ понимания исторической роли электроэнергетики.

Электроэнергетика прежде всего — наше могучее орудие потому, что она является наиболее совершенным орудием развертывания индустрии. Можно безоговорочно утверждать, что электрическая энергия рождена от черного металла и черного угля и что прогресс тяжелой индустрии неотделим от прогресса электрификации. А ведь тяжелая индустрия — это истинная цитадель пролетариата. Десять лет назад, разрабатывая план ГОЭЛРО, мы не могли располагать теми великолепными материалами, всесторонне обосновывающими решающую роль энергетики, которые даются мировыми энергетическими конференциями. Но никаких поправок в наши установки эти конференции не вносят. Наоборот, они только подкрепляют уже высказанные нами основные точки зрения о новых распорядках в борьбе со стихией, вытекающих из приоритета электрической энергии. Нет лучшего орудия для того, чтобы потенциальные запасы природной энергии превратить в энергию кинетическую, служащую для удовлетворения непосредственных нужд трудящихся. Лишь на основе электроэнергетики возможно было царство машин-двигателей довести до такой мощности, что уже каждому килограмму потребленного хлеба примерно соответствует потребление одного киловатт-часа механической или электрической энергии на современных мировых энергетических установках. Лишь на основе электроэнергетики возможен был такой индустриально - энергетический под'ем САСШ, который характеризуется тем обстоятельством, что каждому американцу пришлось бы обзавестись 126 рабами, в том случае, если бы нужно было поддерживать нынешнее американское производство без наличных в нем машин-двигателей.

Но, быть может, в таком случае центр тяжести надо перенести на производство этих машин-двигателей и в самой электрификации видеть только второразрядную величину? Однако, уже для самих работников известной гуверовской комиссии, задавшихся целью исследовать новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов, ясна обратная зависимость. Они вынуждены характеризовать громадный сдвиг, наблюдаемый при переходе от машинной культуры, созданной паровой энергией, к машинной культуре, осуществляемой электрической энергией. В общих чертах контраст здесь характеризуется таким образом:

«При машинной культуре, созданной путем паровой энергии, рабочий должен итти к источнику двигательной энергии; при машинной культуре, созданной путем электроэнергии, двигательная энергия, наоборот, может быть подведена к рабочему. А это означает «революционный факт» в том смысле, что если говорим о «машинной культуре» в терминах 1950 г., то эта машинная культура может совершенно невообразимо отличаться от той машинной культуры, которая началась в момент, когда Джемс Уатт впервые использовал энергию расширения пара для производственных процессов» [1]).

Характеристика довольно глухая, но она вразумительная в том отношении, что приводит сдвиги в самой машинной культуре в прямую зависимость от этапов энергетики.

На последней энергетической конференции в Берлине одним из наиболее сенсационных докладов был доклад инженера Оливена относительно сооружения общеевропейской сети электропередач. Эти сети должны были охватить пространство от Лиссабона до Ростова в широтном направлении и от водопадов Норвегии до юга Далмации и Италии в направлении меридиональном. По расчетам автора, сооружение 10 тыс. километров этих электропередач будет стоить около 2 миллиардов марок и должно быть реализовано на основе вольтажа примерно в 400 тыс. вольт. Автор живописует, каким образом это сооружение явится высокорентабельным и как оно даст возможность Европе сразу поднять свое потребление с нынешних 80 млрд. кв.-час до уровня в 100 млрд., т.-е. до уровня нынешней выработки энергии в САСШ. Этот громадный единый электрический котел, преодолевая национальные границы, об'единяя водную энергию Норвегии и Италии, бурые угли Германии, нефть и уголь Польши, угли Донецкого бассейна и водную энергию Днепра, наряду с энергетическими установками Испании и Португалии, создает целый ряд чрезвычайных преимуществ такого гигантского электрического хозяйства. Но материалы той же энергетической конференции показывают, насколько силам современного капиталистического мира не по плечу осуществление проектов такого стиля. Несмотря на то, что на конференции такие выражения, как «плановая электрификация», «генеральный план электрификации», были довольно ходки, борьба национальных интересов,

[1]) Доклад на энергетической конференции Среднего Запада, Чикаго, 14—17 февраля 1923 г.

империалистических противоречий, и зависимость всех и всяческих предположений работников конференции от державной воли финансовых акул демонстрировалась с достаточной выразительностью. Противоречия капиталистического мира выступили здесь со всей силой. Но будущие сверхэлектропередачи Европы, наряду с нынешними сверхмагистралями электроснабжения САСШ, подлинные знамения времени XX века. Это от них пойдут дальнейшие сдвиги, которые нарушат, согласно пророческому предвидению Фридриха Энгельса, прежние грани между городом и деревней и завершат технологическое единство трансформаций всех видов полезных энергий. Это те великие пути электрических рельсов, которые, покончив с массивом промышленности, направляются в массив транспорта и в массив сельского хозяйства, лишая эти великие разделы человеческого труда их специфических аттрибутов и превращая их в одноликие величины некоторых подразделений единой социалистической индустрии. Именно по этим путям пойдет дальнейшее строительство человеческих коллективов в таких условиях, при которых самое противопоставление крестьянина и рабочего явится историческим пережитком. Так и именно так направлены приводы истории, вновь преодолевающей групповые и классовые членения, вновь возвращающейся к коммунизму, но на этот раз не на основах первобытного рода, а на основах новой великой энерговооруженности человека. Эти возможности могут быть и будут реализованы при социализме. Предпосылкой их осуществления является победоносная пролетарская революция. При капитализме проекты «плановой» электрификации стран, а тем более континентов, являются пустопорожней затеей.

Таковы в общих чертах моменты соприкосновений электроэнергетики и социалистической реконструкции. Переходный период не может являться перворазрядной иллюстрацией такого рода схемы. Здесь — чрезвычайная пестрота житейской действительности. Здесь — поиски своих, временных форм разнообразных и необходимых «больших упряжек». Здесь — неизбежное решение крупнейших задач социальной инженерии сравнительно кустарными методами. И, однако, все же — решение подлинное, историческое решение. Мы не создаем себе никаких иллюзий относительно дефектов в нашей организации сельскохозяйственного труда при той степени механизации его, которая нам доступна в нынешних колхозах. И тем не менее мы утверждаем, что в масштабах, темпах и формах именно этого колхозного движения человечество уже нашло ключ к решению вопроса целых веков аграрного прошлого. Это совершенно подобно тому, как примитив стефенсоновского паровоза не мешал именно этому паровозу быть решающим революционером транспорта. А каково же будет лицо земли, когда для его изменения и совершенствования будут приложены наиболее мощные силы, гигантски мчащиеся вперед, электроэнергетики XX века?

Выше мы видели, как, несмотря на слабость нашего фронта электрификации, нам уже удается установить некоторые свои стандарты, некоторые свои рекорды в области командных высот энергетики. В десятилетнюю годовщину плана ГОЭЛРО мы можем на основе исторической проверки еще раз убедиться в огромной мощи этого плана великих работ, разработанного по указаниям В. И. Ленина. Значение плана ГОЭЛРО с особенной четкостью и яркостью охарактеризовал тов. Сталин в письме Ленину:

> План ГОЭЛРО «... превосходная, хорошо составленная книга. Мастерской набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения «России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда и неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии)? Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, вооомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек... Или еще обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» ГОЭЛРО и по уши погрязшего в рутине»... (И. Сталин. Из письма к Ленину).

И наша мысль вновь и вновь с благодарностью обращается к образу гениального человека, предуказавшего нам здесь и пути и цели победоносного движения вперед. Этого человека, этого нашего вождя, учителя и товарища, в лучшем смысле этого слова, Владимира Ильича Ульянова-Ленина — уже с нами нет. В дни десятилетнего юбилея работ по плану ГОЭЛРО с жуткою болью думаешь об этой невознаградимой утрате. Но мысль об этом человеке всегда несет с собою и отраду. Заканчивая свою речь на VIII С'езде советов, я говорил, что мы переживаем великие времена, что в эти времена люди проходят, как тени, а дела их остаются, как скалы. Прослеживая жизнь Владимира Ильича, вновь и вновь убеждаешься в правильности такого положения.

Республика советов, создание которой насквозь проникнуто творческой мыслью Ленина, как мощная скала высится в океане нынешней бурной современности. Маяк ленинизма, водруженный на этой скале, надежно охраняет пути, ведущие в обетованную землю мирового коммунизма. На трудовом опыте огромной страны еще и еще раз проверяется верность путей ленинизма, обеспечивающих с максимальным энергетическим успехом выкорчевывание корней старого мира. Это именно тот опыт, который делает нашу страну подлинной родиной трудящихся, а в последнем счете он гласит: «Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Е. Варга.

Развитие и перспективы мирового экономического кризиса*).

Уже больше года прошло с тех пор, как разразился экономический кризис (первые признаки его можно было констатировать уже в середине 1929 года). Сейчас можно уже сделать обзор развития кризиса до настоящего момента и в грубых чертах обрисовать его дальнейшие перспективы.

Теперешний хозяйственный кризис является вторым подлинным кризисом (как выражался Маркс) в послевоенное время[1]). Уже этот один факт полностью опровергает ряд неправильных теорий. Легенда о «постоянном процветании» Соединенных Штатов уже теперь рассматривается всеми как бессмыслица. Так же ясно проявилось банкротство отвергнутого Коминтерном тезиса Ловстона об «исключительном положении Америки». Рухнула и теория «организованного капитализма», по которой последний будто бы должен обеспечить капиталистическое производство от каких бы то ни было кризисов. Не сбылись надежды на то, что рационализация приведет к постоянному под'ему капитализма и что она явится средством для разрешения проблемы сбыта. Теперешний экономический кризис является, таким образом, одновременно и банкротством этой теории рационализации. Фактическое развитие мирового экономического кризиса доказывает неправильность всех буржуазных теорий и воззрений, расходящихся с марксизмом, доказывает полную правильность перспектив, установленных Коминтерном для «третьего периода».

Из развития кризиса видно, что его основные моменты сводятся к следующему:

а) Всеобщность экономического кризиса. Все страны света без исключения охвачены кризисом, и это относится как к странам, находящимся на высшей ступени капиталистического развития, так и к странам, неразвитым в экономическом отношении. Отдаленные области Австралии страдают от кризиса так же, как и Германия, Китай—так же, как и Бразилия.

*) Помещая статью т. Варга, освещающую ряд актуальных теоретических проблем мирового экономического кризиса, редакция оговаривает наличие в ней отдельных спорных и неправильных положений. В ближайших номерах журнала редакция даст дальнейшее освещение затронутых в статье вопросов. — **Ред.**

[1]) Буржуазные исследователи кон'юнктурных проблем выдвинули мнение, будто в Америке, вместо установленных Марксом приблизительно десятилетних кон'юнктурных циклов, наблюдаются трех-четырехлетние. Эта теория, которую поддерживали и некоторые коммунисты, как, например, тов. Эвентов, также оказалась неправильной. Достаточно сравнить глубину и продолжительность теперешнего хозяйственного кризиса с падением кон'юнктуры в 1923 и 1927 гг. в Америке, чтобы видеть всю неправильность теории трех-четырехлетних циклов.

Всеобщность кризиса является не только географической. Дело в том, что кризисом затронуты все без исключения отрасли производства. Эта всеобщность является результатом переплетения экономического кризиса с общим кризисом капитализма. Существенным проявлением этого общего кризиса капитализма является аграрный кризис, углубляющий экономический кризис и, в свою очередь, обостряющийся благодаря последнему. Отсюда кризис в сельском хозяйстве, во всех отраслях промышленности, в транспорте и т. д.

Всеобщность кризиса не означает, однако, его равномерности. Различные страны в различной мере страдают от кризиса в зависимости от степени влияния общего кризиса капитализма на них и их экономического положения (в зависимости от степени развития противоречия между их производственной и потребительной системой, в зависимости от степени падения цен на товары, выбрасываемые ими на мировой рынок и т. д.).

б) Особая глубина кризиса. Глубина кризиса характеризуется падением размеров продукции. С этой точки зрения теперешний кризис уже превзошел все кризисы довоенного времени. В Америке падение продукции уже превышает соответствующее снижение производства в 1921 году. Для иллюстрации приводим таблицу, составленную Германским кон'юнктурным институтом (индексы высчитаны сравнительно с индексом 1928 года, принятым за 100).

		Германия.	Англия.	Польша.	САСШ.
1929 г.		101,8	107,9	99,8	106,3
	Максимум . . .	109,8	112	103,7	114,4
1930 г.	Январь.	94,8	106,9	90,3	93,7
	Февраль	93,0	„	83,9	96,4
	Март	94,2	„	79,6	93,7
	Апрель.	95,8	98,4	79,7	95,5
	Май	90,8	„	80,4	93,7
	Июнь	85,7	„	79,5	91,9
Снижение		24,1%	13,6%	26,9%	22,5%

В последующие месяцы произошло дальнейшее падение производства в Америке, Германии и Англии. В Германии и Америке это снижение равняется теперь приблизительно 30%. Эти цифры вместе с тем показывают, что даже в Польше, бывшей одной из первых стран, охваченных кризисом, не достигнута фаза депрессии[2]), как ее понимал Маркс, т.-е. та фаза промышленного цикла, которая лежит между кризисом и новым под'емом и в которой производство остается при незначительных колебаниях приблизительно постоянным. Сразу же после выборов заметно новое углубление кризиса в Польше. В важнейших капиталистических странах, а именно: в Соединенных Штатах, Германии и Англии кризис углубляется, а во Франции и Италии он только начинает развиваться.

[2]) Как глубоко проникла буржуазная теория «постоянного процветания и здоровья» американского капитализма даже в наши ряды, видно из того, что официальный бюллетень Госплана констатировал конец кризиса, поддавшись влиянию искусственного оживления в феврале, вызванного чрезвычайными заказами железных дорог и других предприятий, переданными на основе гуверовской «программы преодоления»: «учитывая новейшие показатели о загрузке стальной промышленности, увеличение выпуска автомобилей, рост потребления хлопка, а также денежно-кредитные индексы, мы считаем, что острый кризисный период в Соединенных Штатах закончился, уступив место депрессивной фазе, которая должна продлиться, насколько можно сейчас судить, до осени». Согласно этому предсказанию о том, что после депрессии должен наступить под'ем, мы должны были уже наблюдать в Америке период под'ема. В действительности, однако, кризис в сентябре углубился до крайней степени.

Эта чрезвычайная глубина кризиса об'ясняется влиянием всеобщего кризиса капитализма, и об этом мы ниже подробнее поговорим.

в) Чрезвычайная продолжительность кризиса. Кризис продолжается уже больше года, и нет никаких конкретных признаков, которые бы говорили о том, что кризис уже достиг в мировом масштабе наибольшей глубины. Уже сейчас совершенно ясно, что теперешний экономический кризис превзойдет все прежние кризисы капитализма не только по своей глубине, но и по своей продолжительности.

г) Сильное падение цен во время кризиса. Теперешний экономический кризис отличается чрезвычайно сильным падением цен. Это падение цен, начавшееся в Соединенных Штатах, втянуло в него все страны света и все отрасли производства. Сильное и постоянное падение цен, само собой разумеется, заставляет всех потребителей как элементов постоянного капитала, так и предметов потребления отложить свои покупки, поскольку это возможно, что еще более обостряет свойственное всякому кризису превышение предложения над спросом, т.-е. «общее переполнение рынков», как выразился Маркс. В течение одного года с июля 1929 года до июля 1930 индексы оптовых цен снизились в важнейших странах следующим образом:

В САСШ	на 14,3	В Италии	на 15,0
В Англии	„ 20,0	В Польше	„ 14,2
В Германии	„ 9,5	В Индии	„ 12,4
Во Франции	„ 9,0	В Канаде	„ 14,3

Цены падают. Неравномерность падения индекса в различных странах об'ясняется отчасти их различным составом, а отчасти различиями в таможенной и налоговой политике отдельных стран и т. д. Сильное повышение пошлин на с.-х. продукты, проведенное в Германии и Франции в течение года, уменьшило падение цен в этих странах. Фактическое среднее падение цен превышает эти цифры, так как индексы основываются на официальных картельных ценах, в то время как почти везде продают по значительно более низким ценам. Если не считать падения цен во время первого послевоенного кризиса, то мы теперешнее падение цен можем сравнить лишь с тем падением, которое наблюдалось в истории капитализма 70 лет тому назад, во время кризиса 1857—1858 гг.

Это падение цен отличается не только своей глубиной, но и значительной неравномерностью. Цены сырых материалов подверглись совершенно катастрофическому падению [1]). Падение цен готовых изделий является гораздо менее значительным, при чем особенно незначительно это падение цен на средства производства, продукция которых находится в руках сильных монопольных организаций. Так, например, в Германии цены за год с августа 1929 до августа 1930 г. упали следующим образом: общее падение цен—9,5%, цены сельскохозяйственных продуктов упали на 12,5%, а промышленных средств производства—на 1,5%.

---

[1]) «Экономист» в № от 4 октября дает следующую таблицу процентного снижения цен на английском рынке за время с конца сентября 1929 до конца сентября 1930 года:

Сырье.		Текстильные товары.		Хлеба.		С'естные припасы	
Медь	41	Хлопок	44	Пшеница	44	Мясо англ.	3
Олово	38	Англ. шерсть	25	„ англ.	26	Овечье мясо английское	10
Свинец	27	Шелк	38	Овес	24	Датское сало	35
Железо	12	Лен	39	Маис	32	Сахар	20
Керосин	11	Конопля	39	Рис	24	Датское масло	27
Нефть	31	Джут	43			Чай	11
Каучук	62					Кофе	9
Аммон-.сульфат	24						

Еще больше это несоответствие между падением цен в оптовой и розничной торговле. На это обстоятельство мы указывали с самого начала кризиса [1]).

Коснемся вкратце теоретической основы этого явления [2]). Уровень цен поднялся во время войны в Соединенных Штатах до 226 (принимая уровень цен в 1913 году равным 100), хотя инфляции бумажных денег не было (в течение всего этого периода можно было без всяких затруднений обменивать бумажные деньги на золото). Цены, таким образом, увеличились больше чем вдвое. Теория стоимости Маркса говорит, что изменение цен определяется в конечном счете соответствующим изменением стоимости. Это относится к «нормальным» условиям, когда между предложением и спросом наблюдается известное равновесие. Маркс предусматривает, однако, и возможность революции в области цен совершенно независимо от изменения стоимости. Колоссальное поднятие цен во время войны и в послевоенные годы и является подобной революцией. Спрос на товары постоянно превышал сбыт, и благодаря этому цены поднялись совершенно не в соответствии с их основой—стоимостью [3]). Это означает, что за товары платили большее количество золота, чем нужно было бы в соответствии с их подлинной стоимостью, содержащимся в них рабочим временем. Так как это превышение спроса над предложением распространялось за немногими исключениями на все товары, то издержки производства товаров, благодаря вздорожанию элементов постоянного капитала, все более поднимались при каждом обороте капитала.

Пришлось поднять и зарплату в связи с сильным поднятием цен с'естных припасов (конечно, поднятие зарплаты во время войны не соответствовало вздорожанию жизни, что ясно видно из исследований буржуазных американских ученых). Волна дороговизны поэтому поднималась с каждым оборотом капитала. В Европе, где выдача золота была прекращена в момент начала войны (большую часть золота надо было перевести в Америку для покупки сырья и военного снаряжения), наступила инфляция как следствие вздорожания цен на мировом рынке, как следствие перевеса спроса над предложением, и создала дальнейшее увеличение цен. Первый послевоенный кризис принес сильное снижение цен. Американский индекс упал с 226 до 147. Однако происшедшая во время войны революция в области цен не была ликвидирована настолько, чтобы цены вполне отвечали стоимости товаров, и меновое отношение между золотом и товаром все еще не соответствовало воплощенному в них общественному рабочему времени. Многие элементы издержек производства, как, например, земельная рента, арендная плата, фрахт, налоги и проч., были зафиксированы государством или долгосрочными договорами. В результате первого послевоенного кризиса установилось новое равновесие между предложением и спросом при ценах, все еще превышающих стоимость товаров. Новый уровень цен, превышающий приблизительно на 40% цены 1913 года, содержал в себе еще сильные элементы «инфляции времени

---

[1]) См. нашу статью «Падение цен и кризис» в «Коммунистическом Интернационале» от 29 января 1930 года.

[2]) Более детально см. об этом нашу статью «Кризис и падение цен», журн. «Мировое хозяйство и мировая политика», № 10, 1930 г.

[3]) В другой статье мы писали:

«Известное поднятие стоимости происходит постольку, поскольку при максимальном использовании всех производственных возможностей, вновь начинают работать, уже было закрывшиеся, устаревшие фабрики и старые машины, обреченные на «моральный снос», и вовлекаются в процесс производства необученные рабочие, производительность труда которых ниже. Вследствие этого снижаются общественная техника и общественно-признанная производительность труда, определяющие стоимость. Однако влияние этого фактора на образование стоимости и цен является минимальным и равняется лишь нескольким процентам».

войны. Так как производительность труда теперь, без сомнения, поднялась над довоенной, ибо в каждой товарной единице теперь, без сомнения, воплощена меньшая доля общественного рабочего времени, чем до войны, так как в производстве золота не произошло никаких технических революций (улучшению техники производства противостояли большая глубина рудников и ухудшение качества руды) и не произошло такого падения стоимости золота, которое могло бы сильно поднять цены над довоенным уровнем, то можно было легко предсказать, что теперешний кризис вызовет падение цен, далеко превышающее падение цен в кризисах довоенного времени. Для того, чтобы общий уровень цен *соответствовал стоимости, как основе, нужно, чтобы они упали ниже уровня 1913 года*, как это и случилось во время кризиса со многими товарами. Понятно, что эта особенность ценообразования в послевоенном капитализме определила лишь особо резкий характер падения цен во время теперешнего кризиса.

Необходимо подчеркнуть, что сильно развитый *монопольный характер теперешнего капитализма не смог в общем предотвратить падение цен.* Монопольные организации, правда, пытаются удерживать цены на прежнем уровне, и имеются и теперь национальные монополии, удерживающие благодаря большим пошлинам цены на высоком уровне [1]). Это обстоятельство содействует тому, что кризис делается еще более затяжным. Тем не менее большинство монопольных организаций должны были также снизить свои цены. Наиболее характерным является пример Международного Медного картеля, имеющего в своих руках больше 95% мирового производства меди и принужденного снизить свои цены с 24 центов за англ. фунт (максимальная цена) до 9,5. Целый ряд картелей не смог устоять под давлением кризиса. Европейский Стальной картель существует лишь номинально. Германские Азотный и Цементный картели распались и т. д.

Сильное падение цен и его неравномерность сильнейшим образом расшатывают все капиталистическое производство. Цена вновь воспроизводимых товаров оказывается каждый раз значительно ниже фактической стоимости производства. Калькуляция становится почти невозможной, так как цена элементов постоянного капитала все время падает во время процесса производства. Особенно упали цены на сырье, значительно меньше упали цены готовых изделий и еще меньше—розничные цены. Может показаться, что подобное состояние выгодно для капиталистов. Маркс указывал, что «при одинаковых прочих условиях норма прибыли уменьшается и подымается обратно пропорционально ценам на сырье» [2]).

Было бы, однако, совершенно неправильно применить вторую часть этой формулы Маркса к теперешней фазе кризиса, оставляя без внимания ее первую часть—«при прочих равных условиях». Совершенно ясно, что общая прибыль всего капиталистического класса снижается во время кризиса независимо от движения цен. Так как эксплоатации подвергается меньшее количество рабочих и общая сумма присвоенной прибавочной стоимости

---

[1]) Между монопольными германскими товарами и так-называемыми свободными товарами, при продаже которых наблюдается конкуренция, имеется следующее различие (принимая уровень цен в 1926 году за 100):

	Свободные цены.	Монопольные цены.
Июль 1929 г. . . .	96,99	104,9
1930 г. . . .	78,9	103,3

Однако монопольные цены являются большею частью номинальными, и обыкновенно продают по ценам значительно ниже официальных картельных цен.

[2]) Капитал, т. III, ч. I, стр. 82.

понижается, то вместе с тем понижается и общая сумма прибыли [1]), хотя степень эксплоатации может и повыситься. Каков тот внутренний механизм, который приводит к снижению прибыли, несмотря на увеличение во время кризиса дистанции между ценами на сырье и ценами на готовые изделия?

1) Между моментом закупки сырья и продажей потребителю готового изделия лежит период производства и обращения. Этот период различен в зависимости от рода товара. Во всяком случае, готовые изделия, которые *сейчас* продаются, сделаны из сырья, добытого ранее, и цена которого была тогда выше, чем теперь. Поэтому увеличение разницы в ценах является отчасти призрачным.

2) Если сырье и подешевело, то, с другой стороны, увеличиваются издержки по его переработке вследствие весьма *слабого использования производственной мощности.* Известно, что недостаточное использование производственной мощности сильно влияет на поднятие издержек производства.

3) *Увеличение продолжительности оборота капитала.* Для того, чтобы избегнуть поднятия производственных расходов вследствие недостаточного использования производственной мощности, многие предприятия работают в гораздо большем масштабе, чем это нужно было бы в соответствии с теперешним спросом. На многих предприятиях нельзя, по техническим соображениям, сокращать производство за определенные границы: или должно производиться определенное количество товаров, или же предприятие вынуждено совершенно прекратить работу. Благодаря этому мы наблюдаем своеобразное явление: несмотря на сильное падение цен сырья, производство его не уменьшается и, таким образом, запасы меди, олова, каучука и проч. теперь превышают те запасы, которые были в начале экономического кризиса.

Из всего этого следует, что, несмотря на сильно увеличившуюся разницу между ценами сырья и ценами готовых изделий, прибыль обрабатывающей промышленности, равно как и оптовой и розничной торговли, меньше, чем в период хорошей кон'юнктуры при менее значительной разнице в ценах.

Внутренняя диалектика капиталистической системы производства приводит к тому, что норма прибыли падает во время кризиса, несмотря на большую разницу между ценами сырья и готовых изделий, но зато после кризиса эта норма, несмотря на меньшую разницу в этих ценах, поднимется. Хотя как общий закон органический состав капитала после кризисов устанавливается на новой, более высокой основе, но непосредственно после кризиса в тех странах, где капиталистический строй останется, при прочих равных условиях, вследствие падения цен на сырье органический состав капитала будет ниже, чем до кризиса, норма прибавочной стоимости больше и падение нормы прибыли благодаря этому замедлится. Понятно, что это положение может иметь место лишь как явление временного порядка, и органический состав капитала после кризиса поднимется на более высокий уровень, чем до кризиса. Это развитие принесет выгоду лишь тем крупным предприятиям, которые устоят, несмотря на кризис. Как после каждого кризиса, так и после этого, гигантские предприятия, поскольку останется капиталистическая система производства, относительно окрепнут по сравнению с мелкими предприятиями.

Неравномерность падения цен вызывает глубокие сдвиги в международном распределении дохо-

---

[1]) По данным «Нешенел Сити Банк» общая сумма прибыли свыше 500 крупнейших американских акционерных обществ за первое полугодие 1930 года на 30% ниже соответствующей суммы за первое полугодие 1929 года.

д о в. Сильнее всего упали цены колониального сырья. Это, в общем, означает уменьшение колониальных сверхприбылей, хотя капитал находит разные пути увеличения грабежей колониального производителя, несмотря на падение цен. От этого в первую очередь пострадает английская буржуазия. Чрезвычайно уменьшилась прибыль английских колониальных предприятий (каучук, хлопок, джут, олово и друг.). Возможность подкупа высших слоев английского рабочего класса путем привлечения их к участию в колониальной сверхприбыли уменьшается. С другой стороны, падение цен ведет к еще более ожесточенной эксплоатации колониальных рабочих и крестьян—производителей колониального сырья. Отсюда обострение классовых противоречий как в Англии, так и в колониях.

д) Стоимость жизни почти вовсе не снижена. Особым свойством теперешнего экономического кризиса является то, что, несмотря на сильное падение оптовых цен, стоимость жизни для рабочего класса в некоторых странах не снизилась, даже поднялась. Приводим официальные буржуазные данные об изменениях в стоимости жизни за время с июля 1929 до июля 1930 г. (как известно, эти данные стараются преуменьшить действительную стоимость жизни).

Уменьшение стоимости жизни в процентах:

Польша.	Италия.	Германия.	Англия.	САСШ.
5,9	4,1	3,8	3,7	2,1

Во Франции, Бельгии, Люксембурге и Австрии жизнь за этот период даже вздорожала (Франция—на 3%, Австрия—0,1% и т. д.).

Это значит, что рабочие должны нести все бремя кризиса,—не только в виду колоссальной безработицы, какой не видал ни один прежний кризис, но и вследствие того, что зарплата, и в особенности сдельная зарплата, сокращены, несмотря на то, что стоимость жизни снизилась лишь самым минимальным образом.

Мы видим, таким образом, следующую картину: сотни миллионов крестьян разоряются вследствие необычайно сильного падения цен сельскохозяйственных продуктов; пролетариат несет бремя кризиса вследствие почти вовсе не смягчившейся дороговизны жизни, колоссальной массовой безработицы[1] и снижения зарплаты,—огромное большинство населения всего мира—крестьянство и пролетариат—страдают в одинаковой мере от кризиса. Это означает чрезвычайную социальную угрозу господству буржуазии. В то время, как прежние экономические кризисы были в первую очередь делом буржуазии и пролетариата, теперешний экономический кризис, вследствие переплетения аграрного кризиса с промышленным, стал бичом трудящихся капиталистических стран всего мира.

е) Особенностью теперешнего экономического кризиса является чрезвычайно сильное падение курсов акций. Это падение началось в Америке, где вследствие большой концентрации предприятий и сильного развития монопольных организаций нет возможности использовать мелкие капиталы непосредственно для производственных целей. Так как ссудный капитал давал очень ничтожный процент, и мелкие вкладчики были совершенно оглушены шумихой, поднятой вокруг «вечного процветания», на рынке биржевых ценностей началась безудержная спекуляция, перебросившаяся и в Европу. Когда начался экономический кризис и стало ясно, что процветанию настал конец и нет надежды на боль-

[1]) В странах с высоко развитой промышленностью — САСШ, Англия, Германия — в настоящее время около ¼ пролетариата полностью без работы. Около ¼ работают не всю неделю. Массовая безработица охватила все страны мира, исключая Францию. Даже в колониальных странах наблюдается совершенно небывалая массовая безработица. Общее число безработных в капиталистических странах равняется теперь приблизительно 25—30 млн.

шие барыши, началось сильное падение курсов в САСШ, перебрасывавшееся и в другие страны. После коротких перерывов, отчасти искусственно вызванных покупками финансового капитала, происходили новые падения курсов на всех биржах, и это продолжается до сих пор. Курс акций в среднем упал больше чем наполовину. Отдельные акции (искусственный шелк, бумага) упали даже на $^9/_{10}$ по сравнению со своим максимальным курсом.

Экономическое значение этих падений курсов сводится к колоссальной централизации капитала в руках финансового капитала и массовой экспроприации «мелкого люда» в интересах крупных акул, которые сохранили свое господство над подлинными ценностями, над производственным капиталом, который, конечно, нисколько не пострадал непосредственно от падения курсов акций. С другой стороны, это падение курсов означает быстрое уменьшение покупательной способности широких масс мелкой буржуазии. Так как одновременно с этим происходит сильное уменьшение покупательной способности крестьянства вследствие падения цен сельскохозяйственных продуктов, а также покупательной способности пролетариата вследствие массовой безработицы и снижения зарплаты при неизменно высоких розничных ценах, то можно предсказать, что кризис будет весьма продолжительным.

ж) Особенности кризиса в области обращения. Теперешний кризис имеет под влиянием сильно развитого монопольного характера капитализма свои особенности в области обращения. В период промышленного капитализма в начале кризиса наблюдался сильный спрос на ссудный капитал, и отсюда высокий учетный процент. Ссудный капитал нужен был в первую очередь, как платежное средство при выполнении срочных обязательств. Одновременно с этим обыкновенно наблюдалось в начале кризиса максимальное количество банкротств. Теперешний экономический кризис, напротив, освободил большое количество денег из обращения, и учетный процент снизился в самом его начале. Параллельно с углублением кризиса в области производства снижался и учетный процент. Это изменение в области обращения об'ясняется, в первую очередь, сильно выраженным монопольным характером капитализма в Америке, где большие запасы ссудного капитала, принадлежащие крупным промышленным предприятиям, и чрезвычайно сильное сплетение банковского капитала с промышленным не допустили наступления кредитного кризиса. Вследствие сокращения товарооборота во время кризиса освободились деньги в области обращения, появившиеся в банках как ссудный капитал, что вызвало освобождение денег на денежном рынке и снижение процентных ставок. В виду того громадного значения, которое американский денежный рынок имеет для Европы, это освобождение денежных сумм распространилось и на нее и не допустило здесь наступления денежного кризиса в начале экономического.

Сейчас мы, однако, в ходе кризиса наблюдаем появление кредитного кризиса, ухудшение положения на денежном рынке, повышение учетного процента и обесценения валюты различных стран, отчасти также вследствие влияния политического кризиса на экономический. Все эти явления совершенно противоречат господствующей буржуазной теории, согласно которой кризис является результатом недостатка капитала, и его можно преодолеть при условии обилия ссудного капитала и установления низкого учетного процента. Мы видим, что, несмотря на наличие крупных свободных капиталов и низкие процентные ставки, кризис тянется целый год и не видать его конца и, с другой стороны, мы наблюдаем по истечении года ухудшение на денежном рынке и поднятие процентных ставок, при чем это вовсе не является результатом улучшения кон'юнктуры. Напротив, ухудшение кон'юнктуры отражается на де-

нежном рынке и вследствие сильного падения цен платежный баланс многих стран, и в особенности колониальных, стал пассивным. Это привело к превышению спроса на иностранную валюту над предложением. Отсюда падение курсов валют, как например, во всех странах Азии с серебряной валютой: Китае, Персии и других, и в большинстве южно-американских стран. Необходимость задержать или, по меньшей мере, замедлить падение валюты заставляет поднять учетный процент и сократить кредит. Из европейских стран особенно пострадала Испания, валюта которой обесценилась на половину, кроме того, находятся под постоянной угрозой польская и германская валюты. Вследствие этого пришлось в этих двух странах поднять в октябре, в самый разгар кризиса, учетный процент и по всей вероятности придется его еще больше поднять и еще больше сократить кредит для того, чтобы сохранить стабильность валюты, которая в Польше пострадала вследствие сильного падения цен аграрных продуктов, а в Германии, в первую очередь, вследствие репарационных тягот. В Германии кроме того играет особую роль политический кризис, нашедший свое отражение в результате выборов. Французские капиталисты забрали свой ссудный капитал из Германии, а часть германских капиталистов перевела крупные капиталы за границу. Рейхсбанк потерял в течение нескольких недель 800 млн. марок золотом и в иностранной валюте, т.-е. около ¼ всего своего запаса. Курс доллара стоял в Берлине в течение нескольких дней на 2—3% выше паритета. Таким образом, мы видим кредитный кризис не в начале общего экономического кризиса, а во время его развития, выросший также как результат превращения хозяйственного кризиса в политический и обратного влияния политического кризиса на хозяйственный.

Аналогичный сдвиг наблюдается и в банкротствах. В довоенное время начинались массовые банкротства в самом начале кризиса, одновременно с началом кредитного кризиса. Сейчас мы видим, что учетный процент поднялся не в начале кризиса, а позже, в результате самого кризиса. Таким образом, банкротства на нью-йоркской бирже, банкротства крупных банковских предприятий в Америке, Италии, Австрии и друг. происходили уже в середине экономического кризиса, хотя ряд так наз. тихих банкротств происходил в продолжение всего кризиса. Все эти факты полностью опровергают буржуазную теорию о решающей роли ссудного капитала во время кризисов.

Экономический кризис и общий кризис капитализма.

В наших рядах полностью признают, что теперешний мировой экономический кризис развивается на основе всеобщего кризиса капитализма и что ход экономического кризиса глубоко изменился благодаря этому кризису капитализма.

Нам кажется, однако, что нет такой же ясности в вопросе об экономической сущности общего кризиса капитализма. Тот факт, что буржуазия больше не господствует над $^1/_6$ частью земного шара, тот факт, что буржуазия принуждена, вместо демократической республики — этого «лучшего политического покрова капитализма»,— как говорил Ленин,— прибегнуть к фашистскому господству насилия, а также наличие колониальных революций, и постоянная угроза господству буржуазии со стороны революционного движения пролетариата, обострение империалистических противоречий,—все это дает ясную картину кризиса капитализма в политической области.

Какова экономическая сущность кризиса капитализма?

Мы формулировали бы это следующим образом: основа всеобщего кризиса капитализма вообще лежит в крайнем обострении противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения; выражением такого обострения этого основного противоречия капитализма и поэтому решающим в экономике кризиса капитализма является к р а й н е е о б о с т р е н и е п р о т и в о р е ч и я м е ж д у п р о и з в о д с т в е н н о й и п о т р е б и т е л ь н о й с и л о й к а п и т а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в а. В п р е ж н и е п е р и о д ы к а п и т а л и з м а э т о п р о т и в о р е ч и е п р о я в л я л о с ь о с т р о л и ш ь в п е р и о д и ч е с к и в о з в р а щ а в ш и х с я э к о н о м и ч е с к и х к р и з и с а х; в п е р и о д в с е о б щ е г о к р и з и с а к а п и т а л и з м а о н о и м е е т т е н д е н ц и ю к т о м у, ч т о б ы с т а т ь х р о н и ч е с к и о с т р ы м. Покупательная способность капиталистического рынка является даже во время высокой кон'юнктуры недостаточной для того, чтобы можно было полностью использовать производственный аппарат. Большая часть этого аппарата постоянно бездействует.

Другая сторона этого явления: п о к у п а т е л ь н а я с п о с о б н о с т ь к а п и т а л и с т и ч е с к о г о р ы н к а с л и ш к о м м а л а д л я т о г о, ч т о б ы м о ж н о б ы л о о б е с п е ч и т ь в е с ь п р о л е т а р и а т р а б о т о й. В то время, как в прежние периоды капитализма резервная армия безработных в фазы высокой кон'юнктуры сводилась к крайнему минимуму, мы теперь имеем хроническую массовую безработицу. Происходит новое «освобождение» непосредственных производителей от средств производства. Дело идет не о лишении их собственности на средства производства (этот процесс уже давно закончен). Они теперь уже не имеют возможности работать над средствами производства, являющимися собственностью капитала, и этим путем зарабатывать себе на жизнь. Н е и с п о л ь з о в а н н ы е с р е д с т в а п р о и з в о д с т в а и н е и с п о л ь з о в а н н а я р а б о ч а я с и л а в о г р о м н о м м а с ш т а б е, «и з л и ш е к к а п и т а л а п р и и з л и ш к е н а с е л е н и я», — к а к г о в о р и л М а р к с, — и с к л ю ч и т е л ь н о е о б о с т р е н и е м о н о п о л и с т и ч е с к о г о з а г н и в а н и я к а п и т а л и з м а, — в о т, п о н а ш е м у м н е н и ю, э к о н о м и ч е с к а я с у щ н о с т ь в с е о б щ е г о к р и з и с а к а п и т а л и з м а.

Излишек средств производства является лишь другой стороной недостатка возможностей сбыта. Излишек средств производства не следует отделять от перепроизводства товаров. Для всякого ясно, что если бы капиталистический рынок сбыта имел бо́льшую емкость, то капитал мог бы лучше использовать свои производственные предприятия. Неиспользованные производственные предприятия являются результатом недостаточного сбыта и узости рынка. Они являются результатом хронического латентного перепроизводства товаров[1]). А в основе лежит то обстоятельство, что капиталистические отношения сковывают развитие производительных сил, доводят потребление масс до самого крайнего возможного низкого минимума.

Почему капитал не в состоянии приспособить производственную мощность к покупательной способности рынка, хотя это и является одним из основных лозунгов монопольного капитала? Почему мы видим, что, несмотря на то, что значительные части производственного аппарата хронически бездействуют, капитал продолжает расширять этот аппарат?

Капитал накопляет. Капиталистическая система производства неотделима от накопления капитала. Отдельные капиталистические предприятия принуждены накоплять вследствие конкуренции: кто не накопляет и отстает от современной техники, тот гибнет в конкурентной борьбе. Поэтому

---

[1]) Совершенно неправильно, поэтому, следующее заявление тов. Эвентова, свидетельствующее о полном непонимании им марксистского учения: «Современный кризис именно характеризуется не тем, что имеется значительное перепроизводство товаров, а скорее тем, что имеется перепроизводство основного капитала». («Экономический кризис в САСШ», изд. Комакадемии, стр. 23.)

капитал постоянно расширяет и улучшает свой производственный аппарат. Органический состав капитала увеличивается, переменный капитал сравнительно уменьшается (в некоторых странах он в настоящее время и абсолютно уменьшается). Процесс накопления, процесс, сводящийся к тому, что часть прибыли капиталист не потребляет, а использует для расширения производства,—неизбежно приводит к циклическому ходу капиталистического производства, неизбежно вызывает периодически возвращающиеся кризисы перепроизводства. Лишь при простом воспроизводстве можно было бы себе абстрактно, теоретически представить бескризисный ход капиталистического производства, но простое воспроизводство само по себе противоречит самой сущности капиталистической системы производства. Все попытки представить марксову схему расширенного воспроизводства, как схему «постоянного движущегося равновесия» (Отто Бауэр, Гильфердинг, Бухарин), совершенно неправильны. Расширенное воспроизводство неизбежно должно и в монополистической фазе капитализма привести к циклическому ходу и к периодически возвращающимся кризисам.

Монопольный характер теперешнего капитализма не может этого предотвратить, доказательством чего является настоящий тяжелый экономический кризис. В условиях монополистического капитализма конкуренция существует рядом с монополией, находясь в непримиримом противоречии с ней. В этих условиях происходит конкуренция между картелями и прочими предприятиями; конкуренция международных монополий на мировом рынке; конкуренция монополий, вырабатывающих товары, удовлетворяющие одинаковые потребности; конкуренция монополий, старающихся заставить потребителя удовлетворить какую-либо определенную потребность («борьба за доллар потребителя», как выражаются в Америке). Конкурентная борьба заставляет отдельные монопольные предприятия накоплять для того, чтобы при помощи улучшенной техники снизить производственные издержки и победить в борьбе. Рационализация, которая, по мнению реформистов, должна была вызвать под'ем капитализма, является не чем иным, как особо острым концентрированным методом, применяемым в широком размере и призванным снизить издержки производства. При чем наряду с поднятием производительности труда вследствие технических усовершенствований играют большую роль поднятие интенсивности труда и снижение зарплаты ниже стоимости рабочей силы.

Рационализация означает то, что в каждой товарной единице содержится меньшее количество рабочего времени, и в этом уменьшенном рабочем времени содержится меньшая доля оплаченного рабочего времени. Это ведет к тому, что уровень жизни рабочего класса снижается [1]) и рабочий класс может покупать все меньшую часть товаров, выбрасываемых капиталом на рынок. Мы можем охарактеризовать этот процесс и следующим образом: каждый отдельный капиталист старается урвать по возможности бо́льшую долю сбыта путем удешевления производственных издержек своего собственного товара. Общим результатом этого стремления всех отдельных капиталистов является то, что рынок сбыта становится относительно все более узким для всего капитала: в этом заключается имманентное, внутренне-присущее противоречие капиталистической системы производства, которая приводит к периодическому или более или менее перманентному, хотя и не всегда острому, перепроизводству. Теперешний экономический кризис не означает конца рационализации—капитал будет продолжать и усиливать рационализацию, но зато потерпели крах теории и иллюзия, будто рационализация является чудотворным средством для разрешения всеобщего кризиса капитализма и улучшения положения рабочего класса.

[1]) X пленум ИККИ был прав, отвергнув мои неясные и ошибочные формулировки по этому вопросу.

В эпоху промышленного капитализма и довоенного монопольного капитализма наблюдалось лишь периодическое острое перепроизводство. Капиталистический рынок сбыта расширялся в таком размере, что капитал, за исключением периодически наступавшего перепроизводства, в общем имел возможность полностью использовать производственный аппарат и давать работу все большему количеству рабочих. Сейчас это расширение капиталистического рынка сбыта слишком незначительно даже для того, чтобы и в период высокой кон'юнктуры можно было использовать производственный аппарат и предоставить работу все большему числу рабочих. Что же изменилось в динамике расширения капиталистического рынка сбыта?

Дело в следующем: расширение капиталистического рынка сбыта шло до войны в двух направлениях:

1) В направлении роста обращения внутри самого капиталистического сектора.

2) Вовлечения в капиталистическую сферу обращения среды, бывшей ранее вне этой сферы, как и вообще роста обращения капиталистической сферы с средой некапиталистической, но вовлеченной в товарные отношения. Это второе направление имеет два основных подразделения:

а) Расширение внутреннего рынка вследствие превращения крестьян, производивших для собственного потребления, в поставщиков сырья для капиталистической промышленности и покупателей товаров этой промышленности. Этот процесс, который Ленин подробно анализировал в своей книге «Развитие капитализма в России», имел решающее значение для капиталистического рынка сбыта. Превращение крестьянина, производившего в первую очередь для своих собственных нужд, в капиталистического фермера или батрака, вызвало сильное расширение внутреннего рынка для капитала. Этот процесс почти полностью закончился в наиболее высоко развитых капиталистических странах, как САСШ, Англия, Германия. Внутренний рынок в этих странах может теперь расширяться лишь в рамках собственного развития капитализма и среды, вовлеченной в капиталистическое обращение, в связи с увеличением населения, расширением капитальных вложений, экспорта капитала, превращением частного домашнего хозяйства в об'ект капиталистического способа производства и т. д. Поэтому противоречие между расширением производительной силы капитализма и емкостью внутреннего рынка становится здесь все более острым.

б) Расширение капиталистического сбыта на внешнем рынке, происходившее в результате появления на капиталистическом мировом рынке стран, стоящих на более низкой ступени экономического развития. Этот процесс еще далеко не закончился. Сотни миллионов людей в Китае, Индии, Африке до сих пор лишь в незначительной степени связаны с капиталистическим мировым рынком. Но их привлечение к мировому капиталистическому рынку, поскольку при капитализме это не может быть ничем иным, как процессом вовлечения их в сферу беспощадного империалистического гнета и эксплоатации, происходит с исключительной медленностью и наталкивается на препятствия: на революционное сопротивление колониальных народов, на феодально-милитаристский гнет и эксплоатацию в аграрных и во всех общественных отношениях, на стремление национальной буржуазии развить свою собственную промышленность при помощи покровительственных пошлин и проч.

Между империалистическими державами в этой области идет ожесточенная борьба, борьба, которая становится тем более острой, чем больше обостряется противоречие между производительной силой и потребительной силой капиталистического общества на внутреннем рынке. Нужно, однако, учесть, что расширение внутреннего рынка имеет в истории капитализма гораздо большее значение, чем внешний рынок. САСШ до

сих пор вывозят за границу лишь около 6% своей промышленной продукции. Англия, связанная больше всех других стран с мировым рынком, экспортирует не больше 30% своей продукции.

Сущность кризиса капитализма в экономическом отношении заключается в том, что на основе обострения монополистических тенденций (и тех структурных изменений, которые произошли в мировом хозяйстве в результате этого в связи с мировой войной и Октябрьской революцией) рынок сбыта становится для капитала все более хронически узким, усиливается хроническое скрытое или острое перепроизводство, проявляющееся в постоянном прекращении работы значительной части производственного аппарата и хронической массовой безработице. Расширение производственного аппарата, являющееся результатом накопления капитала, превышает расширение рынка сбыта, последнее оказывается слишком недостаточным для того, чтобы хотя бы даже периодически восстанавливать равновесие между производственными и потребительными силами. Поэтому мы наблюдаем факт, который подчеркнул и тов. Сталин в своем докладе на XVI с'езде и отметил тов. Молотов в отчете делегации ВКП(б) и ИККИ, а именно: наступление теперещнего экономического кризиса в целом ряде стран (Англия, Германия) не после предшествовавшей высокой кон'юнктуры, а после продолжавшегося несколько лет застоя продукции. Связь между общим кризисом капитализма и фазой кризиса ярче всего сказывается в том, что фазы кризиса могут наступать без предшествующего под'ема именно потому, что всегда имеется налицо основное условие кризиса, а именно—противоречие между производственной и потребительной силами.

Это означает, что развитие производительных сил находится в сильнейшем противоречии с производственными отношениями. Капитализм выполнил свою историческую миссию, заключающуюся в развитии производственных сил. Капиталистический строй прямо задерживает теперь дальнейшее развитие производительных сил. Процесс загнивания все больше усиливается. Монополистический капитал привел к тому, что не развитие производства, а его всестороннее сокращение диктуется его интересами получения прибыли. Пророческие слова Маркса о том, что капитализм не может обеспечить существование своих рабов даже в условиях их рабства, становятся конкретной действительностью, принимая во внимание хронически растущую из года в год массовую безработицу. Уже наступило время, когда нужно разорвать цепи капиталистического общественного строя и свергнуть буржуазию во всем мире.

Экономический и аграрный кризисы.

Теперешний экономический кризис обостряется вследствие одновременно наступившей острой фазы аграрного кризиса, ставшего хроническим со времени окончания войны. Аграрный кризис не является частью промышленного цикла, но неразрывно и все теснее связан с ним, и представляет собою одну из важнейших форм в с е о б щ е г о к р и з и с а капитализма. Само собой разумеется, что промышленный кризис со своей стороны обостряет аграрный кризис, уменьшая спрос на продукты сельского хозяйства и, в особенности, на промышленное сырье.

В аграрном кризисе следует различать три процесса:

1) Дифференциацию крестьянства, превращение крестьян в пролетариев, с одной стороны. Многие крестьяне остаются «самостоятельными» лишь по виду, с другой стороны, появляется в сельском хозяйстве новый капиталистический слой. Этот процесс п о с т о я н н о наблюдается в условиях капитализма и он развивается параллельно с под'емом сельского хозяйства, т.-е. с поднятием сельскохозяйственного производства.

2) Д е г р а д а ц и ю сельского хозяйства в Китае, Индии и других странах, вследствие безмерной эксплоатации широких масс трудящихся крестьян, не позволяющей им даже восстановить те минимальные средства производства, которые необходимы для простого воспроизводства.

3) К а п и т а л и с т и ч е с к и й а г р а р н ы й к р и з и с, который нас здесь и интересует в первую очередь. Его непосредственная экономическая причина заключается в том, что, в с л е д с т в и е х р о н и ч е с к о г о п р е в ы ш е н и я п р е д л о ж е н и я н а д с п р о с о м, п р о д а ж н ы е ц е н ы с е л ь с к о х о з я й с т в е н н ы х п р о д у к т о в н е п о к р ы в а ю т п р о и з в о д с т в е н н ы х р а с х о д о в (с ч и т а я и з е м е л ь н у ю р е н т у)[1], з н а ч и т е л ь н о г о б о л ь ш и н с т в а с е л ь с к о х о з я й с т в е н н ы х п р о и з в о д и т е л е й, т.-е. к р е с т ь я н с т в а.

«Ножницы», которые часто считают причиной аграрного кризиса, т.-е. поднятие цен промышленных товаров по сравнению с довоенным временем, представляют собой лишь о д и н элемент аграрного кризиса. «Ножницы» не обязательно должны вызвать аграрный кризис: если производительность труда в сельском хозяйстве в какой-нибудь промежуток времени сильнее поднимется, чем в промышленности, то «ножницы» будут отвечать новым условиям стоимости и сами по себе не приведут к ухудшению положения в сельском хозяйстве и не вызовут аграрного кризиса. С другой стороны, появляется аграрный кризис при падении цен и без «ножниц», ибо высокая земельная рента, зафиксированная договорами в то время, когда цены были высоки (арендная плата, ипотечные долги), превращается в непосильное бремя для арендаторов и задолжавшихся крестьян.

Капиталистический аграрный кризис является кризисом перепроизводства, в особенности в отношении хлеба.

Благодаря новейшим техническим достижениям в сельском хозяйстве—тракторы, комбайны,—можно теперь растить хлеб при чрезвычайно низких производственных расходах и в так называемых п о л у с у х и х о б л а с т я х[2]).

Издержки производства одного бушеля пшеницы не достигают в этих новых пахотных районах на юго-западе САСШ и 50 центов благодаря использованию тракторов и комбайнов[3]). Этим об'ясняется быстрое расширение посевной площади в САСШ, Австралии и Аргентине, даже несмотря на аграрный кризис, ибо в механизированном капиталистическом

---

[1]) Земельная рента не является э к о н о м и ч е с к о й составной частью издержек производства. Однако для индивидуального с.-х. производителя, который должен уплачивать ф и к с и р о в а н н у ю ренту в виде арендной платы и процентов по закладным, независимо от того, что он получит за свою продукцию, эта рента является весьма крупным расходом. По расчетам американцев, она составляет 25—30% издержек производства хлеба. Рента, зафиксированная договорами на уровне, сильно превышающем подлинную земельную ренту, приводит, поэтому, к разорению обремененных ею крестьян.

[2]) «С помощью этих машин (тракторов, комбайнов) и новых методов обработки земли удалось использовать для хлебных посевов те полусухие области, которые занимают середину больших континентов и на которых до сих пор велось лишь чрезвычайно экстенсивное хозяйство. Теперь имеется уверенность в том, что именно там существуют идеальные условия для полной механизации и моторизации хлебного хозяйства. Ровные поля без камней, сухая погода и очень дешевая земля, на которой можно вести экстенсивное хозяйство и растить пшеницу без использования соломы.. Предполагают, что в САСШ можно использовать для возделывания пшеницы новые 16 млн. гектаров земли, что превышает приблизительно в 1½ раза ту пахотную землю, на которой возделывается хлеб в Германии. В Аргентине и Австралии имеются еще большие территории для возделывания хлеба». (Доклад Зеринга на конгрессе об-ва социальной политики в Кенигсберге).

[3]) См. «Нью-Иорк Таймс» от 14 сентября 1930 г.

крупном предприятии можно все же получить среднюю норму прибыли, даже при теперешних весьма низких ценах на хлеб.

Буржуазные экономисты, старающиеся замазать классовую сторону вопроса, постоянно говорят о кризисе сельского хозяйства вообще, как о каком-то техническом феномене, связанном с естественными особенностями сельскохозяйственного производства, умалчивая о том далее, что этот кризис есть, прежде всего, кризис крестьянского хозяйства и помещичьего хозяйства старого типа, которое не может устоять перед конкуренцией капиталистического крупного предприятия. Это крестьянство и, в первую очередь, его беднейшие слои, обремененные долгами, а также крестьяне, работающие на чужой земле и уплачивающие высокую арендную плату, разоряются вследствие сельскохозяйственного перепроизводства.

Буржуазия проповедует сокращение размеров посевной площади в целях предупреждения перепроизводства[1]). Это, однако, невыполнимо в сельском хозяйстве. Крупный капиталистический производитель, зарабатывающий даже при теперешних низких ценах, не имеет никаких оснований сокращать свою продукцию. Но подобная политика была бы бессмыслицей и для крестьянина. Весьма значительная часть издержек производства в сельском хозяйстве — по американским расчетам 70% — не зависит от размеров обрабатываемой земли (арендная плата, проценты, налоги, амортизация постоянного капитала, корм скота и т. д.). При сокращении размеров посевной площади часть рабочей силы семьи осталась бы неиспользованной в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств. Поэтому крестьяне в общем, стоят перед дилеммой: или полностью использовать находящуюся в их распоряжении землю или же отказаться от «самостоятельного» существования, бросить хозяйство и превратиться в батраков. Сотни миллионов мелких сельскохозяйственных предприятий не могут и думать о сокращении производства. Таким образом, производство хлеба растет и тем более приводит к возрастающему перепроизводству, что потребление хлеба в промышленных странах проявляет тенденцию к падению, а нужда в корме для скота уменьшается вследствие вытеснения вьючных животных в городе и деревне автомобилями и тракторами. Перепроизводство и падение цен неизбежно распространяются и на продукты скотоводства, ибо дешевизна кормов приводит к увеличению количества скота. Уже в течение ряда лет наблюдается перепроизводство колониальных продуктов, как сахар и кофе. Промышленный кризис вызвал перепроизводство промышленного сырья (каучук, хлопок, шерсть, джут, шелк и т. д.). Таким образом, имеется всеобщее перепроизводство во всех отраслях сельского хозяйства, которое привело к катастрофическому падению цен всех сельскохозяйственных продуктов. Аграрный кризис, таким образом, угрожает самому существованию сотен миллионов крестьян.

Этот факт имеет огромнейшее политическое значение. Он расшатывает основу господства буржуазии, ее гегемонию над крестьянством. Массовое разорение отдельных крестьянских хозяйств подрывает доверие крестьян к хваленой частной собственности вообще. Аграрный кризис, охвативший весь мир, дает коммунистическим партиям возможность глубоко проникнуть в крестьянские ряды и стать вождем широких слоев трудящихся крестьян.

[1]) Легге, стоящий в Соединенных Штатах во главе федерального департамента по делам фермеров, заявляет: «Если бы все сельскохозяйственные производители превратили 5% своей пахотной земли в леса, перепроизводство в Америке было бы ликвидировано».

Теоретическая путаница, хозяйственно-политическая растерянность.

Буржуазная наука беспомощно стоит перед теперешним кризисом, как и 100 лет тому назад. Исходя из того факта, что всякое производство товаров означает и производство одинакового дохода, она совершенно растерялась перед фактом всеобщего перепроизводства. Тем временем кризис начинает «вгонять диалектику» в буржуазную науку. Германский Кон'юнктурный институт набрался даже духу, чтобы отвергать, по крайней мере для Америки, бессмысленную теорию Касселя и его школы, согласно которой высокая кон'юнктура всегда кончается вследствие недостатка капитала:

«Мы приходим, таким образом, к тому выводу, что основная причина падения кон'юнктуры в Соединенных Штатах заключается в пресыщении страны капиталом. Решающее значение имеет напротив то, что мы уже выше указывали, а именно: сильная промышленная экспансия привела к преувеличенной производственной мощности, а это имело следствием то, что расширение производства не шло наравне с развитием покупательной силы потребителей. Таким образом, чрезмерная инвестиция привела к перепроизводству» [1]).

Признавая, что всеобщее перепроизводство является сущностью кризиса, а не недостаток капитала, институт начинает полемику против «теории путей сбыта», согласно которой всеобщее перепроизводство невозможно, так как можно неограниченно применять капитал и работу для создания дополнительных средств производства. Это, — по существу, — известная неправильная теория Туган-Барановского. Несмотря на то, что кризис заставил прийти к этому выводу, германская буржуазия ведет пропаганду за снижение зарплаты под предлогом необходимости усиленного капиталообразования. Отсюда бесчисленные нападки германской капиталистической печати на Кон'юнктурный институт [2]). Так, например, «Дер Дейтше Фольксвирт» пишет:

«Если бы это положение было правильно, то усиленное капиталонакопление было бы не только не полезным, но и опасным. Тогда следовало бы во время поднимающейся кон'юнктуры усиливать потребительную силу за счет размеров капитала в хозяйстве для того, чтобы поднятие кон'юнктуры по возможности замедлилось... А при падающей кон'юнктуре был бы, очевидно, к месту тот же рецепт для того, чтобы задержать темп падения и облегчить под'ем. Так как потреблять гораздо приятнее, чем экономить, то было бы большим счастьем, если бы оппоненты были правы. Господствующее научное (?) воззрение отрицает теорию покупательной силы, так как оно не может примирить с общей картиной хозяйства представление, будто когда-либо может сразу оказаться избыток всех товаров, если не считать временных периодов хозяйственной разрухи». («Дер Дейтше Фольксвирт» от 12 сентября 1930 г.).

Мы видим всю бесплодность усилий буржуазной науки, вертящейся в кругу и неспособной понять феномен циклического развития капиталистической системы производства и периодические кризисы перепроизводства. Не стоит больше заниматься этим вопросом, мы приведем лишь пример, характеризующий отношение социал-демократии к кризису. В статье, озаглавленной «Мировая война и капитализм», теперешний главный теоретик германской социал-демократии Георг Декер (русский меньшевик Денике) доказывает, что теперешний кризис является типичным капиталистическим кризисом. Он говорит:

«Теперешний экономический мировой кризис является свидетельством того, что в результате колебаний кон'юнктуры и смены под'емов и кризисов вновь начался нормальный ход капиталистического развития». («Форвертс» от 1 августа 1930 г.).

[1]) Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. 5 Jahrgang, Heft 2, Teil A, Seite 37.

[2]) Так как этот институт, как и все институты по исследованию кон'юнктуры, в значительной мере финансируется капиталистическими предприятиями, то в печати уже поднят вопрос о смене его руководства.

Ни слова о всеобщем кризисе капитализма, но зато подчеркивается «мощь, с которой происходит развитие на пути к организованному капитализму». Социал-демократические «теоретики» видят перспективу капиталистического развития в более розовом свете, чем сами капиталисты.

Теоретическое непонимание сущности капитализма вообще и теперешнего мирового экономического кризиса в частности является одним из факторов, который приводит к кризису хозяйственной политики капиталистических государств. В хозяйственно-политической области царит хаос. Экономическая политика отдельного капиталистического государства старается обеспечить свою собственную буржуазию рынком для сбыта ее продуктов. Эта задача, однако, неразрешима в условиях всеобщего кризиса капитализма, характеризующегося недостаточной емкостью рынка для сбыта по сравнению с быстро увеличивающейся производственной мощностью. Экономическая политика старается поэтому в первую очередь обеспечить «национальной» буржуазии внутренний рынок путем возведения все более высоких таможенных барьеров [1]).

Так как внутренний рынок промышленных стран в общем не в состоянии воспринять всю продукцию, то часть ее должна быть брошена на мировой рынок. Для того, чтобы облегчить сбыт, продают за границей гораздо дешевле, чем внутри страны. Высокие покровительственные пошлины и демпинг при монополистическом капитализме неотделимы друг от друга. Ответом на поднятие покровительственных пошлин в одной стране является усиление демпинга других стран, что в свою очередь вызывает новое поднятие покровительственных пошлин — в целях обеспечения внутреннего рынка для нужд национальной промышленности.

Растерянность в области хозяйственной политики лучше всего иллюстрировать на примере Германии: торговые договоры расторгаются немедленно после их заключения. Сначала выдаются экспортные премии на с.-х. продукты, а затем выдача их приостанавливается в виду дефицита в государственном бюджете. В целях недопущения снижения цен часть ржи химическим образом делается непригодной для потребления людьми, превращается в корм для скота и продается по сильно сниженной цене сельским хозяевам. Торговый договор, заключенный Германией с Польшей, сводится на-нет, вследствие последовавшего тем временем сильного поднятия пошлин на сельскохозяйственные продукты, и не ратифицируется и т. д.

Ту же картину всеобщей растерянности мы наблюдаем и в экономической политике Англии. Традиционная система свободной торговли теряет своих сторонников, ведется пропаганда за «свободную торговлю внутри империи». Однако имперская конференция показала, что доминионы не склонны жертвовать своим промышленным развитием в интересах Англии и отказаться от промышленных пошлин. Они со своей стороны предложили ввести пошлины на все товары, включая и с'естные припасы для того, чтобы Англия получила возможность установить для них предпочтительные пошлины. Эта идея была подхвачена консервативной партией, но решительно отклонена рабочей партией. Отсюда, полная безрезультатность имперской конференции в экономической области.

Также запутаны и безнадежны и стремления восточно-европейских аграрных стран добиться в Западной Европе преимуществ для своих сельскохозяйственных продуктов по сравнению с продуктами заокеанских

---

[1]) Так, например, пошлина на пшеницу была быстрым темпом поднята в Германии до 250 марок за тонну. Пошлина поэтому значительно выше внутригерманской цены и вдвое выше цены пшеницы за границей.

стран. Так как заокеанские страны, экспортирующие сельскохозяйственные продукты, а именно Соединенные Штаты, Канада, Аргентина, Австралия, являются более солидными и более надежными покупателями промышленных изделий европейских промышленных стран, чем мелкие восточно-европейские страны; так как САСШ являются с точки зрения мировой политики несравненно более важным фактором, чем все мелкие аграрные страны Восточной Европы, вместе взятые,— то требование Восточно-европейского аграрного блока об установлении предпочтительных пошлин для его продуктов было категорически отклонено Лигой наций. Эти и другие подобные факты говорят о том, что буржуазия так же совершенно беспомощна в своей практической борьбе с экономическим кризисом и всеобщим кризисом капитализма, как она неспособна и теоретически понять законы движения капитализма.

Борьба за рынок сбыта, которая особенно обострилась во время кризиса, привела, конечно, к обострению внутриимпериалистических противоречий. Все откровенней ставится вопрос о переделе мира. Борьба, в первую очередь, идет за огромные области Китая и Южной Америки, которые еще не подпали окончательно под власть какой-либо отдельной империалистической державы. За ширмой генеральской войны в Китае идет в действительности борьба между САСШ, Японией и Англией. Быстро следующие один за другим перевороты в южно-американских государствах также являются этапами борьбы САСШ против позиций Англии в Южной Америке.

При настоящем сужении рынка сбыта выход Советского союза из сферы капиталистического мирового хозяйства является более чем когда-либо невыносимым для капиталистического мира. Отсюда усиленная подготовка к интервенции как в форме образования антисоветских блоков (конференции восточно-европейских аграрных стран, организованные под влиянием Франции), так и в идеологической области (религиозный крестовый поход, клевета о демпинге и т. д.).

Шумиха, поднятая вокруг демпинга, которым Советский союз будто бы занимается, экспортируя свои с.-х. продукты, имеет свой большой политический смысл. Как мы уже говорили, аграрный кризис угрожает гегемонии буржуазии над широкими массами трудящегося крестьянства. Ведя кампанию против советского «демпинга», буржуазия стремится убедить крестьянство, что аграрный кризис не является порождением капиталистической системы, а в нем повинен исключительно Советский союз. Поэтому негодование широких крестьянских масс должно быть направлено против Советского союза, а не против буржуазии. Этот подмоченный маневр буржуазии вместе с тем является и идеологической подготовкой широких масс крестьянства к военной интервенции против Советского союза.

Важным моментом в мировом экономическом кризисе является кризис плана Юнга. Вследствие падения цен, тяготы, возложенные на Германию планом Юнга, будучи выражены в рабочем времени, уже теперь на 15% выше, чем они были при принятии плана. Германия должна теперь бесплатно отдать своим кредиторам на 15% больше товаров, чем до падения цен, если она хочет выполнить свои обязательства по репарациям. Принимая во внимание общую недостаточную емкость мирового рынка и сокращение внешней торговли во время кризиса, Германия не сможет выполнить свои репарационные обязательства путем товарного экспорта. Недалек момент, когда стабильность германской валюты вновь окажется под угрозой. В недалеком будущем Германии придется просить о предоставлении ей моратория. Германское правительство уже послало в Америку Шахта для того, чтобы создать там настроение, благоприятное для пересмотра плана Юнга, что им не удалось. Не сбылась надежда буржуазии на то, что при-

нятие плана Юнга внесет более длительное успокоение в репарационную проблему [1]).

Кризис плана Юнга, однако, неизбежно ставит в порядок дня и всю проблему межсоюзнических долгов. Это, в свою очередь, обостряет внутриимпериалистические противоречия, усиливающие со своей стороны экономический кризис.

Перерастание экономического кризиса в политический.

В целом ряде стран мы уже наблюдаем процесс перерастания экономического кризиса в политический. Основными моментами этого процесса являются: сильнейшие разногласия между отдельными слоями господствующего класса, недовольство широких крестьянских масс и рост революционной готовности пролетариата. Кризис и падение цен означают, как мы уже выше указывали, сильное уменьшение общей суммы прибыли господствующего класса. Отсюда сильные трения внутри господствующего класса, между отдельными его слоями в вопросе о распределении уменьшившейся суммы прибыли. Между аграрным и промышленным капиталом идет борьба в области таможенной политики. Высокие аграрные пошлины означают увеличение доли земельной ренты в общей прибыли за счет промышленного капитала или за счет рабочих. С другой стороны, стремление буржуазии снизить зарплату наталкивается на затруднение, заключающееся в искусственном удержании на высоком уровне, ради повышения земельной ренты, цен на с'естные припасы. Мы видим, далее, трения между тяжелой и обрабатывающей промышленностью, между промышленностью и торговлей, между оптовой и розничной торговлей. Каждый из них обвиняет другого в удержании цен на чрезмерно высоком уровне, что неблагоприятно отражается на сбыте.

Особенно остро противоречие между промышленным и ссудным капиталом. Оплата долгосрочных займов ложится все более тяжелым бременем на промышленные предприятия в виду постоянного падения цен. Относительно все более увеличивающаяся часть дохода должна отдаваться для уплаты процентов. Таким образом, все яснее проявляется паразитический характер капитализма и его загнивание.

Наряду с противоречиями в рядах господствующего класса мы наблюдаем сильный ропот крестьянства, страдающего от аграрного кризиса, и возмущение рабочего класса, несущего все бремя кризиса и терпящего нужду в связи с безработицей и снижением зарплаты. Назревающий политический кризис сказывается—в расколе, роспуске и новообразовании политических партий в важнейших капиталистических странах; в расхождении политической линии классовых организаций и политических партий буржуазии; в обострении кризиса парламентаризма, отразившемся наиболее ярко в исходе германских выборов, и событиях в Польше, усиленной фашизации буржуазного государства. Политический кризис в свою очередь обостряет экономический, что яснее всего видно на примере Германии и Польши. Таким образом, в целом ряде стран назревает ситуация, которую Ленин рассматривает как условие для революционной борьбы за власть, ибо господствующие классы все больше не могут жить дальше по-старому, а угнетенные классы все больше — не хотят.

[1]) X пленум ИККИ был прав, подвергнув критике мою оценку плана Юнга, как примиряющего (хотя бы и «временно») империалистические противоречия. Сейчас ни у кого не может быть сомнения, насколько грубо ошибочна была моя переоценка значения плана Юнга, как средства для временного примирения («Ueberbrückung»—перебрасывание мостика) противоречий в репарационном вопросе. Развитие событий с очевидностью показывает, что репарационный вопрос может «смягчить», разрешить лишь пролетарская революция.

Вопреки всем оптимистическим предсказаниям Гувера и других буржуазных деятелей, мировой экономический кризис все еще углубляется и никаких конкретных признаков его преодоления пока не видно.

Перспективы дальнейшего развития

Говоря о перспективах дальнейшего развития мирового экономического кризиса, мы укажем на следующее: для преодоления кризиса необходимо, чтобы острое противоречие между производительной и потребительной силой капиталистического общества во время кризиса было временно разрешено. Другими словами: излишние товары должны рассосаться, должно установиться новое равновесие между предложением и спросом. Для этого необходимо уменьшение непроданных товарных запасов.

Пока об этом, однако, не может быть и речи. Уменьшение покупательной силы крестьян вследствие аграрного кризиса, колоссальная безработица и стабильность розничных цен сильно задерживают рассасывание товарных запасов. Все статистические данные показывают, что товарные запасы в настоящее время превышают запасы, бывшие в начале кризиса. Так как этот вопрос имеет решающее значение для определения дальнейшей продолжительности кризиса, то мы приведем некоторые цифры.

Превышение запасов товаров в конце июня 1930 г. над прошлогодними запасами в процентах[1])

Каменный уголь (Германия, Саарская обл., Бельгия, Восточная Верхняя Силезия)	340 [2])
Медь (очищенная) (Северная и Южная Америка)	284
Свинец (в конце марта) (САСШ, Мексика)	9
Цинк (САСШ)	197
Олово (явные запасы во всем мире)	76
Хлопок „ „	33
Шелк-сырец (конец апреля) (Япония)	262
Каучук (САСШ, Великобритания, Сингапур, Пенан)	52
Чилийская селитра (явные запасы во всем мире)	39
Сахар (явные запасы во всем мире)	14
Кофе (Бразилия, САСШ и Европа)	99
Какао (явные запасы во всем мире.)	13

О запасах готовых изделий имеются статистические данные лишь в САСШ. Мы видим здесь следующую картину:

Индекс товарных запасов, принимая индекс 1923/25 г. за 100% [3]).

	Средний месячный индекс						Июль	
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1929 г.	1930 г.
Товары вообще	102	104	115	121	123	137	122	130
Промтовары вообще	103	103	107	113	117	120	121	127
Текстильные товары	96	95	115	104	128	122	125	124
Железные и стальные изделия	104	110	114	121	141	143	139	154
Изделия из цветных металлов	115	91	101	117	119	129	122	205
Сырые материалы	101	104	121	127	127	149	123	132

Эти цифры показывают постепенное конкретное назревание перепроизводства из года в год. Мы видим, что в САСШ в период «процветания» запасы увеличивались из года в год. Еще важнее то, что запасы как готовых изделий, так и сырья были в июле 1930 г. больше, чем в июле 1929 г. За-

[1]) Vierteljahrsheft für Konjunkturforschung 5. Jahrg, Heft 2, Teil A, Seite 22.

[2]) В отдельных случаях капиталисты умышленно создают большие запасы с целью облегчить свое положение в борьбе с рабочими: это совершенно очевидно, например, в угольной промышленности Германии!

[3]) Официальные данные министерства торговли и Статистическое бюро: "Survey of Current Business", August 1930, Seite 24.

пасы не только не рассосались, но даже увеличились в течение кризиса. Ясно, таким образом, что не может быть и речи о быстром преодолении кризиса в САСШ. Необходимым условием для перехода к новому под'ему должно явиться уменьшение запасов готовых изделий, что сделало бы неизбежным увеличение продукции в отделе В, а это, в свою очередь, привело бы к оживлению в отделе А.

Можно здесь возразить, что толчок к новому под'ему мог бы исходить и из отдела А. Теоретически это возможно, и в прежних кризисах были случаи, когда капиталисты, надеясь на будущий расширенный сбыт, вкладывали новые капиталы в отдел А (железнодорожное строительство, судостроение, расширение промышленных предприятий), что, вследствие увеличения числа рабочих и размеров переменного капитала, вызывало оживление и в отделе В и общий под'ем всего хозяйства. Сейчас это совершенно невозможно. Еще до кризиса, в фазу высокой кон'юнктуры, наблюдался излишек производственных предприятий, и хроническое неиспользование значительных частей производственного аппарата является, как мы уже говорили, одним из основных моментов всеобщего кризиса капитализма. Теоретически, поэтому, совершенно немыслимо, чтобы толчок к улучшению положения последовал на этот раз из отдела А.

Мы можем в подтверждение этого привести конкретные данные. Если бы имелось налицо движение за расширение производственного аппарата, то это сказалось бы в увеличении заказов отраслей промышленности, относящихся к отделу А. Мы этого, однако, не видим. Индекс заказов в САСШ равняется, принимая индекс 1923/25 гг. за 100:

	Июль 1929 г.	Июль 1930 г.
Всего	70	42
Железо и сталь	84	76
Строевой лес	97	79
Кирпич и стекло	62	49

Эти данные ясно показывают, что пока не может быть и речи в САСШ о расширении деятельности в отделе А, так как это должно было проявиться в росте заказов на железо, сталь, строевой лес, кирпичи и стекло. В других странах мы не имеем соответствующих статистических данных, но так как использование производственной мощности производственного аппарата было наибольшим в САСШ, и тенденция к расширению и реорганизации этого аппарата была наиболее сильной здесь же, то можно предполагать, что в других промышленных странах, на которые кризис позже распространился, следует еще меньше ожидать, чтобы толчок к преодолению кризиса исходил из отдела А, чем в САСШ.

Мы, таким образом, приходим, на основании теоретических рассуждений и конкретных данных к выводу, что кризис будет еще долго продолжаться, что он еще не достиг в мировом масштабе своей наибольшей глубины.

Этот вывод имеет огромное политическое значение. Это значит, что происходящее в настоящее время в различных странах превращение экономического кризиса в политический не будет задержано в ближайшее время новым экономическим под'емом. Это вместе с тем означает, что дальнейшие перспективы в решающей степени зависят от того, в какой мере компартиям удастся: 1) углубить успешным руководством экономических боев рабочего класса экономический и политический кризис, и 2) использовать назревающую революционную ситуацию для боев за завоевание власти, за свержение буржуазии.

Мы, таким образом, приходим к вопросу о дальнейшей перспективе развития всеобщего кризиса

капитализма. Удастся пролетариату под руководством компартии свергнуть господство буржуазии в некоторых важнейших странах,— то ход дальнейшего развития ясен и об этом распространяться не приходится.

Мы, однако, можем учесть и другую перспективу, когда капитализму удастся уцелеть после теперешнего экономического и политического кризисов, и буржуазия сможет сохранить свое господство за пределами Советского союза. Как будет развиваться капитализм в этом случае? Ответ и здесь ясен: всеобщий кризис капитализма будет продолжать расширяться и углубляться. Как мы уже указывали, ничего не изменится во всеобщем кризисе капитализма в случае преодоления экономического кризиса, напротив, подобно всякой фазе кризиса, теперешняя фаза значительно приближает капитализм к его историческому концу. Хроническое противоречие между производственной и потребительной силой капиталистического общества; неспособность капитализма расширить рынок сбыта в соответствии с развитием производственной силы; неспособность капитализма обеспечить пролетариат работой и преодолеть хроническую массовую безработицу,— все это останется и обострится после экономического кризиса. Обострение борьбы за сбыт заставит продолжать рационализацию промышленности, что означает дальнейшее увеличение производственной мощности, роста интенсивности труда, увеличение органического состава капитала и уменьшение доли пролетариата в продукте, изготовляемом капиталистическим обществом. Это означает восстановление противоречия между производственной и потребительной силой капиталистического общества на более широкой основе, т. е. дальнейшее обострение всеобщего кризиса капитализма.

Здесь мы должны поставить вопрос о дальнейшем развитии аграрного кризиса, так как обнищание широких масс трудящегося крестьянства вследствие аграрного кризиса является важным элементом сокращения емкости капиталистического рынка сбыта. Мы должны поставить вопрос о том, есть ли надежда на преодоление в ближайшее время аграрного кризиса в рамках капитализма?

На этот вопрос мы можем со всей решительностью дать отрицательный ответ. Подходя с чисто исторической точки зрения, мы должны сказать, что великий европейский аграрный кризис XIX столетия продолжался 20 лет в период поднимающегося капитализма. Совершенно очевидно, что для преодоления теперешнего аграрного кризиса, если это вообще возможно в условиях всеобщего кризиса капитализма, потребовалось бы еще больше времени — несколько десятилетий. При быстром упадке капитализма и развитии пролетарской революции этот период окажется гораздо дольше того исторического периода времени, который вообще, по нашему мнению, еще остается у капиталистического общества.

Если мы далее конкретно присмотримся к путям и методам, при помощи которых был преодолен аграрный кризис в XIX столетии, то мы увидим, что сейчас они неприменимы. Аграрный кризис XIX столетия был преодолен благодаря улучшению методов обработки земли, снижению издержек производства в сельском хозяйстве, связанному с увеличением урожайности; благодаря переходу к возделыванию более интенсивных культур, производству мяса, молока, яиц, овощей, сахара и технических сырых материалов, в особенности в Западной Европе. Эти методы в настоящее время неприменимы для крестьянского хозяйства. Новая техника обработки земли, позволяющая капиталистическим крупным предприятиям сильно снижать производственные расходы (тракторы, комбайны), не пригодна для крестьянства, так как нет достаточно большой посевной площади для использования этих машин распыленными крестьянскими хозяйствами. Что касается перехода к произ-

водству с'естных припасов лучшего качества и технического сырья, то это возможно лишь в период всеобщего под'ема капитализма, когда жизненный уровень широких масс городского населения поднимается, и наблюдается увеличение спроса на с'естные припасы лучшего качества. В теперешний период всеобщего кризиса капитализма с его колоссальной, хронической, массовой безработицей и тенденцией к ухудшению условий жизни рабочего класса, нельзя ожидать разрешения аграрного кризиса от перехода к производству с'естных припасов лучшего качества, как это было в XIX столетии в Западной Европе. Тем менее можно этого ожидать, что конкуренция капиталистических крупных предприятий заокеанских стран начинает все сильнее отражаться на европейском крестьянском хозяйстве и в области продуктов скотоводства. Не может быть поэтому и речи о разрешении аграрного кризиса в условиях господства капитализма. Аграрный кризис может временно смягчаться вследствие неурожая и более сильного спроса на его продукты при лучшей кон'юнктуре, но ни в каком случае он не может быть разрешен. Это, однако, значит, что нельзя ожидать значительного смягчения противоречий между развитием производственной силы капитализма и емкости капиталистического рынка сбыта, благодаря поднятию потребительной силы крестьянства в отношении продуктов капиталистической промышленности.

Дальнейшая перспектива рисуется таким образом в следующем виде:

Всеобщий кризис капитализма будет продолжаться и обостряться, отсюда незначительная высота и глубина поднимающейся волны следующего промышленного цикла, значительная глубина и продолжительность следующих за этим кризиса и депрессии. **Не может быть и речи о наступлении такого продолжительного периода процветания, какой уже был в САСШ в послевоенные годы или наступлении под'ема такой интенсивности, как это наблюдалось в Германии в 1924/1927 гг., если считать, что капитализм уцелеет после теперешнего экономического кризиса. Общий тип развития всего капитализма будет напоминать развитие английского капитализма после войны, длительные и глубокие депрессии, короткие и низкие фазы под'ема. Но задача пролетариата в пролетарской революции — найти революционный выход из кризиса. Право, нет никаких оснований, чтобы откладывать это дело дальше!**

Модест Рубинштейн.

Ликвидация безработицы и проблемы механизации.

(К задачам технической политики в связи с ликвидацией безработицы).

Одним из важнейших экономических и социальных сдвигов 1930 года в Советском союзе является исчезновение безработицы и выявляющийся с все большей резкостью острый недостаток рабочих кадров во всех отраслях народного хозяйства.

Далеко не всеми еще до сих пор осознано до конца все колоссальнейшее значение этого перелома, все его воздействия и отражения в самых разнообразных областях нашей работы и строительства.

Этот сдвиг имеет прежде всего громадное принципиальное значение для оценки общего характера развития советской экономики в начальный период социализма.

Он уже стал первостепенным международным фактором и с каждым месяцем оказывает все большее воздействие на сознание миллионных масс трудящихся всех капиталистических стран. В то время как 25 миллионов рабочих капиталистического мира выброшены из производства, когда надвигающаяся зима грозит увеличить эту армию «лишних» новыми миллионами, «страна без безработицы» становится магнитом, привлекающим сочувствие трудящихся в самых отдаленных уголках мира, заставляющим их задумываться над причинами своего положения и искать выхода на том же единственном пути решительной революционной борьбы с капиталом.

Наконец, этот перелом на «рынке труда» (если только можно применять этот традиционный, но в наших условиях уже неверный термин) практически самым непосредственным образом отражается на всех без исключения отраслях нашего хозяйственного строительства. Он заставляет ставить по-новому, в иных количественных масштабах и качественных соотношениях, ряд задач нашей экономической и технической политики.

Притом этот перелом не только не служит, как это пытаются представить правые, тормозом нашего хозяйственного роста, но как раз наоборот, дает толчок, является стимулом, своего рода «катализатором» еще большего усиления его размаха и ускорения темпов.

На одной из сторон последнего вопроса мы хотим остановиться в данной статье.

Разумеется, не может быть и речи об исчерпании наших рабочих резервов. Об этом могут говорить только оппортунисты. Прежде всего наличные рабочие кадры могут и должны быть использованы в десятки раз лучше и полнее, чем в настоящее время, даже независимо от безграничных возможностей роста энерговооруженности труда, на которых мы остановимся в дальнейшем. С громадными напрасными растратами у нас рабочей силы и времени мы сталкиваемся на каждом шагу. Плохая организация труда, отсутствие разделения и специализации, все еще чрезмерная громоздкость советских аппаратов, заседательская суетня, очереди и т. д. и т. п. ежегодно с'едают без пользы миллионы человеко-дней. Соцсоревнование и

ударничество, встречные промфинпланы, непрерывка—наглядно показывают, какие огромнейшие резервы имеются еще в этой области.

Не менее громадны резервы и возможности вовлечения в производство женского населения, силы которого хищнически растрачиваются в домашней работе с первобытной производительностью.

Наконец, основные резервы рабочей силы все еще скрывает сельское хозяйство.

Достаточно привести следующий, несколько примитивный, отвлекающийся от ряда важнейших моментов, но все же достаточно ярко вскрывающий положение подсчет. В Германии и САСШ, при крайней отсталости сельского хозяйства от промышленности, сельским хозяйством занято в настоящее время менее четверти (около 20%) населения. Этих 20% достаточно, чтобы снабдить сельскохозяйственными продуктами все население, так как ввоз и вывоз с.-х. (вернее, продовольственных) продуктов в этих странах примерно покрывают друг друга. У нас положение является как раз обратным. До сих пор 80% населения занято сельским хозяйством, и все же сельскохозяйственная продукция является совершенно недостаточной, а душевые нормы потребления с.-х. продуктов в 2—3 раза ниже, чем в Германии и САСШ. Этот факт является отражением все еще чрезвычайно низкой производительности труда в нашем сельском хозяйстве.

Он служит показателем того, какие громадные трудовые ресурсы могут быть использованы при резком повышении производительности труда в сельском хозяйстве уже через несколько лет, когда будет осуществлена сплошная коллективизация, когда заработают полным ходом наши тракторные заводы, и механизация сельского хозяйства из отдельных островов станет решающим методом производства основных сельскохозяйственных районов. И тогда это высвобождение рабочей силы из сельского хозяйства ни в коем случае не будет означать нового взлета безработицы, как этим пытались пугать нас Базаров и иже с ним. С одной стороны, одновременно с механизацией будет непрерывно нарастать общий об'ем сельскохозяйственной продукции, пока еще совершенно недостаточный для удовлетворения быстро растущих потребностей. С другой стороны, вместе с социальными и техническими сдвигами сельского хозяйства уже начался и будет нарастать во все ускоряющейся прогрессии под'ем культурного уровня деревни, рост потребностей сельскохозяйственного населения, рост такого размаха, что он потребует глубочайшей перестройки всего облика нашей деревни. Эта перестройка потребует миллионов новых работников. Достаточно, для примера, отметить 2 области—дорожное строительство и культурное обслуживание. Наконец, эти сдвиги будут происходить в условиях еще большего ускорения роста городской промышленности и втягивания в нее новых кадров, несмотря на успехи механизации.

Так или иначе, если от этого б л и з к о г о з а в т р а перейти к с е г о д н я, к насущным задачам особого квартала и 1931 хозяйственного года, мы видим, что все наше хозяйственное строительство находится под знаком нарастающей нехватки рабочих кадров, притом не только квалифицированных, но и необученных. Глупейшей оппортунистической болтовней являются «рассуждения» право-«левого» блока Сырцова — Ломинадзе о том, что нехватка рабочей силы вызвана тем, что рабочие стоят в очередях и занимаются спекуляцией. Наряду с проблемой создания квалифицированных кадров, за разрешение которой партия взялась с большевистской настойчивостью и размахом, уже в ближайшее время перед нами будет стоять с такой же остротой проблема массовой неквалифицированной рабочей силы. Отдельных предвестников такого положения мы имеем уже в настоящее время на ряде участков хозяйственного строительства.

Нехватка рабочей силы становится одной из острейших хозяйственных проблем дня, становится, можно сказать, одним из важнейших «узких мест» нашего строительства. И само собой понятно, правые оппортунисты уже делают, на практике и в теории, попытки равняться по этому узкому месту, попытки на этом основании снижать темпы нашего роста. Как они раньше заявляли, что «нельзя строить из кирпичей будущего», так теперь они твердят, что нельзя строить без рабочей силы, или, в другом варианте, «нельзя строить в кумачевых рубахах». Само собой разумеется, что задача партии и рабочего класса—смести все эти жалкие попытки оппортунистов справа и «слева» затормозить развертывание нашего строительства и направить все силы рабочего класса на преодоление этого узкого места, как мы преодолели и преодолеваем десятки других.

Каковы, в самой беглой наметке, основные пути и методы преодоления этого узкого места?

Эти методы должны быть использованы до конца одновременно, так как каждый из них непосредственно связан с другими, усиливает и укрепляет их.

1-й путь — дальнейшее развитие, расширение и углубление с о ц с о р е в н о в а н и я и у д а р н и ч е с т в а, под'ем его на высшую ступень, основы которой заложены в движении встречного промфинплана. Этот путь позволяет использовать те неистощимые резервы трудового энтузиазма рабочих масс, которые по существу и раньше являлись важнейшей основой наших невиданных для капиталистического мира темпов хозяйственного развития, но которые теперь получают новый размах и подымаются на новую, высшую ступень. Соцсоревнование и ударничество воплощают в небывалом прежде масштабе тот перелом в отношении работников к труду, начало которого было положено самой Октябрьской революцией, когда труд из проклятия, из ненавистной обузы, каким он является при капитализме, становится «делом ч е с т и, делом с л а в ы, делом д о б л е с т и и г е р о й с т в а» (Сталин), когда в плоть и кровь каждого работника входит сознание, что он работает на весь трудовой коллектив, на свое рабочее государство.

2-й п у т ь—в ы я в л е н и е и правильное использование тех громадных т р у д о в ы х р е з е р в о в, которые мы еще имеем, в первую очередь, в области сельского хозяйства, среди женского населения и т. д. Эта задача, как бы в качестве «побочного продукта» (который, как известно, например в химической промышленности, нередко оказывается важнее и ценнее, чем основной продукт), ставит на очередь разрешение ряда проблем величайшей важности, например, проблему планомерной связи промышленного и сельскохозяйственного труда, т.-е. один из важнейших шагов по пути ликвидации противоречий города и деревни.

3-й п у т ь — у л у ч ш е н и е о р г а н и з а ц и и т р у д а, уничтожение или, по крайней мере, максимальное сокращение тех громадных напрасных потерь, своеобразных «растрат» трудовых усилий, которые мы все еще имеем, которые бросаются в глаза на каждом шагу нашей хозяйственной работы. Сюда входит, с одной стороны, р а ц и о н а л и з а ц и я производственных процессов, выявление значительных излишков рабочей силы на предприятиях, с другой, вне производства, борьба за улучшение бытового обслуживания трудящихся, закрытые распределители, организация общественного питания, уничтожение очередей и т. п.

Наконец, 4-й п у т ь, на котором мы остановимся подробнее в настоящей статье, это — у п о р н а м е х а н и з а ц и ю в десятки раз больший, а главное, более планомерный и систематичный, чем до сих пор.

В первую очередь, это относится к механизации тех многочисленных, так называемых т р у д о е м к и х р а б о т, которые охватывают у нас миллионы рабочих, с производительностью труда, немногим отличающейся

от такой же сотни лет тому назад, с варварской, «азиатской» растратой трудовых усилий.

Между тем, мы не можем теперь, при нарастающей нехватке рабочих кадров, примириться с тем фактом, что во всех почти областях хозяйства ряд работ, в особенности же сезонных работ вне заводской обстановки, должны занимать сотни тысяч и миллионы работников с производительностью труда, во много раз уступающей современной западно-европейской и американской.

Основные сельскохозяйственные работы, в особенности уборка урожая, дающая «пик» трудовой нагрузки и большей частью искусственно задерживающая в сельском хозяйстве целые рабочие армии; добыча торфа, угля и руды; строительные работы, в частности земляные работы и дорожное строительство; лесозаготовки; всевозможные погрузочные работы (включая внутризаводской транспорт),—все еще находятся у нас на самой первоначальной ступени механизации. Мало того, многие из них все еще планируются с расчетом на втягивание миллионных масс с минимальной производительностью труда, с величайшим расточением мускульной силы и, как это большей частью неизбежно сопутствует одно другому, с относительно худшими условиями и обстановкой труда.

Основное значение имеет в этом отношении громадная проблема механизации основных сельскохозяйственных работ в производстве зерновых культур в основном в настоящее время разрешаемая трактором и комбайном.

Громадное значение имеет, однако, и другая проблема, все еще остающаяся у нас несколько в тени. Это—задача механизации производства основных технических культур и других отраслей сельского хозяйства (в первую очередь, животноводства), по традиции считающихся особенно «трудоемкими». Эта трудоемкость зачастую возводится в непреложный «природный» закон, что неизбежно ведет к скатыванию в той или иной форме к установкам Кондратьева, Чаянова и других апологетов мелкого интенсивного хозяйства. Достаточно напомнить чаяновский идеал «китайской» обработки каждого отдельного колоса в его книге «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

Ставка на крупное обобществленное хозяйство в области технических культур и животноводства, которая взята партией, неизбежно требует твердого курса на механизацию этих якобы «по природе» трудоемких отраслей.

Так же, как в докладе т. Яковлева, на XVI с'езде ставилась задача искоренить самый термин «потребительские районы», мы должны добиваться того, чтобы представление о неискоренимой «трудоемкости» вышеуказанных отраслей сельского хозяйства исчезло из обихода.

Задачи создания и производства машин для уборки хлопка, освобождающих громадные количества рабочих в районах, особенно резко ощущающих нехватку рабочих кадров, производство машин по первичной обработке льна, конопли и кенафа, кукурузный и соевый комбайны, механизация уборки и сушки сена, использование ряда возможностей механизации животноводческих хозяйств, механизация овощного и огородного хозяйства, фрезерная обработка почвы, мульчирование [1]) и проч.— должны уже в самый ближайший период стать в центре внимания как соответствующих хозяйственных органов, так и широчайших масс рабочих и колхозников. Разрешение этой задачи требует громадной научно-исследовательской работы по

[1]) Покрытие междурядий в пропашных культурах непроницаемыми покровами из асфальтового толя, термогена и пр., по американским опытам значительно повышающее урожайность, резко сокращающее потребность в рабочей силе и позволяющее продвинуть далеко на север ряд южных культур.

совершенно новым непроторенным путям использования американского опыта в масштабах, неизвестных и недоступных в самих САСШ, как капиталистической стране, требует постановки производства ряда новых типов сельскохозяйственных машин и орудий.

Но зато это коренным образом меняет весь рабочий баланс социалистического сельского хозяйства, высвобождает громадные трудовые ресурсы от работ с крайне низкой производительностью ручного труда.

Эти задачи и перспективы в области механизации трудоемких отраслей сельского хозяйства мы отмечаем здесь лишь вскользь, так как вернемся к ним в особой статье.

Те же задачи относятся и к добыче топлива, т.-е. основной базе энергетики страны.

Основное значение имеет, прежде всего, уголь, который, несомненно, является и долго еще будет оставаться важнейшей основой энергетических ресурсов. Основная установка вредителей из «Промпартии», захвативших ряд важнейших командных постов на топливном фронте, состояла во всемерном торможении добычи угля и создании таким путем топливных кризисов. Одним из основных орудий для достижения этой цели служило, по их собственному признанию, всемерное торможение механизации добычи угля и создание в результате этого в Донбассе значительных трудностей в области снабжения рабочей силой, обеспечения ее жилищем, продовольствием, водой и т. д. Несмотря на уроки Шахтинского дела, до последнего времени необходимого перелома в этой области не было достигнуто. В связи с отмеченным выше общим сдвигом на рынке труда, все эти трудности получили новое обострение. Без решительного курса на механизацию мы не имели бы возможностей быстрого выхода из всех этих трудностей. И только после непосредственного вмешательства ЦК, после широчайшей мобилизации горняцких масс, после смены руководства Союзугля произведен крутой перелом в области механизации добычи.

Решениями ЦК поставлена задача довести механизацию добычи в Донбассе в 1931 году до 70%, в Кузбассе—до 40%. Через несколько лет обушок и лопата, десятки лет безраздельно господствовавшие в добыче угля, начнут уходить в область воспоминаний, и их заменят целиком врубовые машины, позволяющие нескольким механикам заменять десятки забойщиков, и пневматические орудия, в несколько раз повышающие производительность труда.

Но механизация непосредственной добычи угля—только часть механизации угольного производства в целом, притом часть, органически связанная и в значительной степени зависимая от механизации других частей. Сюда относятся, с одной стороны, механизация подготовительных работ, с другой,—механизация транспорта под землей. Обе эти области механизации находятся у нас еще в зародышевом состоянии. Для того, чтобы механизация добычи могла дать полную эффективность, вместе с обушком и лопатой должны исчезнуть и традиционные шахтные коняги (не говоря уже о саночниках). Они не в состоянии перевезти те громадные количества угля, которые должны быть добыты по плану и добычу которых обеспечивают врубовые машины и отбойные молотки. Задача производства в широком масштабе и внедрения в шахты электровозов, конвейеров, скрэперов и других форм механизированного транспорта становится не менее важной, чем проблема производства врубовых машин.

Наконец, 3-я очень важная область — это механизация погрузки, пока еще находящаяся у нас совершенно в тени. Значение механической погрузки еще не осознано широкими массами, между тем как именно механизация погрузки, с одной стороны, позволяет заменить гро-

мадные затраты мускульного труда в самых непроизводительных его формах, с другой,—резко меняет весь тип организации труда в шахтах. Механизация этого звена позволяет и в шахте приблизиться к производству «непрерывным потоком». Место индивидуальной, изолированной работы, с полуремесленным типом квалификации занимает коллективно организованный труд фабричного типа. По определению одного американского исследователя, «горняк впервые становится фабричным рабочим». В САСШ ряд крупных шахт организован по типу современных фабрик, где прежние цеховые деления и профессии разбиты, где вся обстановка и тип труда под воздействием механизации радикально изменились.

Темп роста механической погрузки в САСШ является за последние годы громадным, несмотря на ряд величайших препятствий, создаваемых капиталистическими условиями.

Между тем, мы не только не изучили достаточно тщательно этот опыт САСШ, опыт, который есть все основания применить у нас гораздо более планомерно и последовательно, чем в Америке, но даже отдельные кустарные попытки пойти по тому же пути натыкались зачастую на сильнейшее сопротивление и косность.

Например, на шахте им. Володарского рабочим Флуссовым была изобретена погрузочная машина, позволяющая грузить в час 80—90 вагонов, т.-е. количество, требующее при ручной погрузке 5 работников в день [1]. При этом погрузка 100 вагонов, стоившая вручную около 12 рублей, при погрузке машиной обходится в 2 р. 10 к., даже при использовании машины лишь на 1/8 ее производительности. Несмотря на то, что эти факты были подтверждены Союзизобретуглем, машина была встречена администрацией шахты в штыки, и заведующий шахтой заявил: «Жив не буду, но машине этой на шахте не работать».

Всесторонняя механизация всего процесса производства угля, т.-е. проходки, подготовительных работ, непосредственной добычи, транспорта под землей, под'ема и поверхностных работ (сортировки, очистки, механического облагорожения и т. д.), механизация, в которой одно звено неразрывно связано с другими и обусловливает возможность полного выявления их эффективности, — стала настоятельнейшей задачей ближайших лет. Она позволит, несмотря на громадные темпы роста добычи, значительно ограничить потребность в новой рабочей силе, создать постоянные кадры рабочих, во всей широте поставить задачу резкого перелома бытовой обстановки, всего облика труда и жизни этих кадров, добывающих под землей источники света, тепла и двигательной силы для всей страны.

То же относится к добыче подмосковного угля, проводившейся до самого последнего времени без всякого намека на механизацию. Между тем германский опыт показывает, что добыча бурых углей может быть механизирована в еще бо̀льшей степени, с еще бо̀льшим ростом производительности труда, чем добыча каменного угля (вследствие неглубокого залегания бурых углей и ряда других причин).

Наконец, громадное значение для ряда важнейших областей нашего Союза имеет вопрос о механизации добычи торфа.

Как известно, Рамзин и К° вели в течение ряда лет упорную и настойчивую работу против расширения добычи торфа и других местных топлив. Они исходили при этом как из основной своей задачи—усиления топливных трудностей, так и из прямого стратегического задания интервентов, имевших целью установить зависимость всей энергетической базы

[1] См. «Новая техника» от 28/IX.

Центральной промышленной области и Ленинграда от тонкой ниточки железнодорожных путей.

Этому курсу вредителей на ограничение добычи торфа, несмотря на категорические, не оставляющие никаких сомнений указания Ленина, фактически подпевали многие коммунисты.

Еще в большей степени, чем в области угля, максимальное расширение добычи торфа, в особенности после перелома 1930 г. на рынке труда, невозможно без всесторонней механизации этой добычи.

Уже устаревшие, в настоящее время совершенно недостаточные планы роста добычи торфа предусматривали втягивание в торфоразработки армии в 600.000 рабочих. Это втягивание должно было происходить на относительно короткий сезон, притом сезон, совпадающий с «пиком» нагрузки сельскохозяйственных работ. Ясно, какие трудности ставит эта задача в предстоящий период, задача, требующая кроме того громадного масштаба жилищного и прочего вспомогательного строительства с крайне низкой степенью использования. Уже в истекшем 1929/30 году трудности в снабжении рабочей силой были одной из основных причин серьезного прорыва в добыче торфа (недовыполнение плана на 25%), а план на 1931 г. фактически увеличивается вдвое.

Правые оппортунисты на практике делают из этого вывод о необходимости сокращения планов добычи. Между тем, единственный вывод и в этой области должен состоять в решительном упоре на механизацию, в том, чтобы разрешить эту задачу механизации с большевистским размахом и настойчивостью и этим обеспечить не сокращение, а значительное расширение планов. Известно, какое внимание уделял Ильич первым опытам гидроторфа. В настоящее время мы имеем методы еще более совершенные и производительные, чем гидроторф. Сюда относится в первую очередь фрезерный метод, и не случайно, что топливные вредители напрягали все силы, чтобы отвлечь внимание от этого метода. Фрезерный способ дает продукцию на работника в 3—4 раза больше, чем старый элеваторный, и в то же время чрезвычайно облегчает труд работников.

Наметки Госплана в материалах к 5-летнему плану сохраняли к концу пятилетки, т.-е. в 1932/33 г., 50% добычи за элеваторным способом, который требует громадного количества работников и ни в коей мере не разрешает задач массовой механизированной добычи. Гидроторфу отводилось в этих наметках на 1932/33 г. 18,7% добычи, а фрезерному—только 3,7%. Совершенно ясно, что эти наметки должны быть коренным образом пересмотрены. Те препятствия, которые имеются на пути использования фрезерного торфа в широких масштабах (трудности хранения, неразработанность методов сжигания и др.), должны и могут быть преодолены, если развернутым фронтом взяться за их преодоление, а не разняться по «узким местам».

Наряду с механизацией непосредственной добычи на торфоразработках имеет первостепенное значение механизация транспортных и погрузочных работ, вытесняющих мускульный труд в самых непроизводительных его формах—совершенно неквалифицированный, грязный, тяжелый труд на болотах. Канатные транспортеры и формующие гусеницы могут заменить тысячи торфяниц и «бегунков», вывозящих на себе груз торфа по болотам, где вязнет лошадь. Планомерная механизация этих работ не только позволяет отказаться от «относительного увеличения числа торфяниц», планировавшегося вредителями, но и осуществить глубочайшие сдвиги в составе и квалификации рабочей силы на торфоразработках. Вместо все более и более трудной вербовки сотен тысяч неквалифицированных рабочих из деревни как раз на период самых напряженных сельскохозяйственных работ, стоит задача подготовки нескольких тысяч подученных рабочих-механиков.

Вместе с продлением и уплотнением сезона (особенно при осуществлении механизации сушки, дающей громадное сокращение ее сроков) механизация совершенно переворачивает все формы организации производства, всю обстановку торфоразработок, а вместе с тем обеспечивает сдвиги себестоимости торфа, на которой пытались основываться вредители, исходя не из динамики торфяной техники, а из расчетов при добыче устарелыми машинами, при неправильном соотношении ж.-д. тарифов на перевозку торфа и угля и т. д. Для обеспечения механизации торфоразработок необходимо выделение и специализация нескольких заводов на производство торфяных машин, которые производились до сих пор случайно на неприспособленных предприятиях (а ряд машин и вовсе не производился). Между тем эта насущнейшая задача зачастую натыкалась до сих пор на сильнейшее сопротивление, косность, бюрократические задержки.

Если поставить задачу механизации торфодобычи с таким же напором и решительностью, как в добыче угля, мы в ближайшие же годы получим устойчивую энергетическую основу Ленинградской, Московской, Ивановской областей, Нижегородского края, ряда районов Урала и пр.

Себестоимость торфа в ряде районов сравняется с самыми дешевыми видами топлива. Выработанные торфяные болота не только создадут оздоровление громадных пространств, но и превратят их в ценнейшие сельскохозяйственные (луговые) земли. Наконец, они создадут возможность использования в широком масштабе побочных продуктов торфа (химическая переработка, строительные материалы, торфяной кокс и пр.), встречавшего до сих пор упорное сопротивление вредителей.

В нефтяной промышленности, несмотря на широко проведенную за последние годы механизацию добычи и замену штангового бурения вращательным, впереди еще громадные возможности механизации. Широкое применение турбобура инж. Капелюшникова, автоматического бурильного станка, изобретенного рабочим Скворцовым и пр. могут обеспечить значительное расширение бурения, добычи и разведок с меньшим количеством рабочей силы и значительным изменением типа труда.

Одной из чрезвычайно «трудоемких» отраслей хозяйства являются лесозаготовки. Одни лишь дровозаготовки требуют у нас в настоящее время 226 млн. человеко-дней в год плюс миллион лошадей в сезон вывозки. Пила и топор господствуют на лесозаготовках почти столь же безраздельно, как и сотни лет тому назад. Производительность труда работника здесь в 7 раз ниже, чем на лесозаготовках САСШ и Канады.

В результате, эта очень важная отрасль народного хозяйства зависит целиком от крайне ненадежной рабочей базы, от прилива неорганизованной крестьянской массы.

Попытки создания постоянного кадра лесных рабочих, кадра, требующего сотен тысяч человек, крайне осложняются необходимостью широкого жилищного строительства.

Основной выход и в лесозаготовках — механизация.

Процесс валки дерева и очистки от сучьев, технически наиболее отсталый, требует около 50% всех рабочих на лесозаготовках, между тем, переносные моторные пилы дают возможность заменить около половины пильщиков, в то же время чрезвычайно облегчая труд и ускоряя процесс пиления в 6 раз. Рационализация методов дровозаготовок и простейшая механизация позволяют в несколько раз сократить громадные армии работников.

Транспорт лесоматериалов, поглощающий в настоящее время большую часть остальных 50% рабочей силы, может занять во много раз меньше рабочих при использовании тракторов, ледяных колей, подвесных дорог и т. д.

Между тем, до самого последнего времени машина и трактор пробивали себе дорогу на лесозаготовки лишь случайно, неорганизованно, при значительном сопротивлении части руководства лесных трестов и бывшего руководителя лесной секции Госплана—вредителя Майера.

Планомерно проведенная механизация лесоразработок, технически вовсе несложная, высвобождает громадные трудовые ресурсы.

Громадное поле для механизации все еще представляет строительное производство. Размах нашего строительства уже теперь настолько громаден, что он втягивает в разгар сезона миллионы работников. Минувшим летом со всех строительств шли тревожные сигналы об острой нехватке рабочей силы.

На отдельных строительствах (Днепрострой, Магнитогорск и др.) мы имели уже опыт широкого применения механизмов. В соединении с мощным под'емом ударничества и соцсоревнования это позволило в отдельных случаях превзойти даже американские темпы.

Но, в общем, наше строительство механизировано еще в крайне слабой степени и затрачивает громадные количества неквалифицированной мускульной рабочей силы с крайне низкой производительностью. Средняя производительность труда строителя-сезонника в 2—3 раза ниже западно-европейской.

Строительное производство переживает в настоящее время полосу глубоких технических сдвигов. Изменение строительных материалов; заводский метод организации работ; непосредственное перенесение значительной части работы на заводы, изготовляющие стандартизированные части, собираемые на месте постройки; наконец, всесторонняя механизация при помощи электрической энергии и сжатого воздуха; применение экскаваторов, компрессоров, бетономешалок (а на крупных строительствах специальных бетонных заводов), кранов и переносных конвейеров, камнетесных машин, пневматических «пушек» для штукатурки и окраски и т .д., — весь этот поток разнообразнейших изобретений и усовершенствований совершенно меняет методы организации труда на стройках, ведет к резкому сокращению числа необходимых рабочих, к замене квалифицированных рабочих ремесленного типа и неквалифицированных мускульных подученными работниками «фабричного» типа. Механизация и заводский метод организации работ резко ускоряют темпы строительства. Вместе с новыми методами зимней бетонировки они обеспечивают возможность строительства круглый год, равномерной нагрузки рабочей силы, создания постоянных кадров строительных рабочих. Наконец, целый ряд крупных строительных работ без широкой механизации вообще не мог бы быть осуществлен.

Несмотря на примеры отдельных рекордных достижений, мы должны признать, что в области механизации строительства делаем лишь самые первые шаги.

Мало того. Несмотря на всю грандиозность уже начатых и начинаемых в самом близком будущем строительств, несмотря на то, что наши вложения в капитальное строительство за 1930 г. уже догнали годовые вложения САСШ, мы все еще не поставили во всей широте задачу специализации нескольких крупных предприятий на массовом производстве машин и оборудования для механизации строительства. Мы все еще ввозим из-за границы строительные машины, вовсе не являющиеся особенно сложными, но настолько выгодные, что затраты на них при правильном использовании окупаются в один сезон.

Степень использования имеющихся механизмов все еще крайне низка, значительно уступая германской, тогда

как размах и характер нашего строительства дают возможность быстро обогнать в этом отношении все капиталистические страны. Перелом на этом фронте обеспечивает возможность, несмотря на неуклонно нарастающее развертывание об'ема строительства, в несколько раз сократить относительную потребность в рабочей силе и коренным образом изменить тип труда и характер организации строительных работ.

То же относится к дорожному строительству, гигантское значение которого, в особенности для коллективизированной деревни, все еще не осознано у нас широкими массами в достаточной степени. Даже нынешние, совершенно недостаточные планы дорожного строительства на ближайшие годы потребовали бы при господствующих в настоящее время примитивных методах строительства миллионов работников. Быстрое разрешение проблемы дорожного строительства во всем ее грандиозном масштабе невозможно без решительного курса на механизацию. И здесь необходима специализация ряда заводов на производстве дорожных машин, вовсе не сложных и настолько выгодных, что даже теперь километр грунтовых дорог при ручной работе обходится в 4—5 раз дороже, чем при механизированной.

Недостаток места не позволяет нам останавливаться на других отраслях хозяйства. В любом производстве мы натолкнемся на такие же примеры. На каждом нашем заводе, очень часто даже на вновь выстроенных предприятиях, рядом с новейшими машинами мы натыкаемся на чисто мускульные работы, выполняемые так же и с такой же производительностью, как десятки лет тому назад. В особенности это относится ко всем видам внутризаводского транспорта. Эти работы стали «узким местом», мешающим нашему росту как вследствие того, что они не могут обеспечить хотя бы приближения к непрерывному потоку и действительно массового производства, так и потому, что с переломом на «рынке труда» замещение работников на этих работах становится все более затруднительным.

Это «узкое место» мы должны преодолеть и можем преодолеть, даже опираясь на уже достигнутый уровень развития производительных сил. Механизация трудоемких неквалифицированных работ из отвлеченной цели стала экономической необходимостью и, вместе с тем, реальной возможностью.

Необходимо лишь сосредоточить на этой задаче внимание партии и рабочих масс, мобилизовать для ее разрешения неисчерпаемые силы ударничества и соцсоревнования, дать соответствующие ясные задания плановым и хозяйственным органам, научно-техническим институтам и машиностроительным заводам.

Один американский инженер произвел подробные подсчеты стоимости неквалифицированной мускульной работы и работы механизмами в ряде областей хозяйства. Он пришел к выводу, что уже на нынешней стадии технического развития механизация обходится в несколько раз дешевле, и работник в качестве живого двигателя не может выдержать никакой конкуренции с механизмом. Этот инженер выставил лозунг—«мускульный труд—не работа для человека, это—дело машины». Капитализм, однако, не может широко провести в жизнь этот лозунг, несмотря на все успехи техники. Противоречия современного капитализма на каждом шагу воздвигают новые препятствия для его осуществления. Только социализм, выковывая новую технику на основе новых производственных отношений, сможет полностью осуществить эту задачу. Ее разрешение будет зависеть от широчайшего развития электрификации, от технической перестройки коллективизированного сельского хозяйства, от осуществления ряда научно-исследовательских и производственных задач.

Но уже и в настоящее время, когда мы только вступили в период социализма, несмотря на громадные трудности и препятствия, мы можем и

должны сделать ряд решительных шагов по этому пути. Этого требует уже самый размах нашего хозяйственного роста, нашего промышленного, транспортного и жилищного строительства.

* * *

Уже в контрольных цифрах 1931 года должен быть дан упор на механизацию во всех основных трудоемких отраслях народного хозяйства. Он должен отразиться не только в цифрах, но и в четком техно-экономическом анализе, во всей установке технической политики. При пересмотре отдельных частей пятилетки, уже опереженных темпами нашего строительства, а особенно при разработке новой пятилетки на 1933—1937 гг. и первых наметок генерального плана, этот упор на механизацию, вплоть до ее высшей ступени—автоматизма, должен получить развернутое воплощение.

Этот упор на механизацию требует решения следующих задач:

1-я — осуществление глубокого сдвига в области энергетики. Энергетика, особенно в ее высшей форме — электрификации, должна стать действительно ведущим звеном нашего социалистического строительства, а не отстающим, тормозящим темпы хозяйственного развития и, в частности, темпы механизации, как это часто бывало до сих пор. Достаточно отметить, что выполнение плана ГОЭЛРО в основной, стержневой его части — электрификации, значительно отставало от общих темпов хозяйственного роста, и в связи с этим электроснабжение всех основных промышленных районов создавало громадные трудности и напряженность их энергетической базы. И хотя по некоторым важнейшим техническим показателям электрификации [1]) (коэффициент электрификации промышленности, удельный расход топлива на квч., степень нагрузки станций и т. д.), мы уже вплотную подошли к уровню передовых капиталистических стран, а частью даже обогнали его; хотя темпы развития нашей электрификации являются беспримерными в истории всех других стран,—все же рост показателей энерго-вооруженности за последние годы отставал от роста продукции промышленности [2]).

Это отставание, каковы бы ни были многочисленные об'ективные причины, свидетельствует о недостаточности нашего внимания к вопросам строительства электростанций; так как мы знаем по опыту, что, если поставить задачу в центре внимания партии, если мобилизовать для ее разрешения рабочие массы,—все об'ективные препятствия и трудности становятся преодолимыми в кратчайшие сроки.

Необходимо отметить, что в этой области особенно настойчиво пытались орудовать вредители. Линия вредителей в области энергетики, пытавшихся ударом по этому важнейшему звену сорвать план социалистического строительства, была проникнута двойной бухгалтерией. Например, проводя, с одной стороны, упорную борьбу против всемерного расширения добычи местных топлив, саботируя указания Ленина о максимальном развитии научно-исследовательских работ в этой области, доказывая статистическими упражнениями, что «везти энергию на колесах дешевле, чем по проводам», они делали ставку на полнейшую зависимость всей энергетики центральных

[1]) См. интересные материалы по этому вопросу в очерках т. Вейца «Динамика энергетического перевооружения СССР и капиталистических стран». «Проблемы экономики» №№ 4—5 и 7.

[2]) Расстояние, отделяющее нас от передовых капиталистических стран в области производства электрической энергии, все еще очень велико; например, по данным 1927 г. производство электроэнергии на душу населения составляло: в СССР — 27 квч., в Германии — 326, в Соед. Шт. — 667 квч., в Канаде — 1.200 квч., в Норвегии—2.850 квч.

промышленных районов от Донбасса и Баку, надеясь, что в случае интервенции удастся прервать ж.-д. связь с Югом и этим вызвать энергетический кризис. В то же время они другой рукой всячески тормозили развитие Донбасса, пытались создать там электрический, жилищный и продовольственный кризисы, растягивали на много лет постройку электрических станций в Донбассе и т. п.

Этим же путем они пытались создать кризис металлургии и химической промышленности, необходимых для обороны страны, вели линию на сжигание в топках высококачественных сортов донецкого топлива — исходных материалов для кокса и ряда химических продуктов. Точно так же они пытались провести курс на сжигание в топках парафинистой нефти, ценнейшего химического сырья. Как иронически замечал на всесоюзной топливной конференции один из вредителей — Коган-Бернштейн — «химические процессы вредны для здоровья».

Развитие химизации, так же как и механизации, в значительной степени упирается в энергетику.

Здесь не заколдованный круг, как это пытались представить и как этого пытались добиться вредители, а тесная диалектическая связь и взаимозависимость, позволяющая на основе сосредоточения сил рабочего класса на ведущих звеньях добиться планомерного под'ема на новую ступень всего хозяйства.

2-й важнейшей задачей для максимального проведения механизации трудоемких отраслей хозяйства является осуществление намеченного партией перелома в области производства средств производства, в первую очередь — металла и машиностроения. Не останавливаясь на задачах в области металлургии, подробно освещавшихся в «Большевике», отметим, что в области машиностроения необходимо, прежде всего, окончательно ликвидировать положение, когда ряд машиностроительных заводов все еще не имеет точной и ясной установки, когда их программы, проекты переоборудования и рационализации меняются по нескольку раз в год. По существу, у нас до сих пор еще нет плана четкой специализации машиностроительных заводов и ряд типов машин и орудий, имеющих величайшее значение для осуществления механизации, вовсе не имеют еще постоянной производственной базы и производятся от случая к случаю на заводах, не приспособленных к их производству и не предполагающих специализироваться на этих изделиях в дальнейшем. Материалы бригад ЦК, обследовавших наши машиностроительные заводы, дают яркие примеры, иллюстрирующие это положение, при чем особенно показательным является в этом отношении состояние наших машиностроительных гигантов (Сормово, Коломенский завод, «Красный Профинтерн» и др.).

Упор на механизацию требует четкой специализации всех машиностроительных заводов, постройки ряда предприятий для производства новых типов специальных машин, соединения массового производства и стандартизации с напряженной конструкторской работой, позволяющей быстро осваивать последние достижения американской техники и в то же время вести самостоятельную изобретательскую работу, создавать новые типы машин, соответственно нашим, другим чем в Америке, условиям, иному характеру и заданиям нашей механизации.

В связи с этим, третьим необходимым условием для осуществления упора на механизацию является осуществление глубокого сдвига во всей постановке нашей научно-технической работы, ряд важнейших отраслей которой находился до сих пор под значительным воздействием вредителей из «Промпартии» и ускользал от рабочего контроля. Научно-исследовательская работа должна, по социальным заданиям рабочего класса, вести технический прогресс, а не плестись в его хвосте.

Научно-технические институты и лаборатории должны стать подлинными «фабриками изобретений», коллективно разрабатывающими ту или иную назревшую проблему.

Они должны и могут давать изобретения «по заказу» и в то же время изобретать «непрерывным потоком», как это делают уже отдельные исследовательские лаборатории в САСШ и Германии.

У нас есть все основания, чтобы развить эти зародыши изобретательства нового типа во много раз и использовать их неизмеримо полнее и планомернее, чем при капитализме.

В эту работу должны быть втянуты миллионные массы ударников, включены встречные промфинпланы. Мобилизацией рабочих масс вокруг этих вопросов должна быть пресечена самая возможность таких фактов, какие, например, выявил недавний процесс в Свердловске, где руководство Уралмета ухитрилось похоронить тысячи ценнейших рабочих предложений.

Совершенно неиссякаемые резервы рабочего изобретательства, безымянной, коллективной рабочей сметки нами, по существу, еще почти не затронуты. А они должны сыграть громадную роль в осуществлении механизации трудоемких отраслей хозяйства.

Четвертой задачей, встающей в новом свете в связи с изменением положения на рынке труда и упором на механизацию, является проблема кадров.

Помимо общей стороны этой проблемы, широко освещавшейся в нашей печати, упор на механизацию требует также существенной переподготовки наших наличных хозяйственных кадров.

В частности, необходим поворот внимания наших партийных кадров в сторону вопросов технической политики. Дело «Промпартии» ярко показывает, как недостаточно было уделено нашего внимания этим вопросам, как иногда удавалось матерым контрреволюционерам-вредителям запутывать и направлять по ложному пути отдельных коммунистов-хозяйственников в вопросах, имеющих первостепенное значение для успешного развития социалистического строительства и обороноспособности страны.

Основные кадры наших экономистов-марксистов зачастую совершенно невежественны в важнейших вопросах технической политики. У нас есть целый слой экономистов, которые знают на зубок и могут привести в любой момент любую цитату из Маркса, и в то же время, с одной стороны, совершенно не владеют действенной диалектикой марксизма-ленинизма, с другой, — не имеют никаких конкретных знаний — не знают нашей страны, ее природных ресурсов и возможностей, не знают стран, которые мы должны «догнать и перегнать», не имеют самого элементарного представления о важнейших технологических процессах (даже тех, которые окружают их на каждом шагу в современном большом городе, которые с каждым годом будут во все больших масштабах проникать и в деревню), совершенно не знают об основных тенденциях современной техники, формах организации труда и т. д.

Немудрено, что, когда им приходится так или иначе соприкасаться с конкретными вопросами хозяйственного строительства, они нередко, сами того не замечая, штампуют отдельные технические установки и планы вредителей, импонирующих своим действительным или мнимым «научным» авторитетом.

Необходима, если можно так выразиться, «политехнизация» не только школы, но и партийных кадров, и в первую очередь марксистская техническая подготовка наших хозяйственников и экономистов.

Довольно значительный слой наших квалифицированнейших экономистов-марксистов, как известно, годы занимался талмудическими словопрениями и растратой бумаги в пресловутой «рубинской» дискуссии. Мы должны констатировать, что, несмотря на более чем ясные указания ЦК, перелом в этой области еще далеко не завершен. Пережитки этой злосчастной дискуссии, соответствующий круг интересов все еще довлеют над рядом товарищей, силы которых могли бы быть использованы на разработке жгучих злободневных вопросов советской экономики. Одним из мероприятий, необходимых для осуществления перелома, должно быть резкое усиление внимания, интереса и упорного овладения знаниями в пограничных областях экономики и техники. Известно, какое внимание уделяли вопросам технического развития Маркс, Энгельс и Ленин. Ленин еще в 1901 году писал: «Экономист должен всегда смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо, кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может».

Между тем теперь, когда положения Ленина мы на каждом шагу претворяем в жизнь, когда рабочий класс впервые в истории человечества овладел рычагами, направляющими ход производства, лишь очень немногие из наших экономистов серьезно занимаются (вернее, пытаются заниматься, так как большей частью не имеют для этого возможности и времени) вопросами о направлении технического прогресса, о тенденциях технического развития, тенденциях, на которые мы можем теперь непосредственно воздействовать.

Мы считаем, что было бы крайне полезно частями провести наши кадры экономистов через втузы или специальные курсы, организованные при втузах,—дающие хотя бы основную техническую подготовку.

В связи с этим — одно замечание о высшем техническом образовании. Наши технические вузы в этом году завершили переход в хозяйственные об'единения и провели резкую специализацию. Это абсолютно правильное мероприятие, обеспечивающее тот размах подготовки технических специалистов, который мы должны взять, чтобы обеспечить кадрами новые задачи социалистического строительства. Законченная специализация абсолютно необходима для практического овладения новой техникой.

Но, как известно, в современной технике максимальная специализация производственных процессов (совершенно иная чем в мануфактуре, остатки воздействия которой все еще сохраняются в ряде отсталых производств и предприятий) дополняется их интеграцией, об'единением на новой ступени и в новых формах (особенно ярко выраженной в предприятиях с непрерывным потоком). Точно так же и специализация высших технических кадров должна дополняться выработкой хотя бы небольшого кадра инженеров, соединяющих основательные технические знания с более широким охватом разных областей техники, с марксистским пониманием общих тенденций технического развития во всей их диалектической сложности и, зачастую, противоречивости.

Потребность в таких кадрах уже теперь с чрезвычайной остротой ощущается во всех областях практической плановой и хозяйственной работы, а также и в области теоретической разработки проблем советской экономики.

Вопрос о том, как организационно осуществить эту задачу — путем ли создания особой «Технической академии», специального Института красной профессуры, или И-та в системе Комакадемии на основе существующей секции техники — подлежит особому обсуждению, но так или иначе этот шаг должен быть сделан.

Раскрытие широко задуманного вредительства в области технической политики наемников иностранного империализма делает эту задачу особенно насущной.

Ведь мы ни на минуту не должны забывать, что Рамзину и К° удавалось оказывать значительное вредительство в работе отдельных звеньев наших плановых и хозяйственных аппаратов именно вследствие почти полного отсутствия наших кадров соответствующей квалификации.

Ведь нередко наши плановые и хозяйственные органы сами делали из отдельных вредителей «научные авторитеты», которыми те на деле вовсе и не являлись, окружали их атмосферой полнейшего доверия и поддержки, делавшей крайне затруднительными попытки критического разбора вредительских установок в области техники.

С другой стороны, раскрытие заговора «Промпартии», показавшее возможность, несмотря на все планы и действия вредителей, добиться невиданных темпов хозяйственного роста, легко может вызвать у отдельных отсталых прослоек рабочего класса настроения спецеедства, своеобразно преломляющиеся и среди отдельных хозяйственников и инженеров-коммунистов в виде своего рода «зазнайства», против которого так предостерегал Ильич.

Овладевать техническими знаниями, детально и добросовестно их изучая и в то же время соединяя это изучение с всегда живым, действенным, смотрящим вперед методом анализа Маркса и Ленина,—такова громадная задача наших растущих кадров руководителей промышленности и неразрывно связанных с ними масс ударников, с такой самоотверженностью строящих свое производство.

На этом пути мы сможем не только догнать передовые капиталистические страны Запада, но и в самом процессе этого «догона» создать основы новой техники, сделать работника не «роботом» жуткой капиталистической утопии, не придатком машины, а ее господином.

Ленин еще в 1914 году, анализируя следствия перехода средств производства в собственность общества, считал основными из этих следствий— «громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом» [1]). В настоящее время эти положения Ленина претворяются в жизнь в СССР в громадных масштабах.

Американский экономист Стюарт Чэйз заканчивает свою полную безысходной безнадежности книгу «Машины и люди» риторическим вопросом о том, где найдутся смелые юноши, способные обуздать миллиард лошадиных сил механической энергии, сил, которые ему кажутся дикими взбесившимися лошадьми, вырвавшимися из власти капиталистического общества.

Советский союз имеет миллионы юношей и девушек, строящих социализм, сметая все препятствия, преодолевая все трудности,—овладевающих силами природы, чтобы при помощи механизмов сделать человеческий труд разумным, планомерным трудом коллектива.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, 2 изд, стр. 25.

Л. Черняк и А. Дынкин.

В борьбе за советскую турбину*).

Ленинградский Металлический завод-втуз им. Сталина крупного котло-турбостроения—пока еще единственный завод в Советском союзе, строящий паровые турбины, обеспечивающий план электрификации страны своими советскими турбинами. Завод в области паротурбостроения имеет большие качественные и количественные успехи и окончательно сейчас перешел на мощное паротурбостроение. В 1929/30 году завод впервые в Советском союзе выпустил 4 мощных паротурбины по 24.000 кв. каждую, одна из коих в Ленинграде на 2-й ГЭС уже пущена в эксплоатацию, при чем качество наших машин не уступает заграничным, а зачастую и лучше их. Завод строит мощные гидротурбины, выпустив в 1930 году для Рионгэса две мощных гидротурбины в 17.000 лош. сил каждая. Кроме этого, завод производит самые мощные в Союзе котлы в полторы тысячи кв. метров площади нагрева с 35 атм. давления, и приступает к постройке котлов в 2½ тысячи кв. метров площади нагрева, давлением 60—80 и до 100 атмосфер.

Завод из года в год растет и увеличивает выпуск своей продукции. Так, если в 1927/28 году завод выпустил 35 тыс. кв. турбин, в 1928/29 в 100 тыс. кв. турбин, то на 1929/30 год программа для завода с 185 тыс. кв. была увеличена до 200 тыс. кв.

С величайшим напряжением, мобилизуя активность всех рабочих, завод справился с поставленной перед ним задачей. Промфинплан завод перевыполнил, выпустив валовой продукции на 103,5%, при чем турбин выпустил 210 тыс. кв. и программу по гидротурбостроению перевыполнил на 80%.

Как уже было указано выше, завод с большим напряжением выполнял промфинплан 1929/30 года, имея в течение года три прорыва, грозившие срывом промфинплана. Уже первый квартал 1929/30 года (октябрь—декабрь) имел большой прорыв, выразившийся в выполнении промфинплана квартала только в 81%. Какие причины создали этот прорыв? Первая и основная причина — это имевшееся на заводе, и в частности в турбинном цехе, вредительство. С целью затормозить советское социалистическое турбостроение, вредители в течение целого ряда лет путем составления неверных программ, создания бесплановости в цехе, введением в производство разнотипных и разномощных машин не использовали колоссальной возможности увеличения производства, не использовали резервы хорошо оборудованного завода, тем самым срывая советское турбостроение, отдаляли срок освобождения нашей страны от иностранной зависимости.

---

*) Помещая вторую статью из опыта борьбы за промфинплан (см. ст т. Гайдуля о заводе «Серп и Молот» в № 19—20 «Большевика»), редакция просит все партийные организации крупных предприятий и строительств поделиться своим опытом реализации обращения ЦК от 3/IX.

Имея такое вредительское техническое руководство, завод начал выполнять промфинплан 1929/30 года при наличии явно вредительской программы в области планирования и снабжения. Программа была распланирована так, что вся тяжесть выполнения промфинплана ложилась на последние месяцы года, при незначительной программе в первых кварталах, при чем и эта незначительная программа не была обеспечена снабжением для выполнения ее в срок. В области снабжения было распланировано так, что приходили детали, требуемые на последние машины, зато не было комплектов деталей для первых машин. Все это, происходившее в обстановке зажима молодых специалистов, недопущения новых молодых специалистов в мастерские, на производство, при беспорядочно, хаотически поставленном внутрицеховом планировании, при наличии вредителей, использовавших свое служебное положение, создавало не только опасность срыва промфинплана 1929/30 года, но и угрозу заторможения советского турбостроения на целый ряд лет.

Вредителей раскрыли. Прорыв I квартала был первым тревожным сигналом на заводе. На долю рабочих и лучшей части инженерно-технического персонала завода пала большая, сложная и ответственнейшая задача, это— не только ликвидировать последствия вредительства, могущие затормозить дальнейшее развитие турбостроения, но и одновременно, в тяжелых условиях, выполнить план в 200 тыс. кв. турбин. Заводским организациям нужно было максимально поднять активность рабочих и инженерно-технического персонала на выполнение промфинплана, и заводские организации решительно и по-большевистски взялись за это дело, поставив себе задачей не только выполнить, но и перевыполнить промфинплан 1929/30 года. Эта работа проходила в обстановке борьбы за генеральную линию партии, против правых оппортунистов и остатков контрреволюционного троцкизма, пытавшихся свернуть высокие темпы социалистической стройки.

Коммунары завода им. Сталина твердо боролись за генеральную линию партии, за ленинский ЦК, давая резкий отпор оппортунистам всех мастей и борясь у себя на заводе против конкретных носителей правого уклона на практике, против людей, боящихся темпов, не верящих в возможность выполнения программы и не умеющих по-большевистски бороться за ее выполнение.

За неспособность и неумение взять большевистские темпы, за неумение мобилизовать массы на выполнение промфинплана были переизбраны заводской комитет, цеховой комитет турбинной мастерской и ряд комитетов других цехов. Были выбраны товарищи, могущие в такой сложной обстановке справиться с стоящими перед заводом задачами.

Вопрос о прорыве на заводе и мероприятия по его изживанию были обсуждены на партийном комитете, пленумах партийных ячеек, производсовещаниях и общецеховых рабочих собраниях. Была развернута широкая массовая, агитационно-раз'яснительная работа, ставящая себе задачей вовлечь в обсуждение мероприятий по ликвидации прорыва, втянуть в ударную работу всех рабочих завода, для чего проводились беседы о положении мастерской в связи с прорывом, о способах изжития прорыва, об усилении рационализаторской работы, о вовлечении в ударные бригады, о вовлечении в партию лучшей части рабочих и т. д. Собирались совещания старых рабочих завода, совещания рабочих на тех участках, где создавались узкие места, совещания изобретателей и рационализаторов и принимался целый ряд других мероприятий.

В результате этого и в ответ на вредительство мы имели на заводе небывалый под'ем активности рабочих, 80% рабочих приняли участие в ударных бригадах, значительно поднялась производительность труда и таким образом был ликвидирован первый прорыв. В результате этого под'ема рабочие дали заводу 1.500 рационализаторских предложений, экономивших

3.500.000 руб. Партийная организация, поднявшая на такую высоту активность рабочих, сумела направить ее на ликвидацию прорыва и пополнить свои ряды лучшими кадрами старых рабочих завода. Этот под'ем рабочих по ликвидации прорыва сопровождался небывалым ростом партийной организации на заводе. В эти дни было подано 604 заявления о приеме в партию со стороны лучшей части старых квалифицированных рабочих и, что самое важное, была затронута масса старых рабочих, десятки лет проработавших на Металлическом заводе им. Сталина.

Имевшиеся на заводе еще прорывы по выполнению производственной программы 1929/30 года явились результатом отголосков имевшегося на заводе вредительства и никуда негодного снабжения завода поковками и отливками кооперированных заводов. Сроки доставок этих материалов на завод намного запаздывали, что не давало возможности нормально работать и приводило к тому, что месяцами из-за некомплектного снабжения мастерские работали с малым выпуском и максимально увеличивали выпуск в момент получения снабжения, что проходило в исключительно напряженной обстановке. Положение дела со снабжением каждый день грозило срывом промфинплана. Поэтому особое внимание в работе организаций завода в борьбе за промфинплан уделялось снабжению, для чего принимался целый ряд мероприятий, способствующих более или менее нормальному снабжению завода.

Особую роль в деле снабжения завода играли организованные рабочие бригады, в особенности комсомольские бригады по снабжению. Можно смело сказать, что только благодаря наличию этих бригад завод смог снабжаться и тем самым выполнить программу. Это явилось следствием того, что имеющийся в заводоуправлении отдел снабжения не смог справиться с темпами работы на заводе, не смог ориентироваться в создавшейся обстановке. Между тем, там, где отдел снабжения ничего достать не мог и не знал даже, как подступить к этому, там рабочие бригады в минимальные сроки это проделывали. Авторитет бригад по снабжению возрос настолько, что мы имели факты, когда зав. цехами, потеряв надежду получить материал через заводоуправление, в нарушение нормального порядка, непосредственно обращались за помощью к этим бригадам. Товарищи, работающие в этих бригадах, преданные делу выполнения промфинплана, отдавая для этой работы все свое время и энергию, безусловно смогли сделать больше, чем работники отдела снабжения.

Наследие имевшегося ранее плохого планирования, вредительски составленного плана выпуска турбин по месяцам, с отнесением выпуска основной массы турбин к последним месяцам, и усугубляющее и способствующее этой оттяжке еще плохое снабжение, создали такое положение, что из 200 тысячной программы турбин почти 100 тысяч кв. надо было сделать за два месяца. Поэтому август и сентябрь явились месяцами величайшего напряжения всех рабочих, заводских организаций и заводоуправления—за выполнение во что бы то ни стало промфинплана. Партийным комитетом была проведена форма шефства ответственных партийных работников над выпускаемыми турбинами путем прикрепления этих работников к турбине, находящейся в процессе сборки. Эти работники являлись толкачами быстрейшей сборки турбины и непосредственно в цехе помогали ликвидировать препятствия, тормозящие сборку. При существовавшей бесплановости производства, плохом снабжении, при отсутствии достаточного кадра квалифицированных руководителей—работа этих прикрепленных имела большое значение в деле скорейшего выпуска этих турбин.

Выполнение оставшейся большой программы требовало колоссального под'ема рабочих, трудового энтузиазма их. И этот трудовой энтузиазм охватил рабочих завода. Мастерские за все время своего существования никогда еще не видели таких темпов работы. Рабочие проявляли подлинно трудовой героизм. Многие не жалели ни сил, ни времени для выполнения поставленных задач. Мы имели случаи самоотверженной работы. Пример исключительного героизма показал бригадир на сборке роторов тов. Хинейко: рука его по неосторожности была придавлена между насаживаемыми на вал дисками. Чтобы освободить ее немедленно, в кратчайший срок и при том методом, каким хотели это сделать, приходилось испортить диск. Но, несмотря на адскую боль, на потерю пальцев, он не согласился на этот способ, грозивший порчей диска, и сам при сильном кровотечении руководил освобождением своей руки, что дало возможность ротор оставить невредимым и выпустить своевременно 24-тысячную (киловатт) машину. Мастер Тимофеев, которому горячий пар ошпарил руку и лицо—не ушел со своего поста, несмотря на предложения врачей. Целый ряд ударных бригад на много увеличили производительность труда и трудовую дисциплину.

Особое внимание организации уделили вопросу о трудовой дисциплине, так как прогулы в течение этого года принимали все более угрожающие размеры, доходящие до 2,8—3%. В результате проведения целого ряда мероприятий, как-то: товарищеские суды, печатание списков прогульщиков, собрания прогульщиков, собрания жен прогульщиков, сообщения по радио и т. п.,—завод добился больших успехов, снизив прогулы на сегодняшний день до 0,65%. Вся эта борьба за трудовую дисциплину, борьба с конкретными носителями правого оппортунизма на практике, боящимися большевистских темпов, широкая мобилизация активности рабочих—дала возможность заводу при наличии тяжелых условий, не только выполнить, но и перевыполнить промфинплан. Борьба за промфинплан выдвигала новые формы и методы работы, способствующие под'ему активности рабочих.

Усиление активности рабочих завода послужило не только выполнению промфинплана на заводе, но и явилось стимулом к тому, что из среды рабочих завода им. Сталина вышел целый ряд идей и предложений, способствующих еще более успешному социалистическому строительству. Поднятый рабочими-сталинцами вопрос в осуществление постановления ЦК о кадрах явился большим сдвигом в деле максимальнейшей и быстрейшей подготовки наших кадров. У нас на заводе мы на деле добились больших успехов в этой области. Мы впервые в Советском союзе организовали завод-втуз, во всех ступенях которого сейчас обучается 1.000 чел., и ставим себе задачей в 1931 году охватить учебным комбинатом 50% состава всех рабочих. Если раньше завод переживал острейший кризис в области нехватки квалифицированной силы, что являлось одним из основных моментов, тормозящих выполнение промфинплана, то в данный момент острота этого кризиса отпала. Идея рабочих завода им. Сталина о Всесоюзном конкурсе предприятий послужила лучшим стимулом к еще большему поднятию активности рабочих всех заводов в борьбе за промфинплан особого квартала. На заводе им. Сталина эта активность выражается в росте ударных бригад, в количестве закрепленных за заводом, дошедшем в данный момент до 60%, и в росте партии. За октябрь и 12 дней ноября на заводе в партию вступило 250 рабочих.

Особое выражение активности рабочих-сталинцев вылилось в деле выдвижения и обоснования на́шего встречного промфинплана. Рабочие-сталинцы, в противовес промфинплану треста «Котлотурбина» в 567 тыс. кв. и 90 тыс. кв. м. площади нагрева котлов — выдвинули свой максимальный встречный промфинплан в 800 тысяч кв. турбин и 135 тыс. кв. м. площади нагрева котлов. Два с половиной месяца сталинцы дрались за свой встречный. Для обоснования его была проведена большая техническая и массово-политическая работа. Был разработан технологический процесс 24-тысячной (кв.) турбины, что дало возможность, наряду с переписью и проверкой мощно-

сти станков турбинной мастерской, проверить возможность пропуска 800 тыс. кв. через ее оборудование. План проработали на широких рабочих собраниях, производственных совещаниях, был об'явлен сбор рабочих предложений в осуществление этого плана, где было собрано 1.200 рабочих предложений. И, несмотря на реальные возможности выпуска 800 тыс. кв., «Котлотурбина» упорно противодействовала и не соглашалась принять этот план. Только президиум ВСНХ—на основе детально проработанных материалов в доказательство встречного—утвердил встречный промфинплан сталинцев, отметив в своем постановлении также исключительную роль, проявленную общественными организациями и рабочими завода в деле выдвижения и обоснования встречного промфинплана. Проработка встречного промфинплана выявила возможность, кроме выполнения 800 тысяч кв., использовать около 500 тысяч резервных станкочасов на средних и мелких станках, могущих быть использованными для другой работы. Это натолкнуло сталинцев на мысль об организации Всесоюзной переписи и паспортизации станков, что даст возможность стране выявить новые тысячи резервных станков, находящихся неиспользованными на фабриках и заводах Советского союза.

Выполнение промфинплана 1929/30 года, происходившее в исключительно тяжелых условиях; бурный рост активности рабочих, выразившийся в перевыполнении промфинплана и выдвижении целого ряда новых мероприятий, способствующих социалистической стройке,—лишний раз говорят о колоссальной силе, творчестве и энергии, таящихся в среде рабочего класса. Это еще лишний раз бьет по правым, «левым» и право-«левым» оппортунистам, не верящим ни в наши большевистские темпы, ни в силы рабочего класса.

Всех этих успехов завод им. Сталина достиг только на основе большевистского проведения генеральной линии партии в своей повседневной работе, только в беспощадной борьбе с оппортунистами всех мастей и оттенков.

Я. Никулихин.

Основные вопросы колхозного движения.

Окончание [1]).

Вопрос о коллективизации середняка в большой степени упирается теперь в проблему работы с выходцами, среди которых преобладают середняки. В тех местах, где работа с выходцами не прекращалась, где колхозы сумели вовлечь выходцев в совместную уборку урожая, где они сумели организовать выходцев и установить с ними хорошие взаимоотношения, — там мы имеем теперь массовое, а в ряде случаев даже повальное, возвращение выходцев в колхозы. Там же, где никакой работы с выходцами не велось, где колхозы отгородились от выходцев «китайской стеной», и кроме того, пытались прижимать их при наделении земли, при возвращении имущества, — там мы имеем еще неизжитые обостренные взаимотношения с единоличниками и слабый приток в колхозы. Надо провести большую работу с выходцами в зимний период, привлекать их на колхозные собрания, создавать из них инициативные группы, обратить большее внимание на них со стороны вербовочных групп и т. д.

Одной из помех к вступлению в колхозы середняка и части бедноты являются попытки в административном порядке не допускать организации мелких колхозов. Яркий пример такого административного усердия передает т. Плукс:

«Прибегает один товарищ и говорит, что вот крестьяне хотят организовать колхоз, у них уже организовано 23 двора, а будет всего 40 дворов, а районный сельсовет не регистрирует устава. Рядом имеется колхоз в 46 дворов, но они туда не идут, потому что он стоит далеко и ходить на работу неудобно». Председатель сельсовета говорит: «Разрешить нового колхоза не могу, потому что он мелкий колхоз и поэтому, пусть я сам сяду в тюрьму, но до нового колхоза не допущу». (Кармано-Бростянский сельсовет, Ново-Анненского района). Если некоторые председатели сельсоветов готовы сесть в тюрьму, но не допускать мелких колхозов, то можно полагать, насколько в некоторых местах сильна тенденция противодействовать возникновению мелких колхозов.

Верно, что наша основная ставка — на крупные колхозы, ибо только крупные колхозы могут реализовать весь эффект коллективного хозяйства. Но движение к организации крупного коллективного хозяйства не есть прямолинейный процесс организации сразу же только крупных колхозов. Мы идем к массовой организации крупного коллективного хозяйства не только через немедленное возникновение крупных колхозов, но в начальной стадии идем также и через широчайшую организацию мелких колхозов. Там, где условия допускают органи-

[1]) См. «Большевик» № 22.

зацию крупного колхоза, мы должны немедленно приступить к его организации. Там, где осуществление коллективизации крестьянских хозяйств возможно пока в форме мелких колхозов, мы можем и должны итти и на это.

Мелкий колхоз является мелким предприятием в сравнении с современными размерами крупного индустриального типа предприятия в земледелии. Конечно, он не имеет всех преимуществ последних. Но мелкий колхоз все же является крупным предприятием по сравнению с карликовыми бедняцкими и середняцкими индивидуальными хозяйствами. Он допускает по сравнению с индивидуальным хозяйством значительную степень механизации и машинизации. Он допускает сравнительно широкое применение агротехники. Он подымает на много эффект использования даже примитивных крестьянских средств производства. Он представляет уже такую социальную форму хозяйства, которое позволяет осуществить в ближайшее время переход к подлинно-крупному хозяйству. Строительство мелких колхозов на ряду с крупными ускорит переход многих районов на сплошную коллективизацию. Конечно, при этом мы ни в коем случае не должны допустить организации обособленных чисто середняцких колхозов. Мелкие колхозы можем строить только общие — батрацко-бедняцкие-середняцкие. Конечно, мы не должны допускать колхозов из родственников, не должны поощрять карликовых колхозов, не должны допускать множества колхозов в одном селе. Мы должны подготовлять условия для укрупнения, об'единения колхозов. Конечно, при строительстве мелких колхозов мы должны сразу же позаботиться об обеспечении их пролетарским руководством.

Крупнейшая роль в деле осуществления пролетарского руководства всеми колхозами, в том числе и мелкими, выпадает на МТС, число которых в 1931 г. доводится до 1.400. Укомплектование пролетарскими кадрами МТС, правильное географическое размещение МТС, срочное их развертывание должно стать боевой задачей партийных организаций. Громадная задача в связи со строительством новых колхозов ложится на наши совхозы. Крупную роль в деле обеспечения пролетарского руководства новыми колхозами должны сыграть райколхозсоюзы.

Только в правильном сочетании строительства крупных и мелких колхозов мы найдем путь для высоких темпов коллективизации, путь к сплошной коллективизации.

Переобремененность ряда колхозов служащими в аппарате является также крупным препятствием для вступления в колхозы середняка. Очень многие колхозы тратят на аппарат бешеные деньги. Например, колхоз «Коминтерн», в Третьяках, Песковского района, уже после некоторого сокращения аппарата тратит на него 16% валового дохода. При чем встречаются такие курьезы, когда на стодворку колхоза в 12—20 хозяйств (на Северном Кавказе) дается три начальства. Уполномоченный получает 70 руб., полевод-староста получает 60 руб., табельщик получает 30 руб. в месяц. Три человека получают ежемесячно 160 руб., на 12—20 коллективизированных хозяйств стодворки, — это сногсшибательное безобразие! Это действительно огромное переобременение расходами на аппарат колхозов. Колхозное движение — молодо, но некоторые колхозы успели уже обрасти большим бюрократическим аппаратом. А наличие такого аппарата, кроме того, что снижает доходность колхозников, оно мешает, особенно середняку, вступить в колхоз. Это является материалом для агитации: «Колхозники работают на служащих». В некоторых местах фонд на содержание аппарата равняется фонду оплаты по трудодням. Борьба за зверское сокращение аппарата колхозов есть борьба за укрепление старых колхозов и организацию новых; она является могучим стимулом для вступления в колхозы единоличников, для вовлечения основной массы крестьянства в колхозное движение.

Далее, 5% начисления из валового дохода на обобществленное имущество служат мощным рычагом для вовлечения в колхозы середняка. Там, где эти отчисления уже произведены, мы имеем массовый приток середняков в колхозы. На Украине, в степных районах, как передают товарищи, середняки сначала не верили, что отчисления будут действительно произведены. Когда же они получили отчисления на руки, то во многих селах середняки поголовно со всем скотом и инвентарем сразу же вступили в колхозы. Крупный прилив в связи с 5% отчислениями замечался по ряду сел ЦЧО и других областей. Эти начисления бесспорно являются одним из могучих стимулов вовлечения в колхозы середняка, со всеми его средствами производства. Они предотвращают сбросу лошадей и разбазаривание инвентаря середняком, тенденции к чему в ряде мест появляются. Пока МТС не охватили всех хозяйств, пока механизированы не все процессы с.-х. производства, живая конская тяга еще значительное время должна играть крупную, а в ряде случаев решающую, роль в коллективном хозяйстве. Во многих местах этого нет, и потому вопрос о вовлечении середняка вместе с лошадью, вместе с инвентарем, сохраняет всю свою актуальность. Больше того, является вполне целесообразным в пределах того же фонда установить несколько большие начисления на обобществленный скот — для стимулирования создания обобществленного стада в колхозах. В некоторых случаях только придется внести изменения такого порядка, что в тех колхозах, где очень высокий валовой доход и сравнительно небольшая сумма обобществленного имущества, там вместо 5% придется начислять, может быть, 2—3%, потому что иначе получился бы выкуп всего обобществленного имущества в один год.

В целях стимулирования притока середняка в колхозы, надо устранить допущенные ошибки при распределении доходов. Надо, прежде всего, устранить разрыв принципов в распределении урожая и доходов. Во многих местах в этом году урожай делился по едокам, а доход — по трудодням. Дальше необходимо преодолеть тенденции к большой урезке фонда для оплаты трудодней. Во многих колхозах фонд оплаты труда сведен к 25—30% всей доходности. В ЦЧО мы имеем много случаев, когда фонд оплаты труда фактически был меньше фонда на нетрудоспособных. Часты случаи, когда колхозник на своих трудоспособных членов семьи получал много меньше, чем на нетрудоспособных. Это, несомненно, не стимулирует роста производительности труда и является причиной, почему иногда середняк медлит со вступлением в колхоз, раздумывая над непорядками в распределении урожая и доходов. Устранить тенденции к урезке фонда оплаты по трудодням, найти правильное соотношение между фондом на нетрудоспособных и фондом оплаты трудодней, сократить аппарат, — тогда будет создана благоприятная почва для нового мощного прилива в колхозы основных масс крестьянства.

Борьба за непрерывный производственный год в колхозах; работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов есть могучий рычаг вовлечения в колхозы всей бедноты и широчайших середняцких масс. До сего времени было такое положение, что для периода глубокой осени и всей зимы в более выгодном положении в отношении заработка и использования труда находился единоличник, чем колхозник. Мы должны теперь резко изменить положение в обратную сторону. Что для этого необходимо сделать? Для этого надо организовать зимние работы для колхозников (транспортные работы, организация бригад из состава колхозников для работы в наших хозяйственных учреждениях и предприятиях, организация кустарных промыслов, особенно кустарных промыслов для женщин и т. п.). Для этого необ-

ходимо на ряду с организацией постоянного отходничества широко организовать и временное отходничество, отходничество на короткий сезон, организовать и зимние работы для колхозников на месте. Организация работ в зимний период укрепит колхозы и даст им новые преимущества в смысле преодоления сезонности с.-х. труда колхозников, создаст производственное настроение среди колхозных масс, производственную обстановку в течение всего года и тем самым лучше обеспечит трудовую дисциплину на время полевых работ. Организацией кустарных промыслов, мелких заводов по производству строительных материалов, мы создадим условия для возведения хозяйственных построек, для развития обобществленного животноводства, птицеводства, мы подымем эффективность всего коллективного хозяйства, что явится могучим стимулом для вовлечения в колхозы середняка. Когда середняк увидит, что колхоз строит свинарники, коровники, птичники и т. п. и строит хорошо, то это наилучшим образом агитирует середняка за колхоз. Поэтому для всех колхозов сейчас должен быть брошен лозунг: «За организацию отходничества, за непрерывный производственный год».

Для укрепления существующих колхозов, для роста их, для закрепления вновь возникающих колхозов необходимо уделить больше внимания вопросам агро-технического обслуживания колхозов, которое еще чрезвычайно слабо, а также и вопросам организации хозяйства, организации труда в колхозах. Верная политическая линия должна быть в каждом месте, найти себе подкрепление в хорошей, в правильной постановке организации коллективного производства. На ряду с организацией широкой агрономической помощи коллективному хозяйству особенно теперь ставятся в порядок дня вопросы организации труда, постановки учета и счетоводства в колхозах. Надо решительно бороться с наплевательским отношением к счетоводству, с недооценкой громадного политического значения правильной постановки счетоводства в колхозах. Лозунг «лицом к колхозному производству» должен пропитать теперь работу всех организаций, работающих в деревне, всех учреждений, обслуживающих деревню. «Теперь внимание работников должно быть сосредоточено на закреплении колхозов, на организационном оформлении колхозов, на организации деловой работы в колхозах». (Сталин).

Такие вопросы как: о под'еме колхозной общественности, о техническом перевооружении колхозов, о строительстве колхозной с.-х. индустрии, о бюрократических извращениях в нормах накопления для колхозов, об агрономическом обслуживании колхозов, о руководящих кадрах колхозов и так далее, которые имеют также немаловажное значение, а некоторые большое значение, в новом под'еме колхозного движения — все эти перечисленные вопросы, как и ряд других, нуждаются в особом освещении. К всесторонней разработке узловых важнейших вопросов организации нового под'ема колхозного движения надо приковать теперь внимание всей партийной и советской общественности.

Формы мобилизации активности масс и укрепление пролетарского руководства колхозами.

С весны, как правило, в подавляющем числе районов не велось сколько-нибудь значительной массовой организаторской работы. Председатели колхозов и секретари ячеек заявляли, что «они забыли о коллективизации». Отдельные прикрепленные даже не знали, где помещались правления колхозов. Колхозники заявляли: «Мы не ставили перед крестьянами с весны вопрос о коллективизации, и крестьяне думали, что коллективизацией партия больше не занимается». Решения XVI партийного с'езда, как правило, в колхозах не были проработаны. Многие коммунисты в деревне сторонились массовой работы, боясь как бы не наделать перегибов, или по-оппортунистически подходили к ней. Появились такие правооппортунистические теории, что «теперь центр тяжести не в массовой работе, а в индивидуальных беседах, в индивидуальной обработке единоличников». Это несомненно означает дезертирство от массовой работы, это есть явное непонимание, а часто и нежелание проводить задачи, которые партия поставила в области социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Для обеспечения нового мощного прилива в колхозы, для отпора кулачеству, для организации бедноты и батрачества, для привлечения середняка в колхозы и превращения середняка из союзника в опору в новых районах, идущих к сплошной коллективизации,—необходима настоящая большевистская массовая организаторская работа на селе. В эту работу надо втянуть миллионные массы. Теперь, более чем когда-либо, применимы слова Ленина о том, что нельзя строить социализм руками только одних коммунистов. Это еще более правильно, когда мы подходим к работе в деревне. Наша партийная прослойка на селе чрезвычайно тонка. Провести эту гигантскую работу по коллективизации мы можем только, привлекая массы, организуя массы, руководя этими массами.

Каковы же формы мобилизации активности масс?

Одной из наиболее жизненных форм являются инициативные группы. Тысячи инициативных групп уже превратились в новые колхозы. Это наиболее привившаяся форма. При организации инициативных групп наделан ряд ошибок (практика выборов, назначений). В отдельных случаях бывает даже так, что инициативная группа собирается в 7 человек и им отводят около деревни землю. Вот тебе и колхоз. Или создаются инициативные группы, но они остаются в большинстве случаев без руководства, им не раз'ясняют, что делать, и они сами не знают, за что приниматься. Между тем, систематическое руководство, постоянная работа с инициативными группами определяет возможность скорейшего оформления их в колхозы, заинтересовывает массы работой этих групп.

На заседаниях групп надо заслушивать отчеты правлений колхозов, обсуждать вопросы организации производства и колхозного труда, разбирать уставы артелей, надо также не затягивать в долгий ящик дело с оформлением колхозов из инициативных групп. Инициативная группа должна явиться как бы краткосрочными курсами для единоличников, которые идут в колхоз, которые хотят вступить на путь коллективизации. На этих группах прорабатываются отдельные, наиболее недоуменные вопросы колхозного строительства, что для многих облегчает дело с окончательным оформлением вступления в колхоз. При чем надо взять за правило, что, когда инициативная группа оформилась в новый колхоз или влилась в старый колхоз, надо немедленно создавать другую инициативную группу, которая повела бы дальнейшую работу по оформлению дальнейшего вступления единоличников в колхозы. Это постоянное и своевременное замещение одной инициативной группы другой еще, к сожалению, очень редко практикуется.

Второй формой мобилизации активности масс являются вербовочные группы, комиссии содействия и т. п. В вербовочные группы на ряду со старыми колхозниками следует широко привлекать новых, только что вступивших колхозников, особенно следует побольше привлекать женщин. Если на ряду со старым колхозником придет и новый, который еще летом работал, как единоличник, а теперь поборол сомнения и пошел в колхоз, то это больше будет действовать в агитации за колхоз. Вербо-

вочные группы надо иметь теперь в каждой сотне, при каждой колхозной бригаде. Пока эти группы создаются и работают самотеком. Руководство ими чрезвычайно слабое или вовсе отсутствует. Это руководство надо наладить и ввести, как правило, отчетность работы групп не реже одного раза в декаду на правлениях колхоза.

Большое значение имеют сейчас колхозные буксирные бригады из районов сплошной коллективизации того же края в районы несплошной коллективизации или бригады из лучших колхозов в слабые колхозы в одном и том же районе. Это дает прекрасные результаты, стимулирует прилив в колхозы. Бригадники-колхозники — это люди, которые пережили своим нутром все больные вопросы колхозного движения, которые уже разрешили для себя всякого рода недоуменные вопросы. На каждый такой вопрос у них готов ответ.

Экскурсии инициативных групп с обязательным участием в них женщин в лучшие колхозы являются также прекрасной формой мобилизации масс за коллективизацию. В каждом районе имеются такие колхозы для экскурсий. Эти экскурсии производят большой перелом в настроении единоличников.

Привлечение единоличников на отчетные собрания колхозов оказывает большое влияние для установления хороших взаимоотношений между ними и для нарастания прилива. Очень хорошей формой работы, которую начали применять и которую надо широко распространить — являются районные слеты колхозников-ударников, подытоживание соцсоревнования между ударными бригадами колхозников на крупных митингах и собраниях, премирование на них ударников. Такие слеты агитируют в особенности середняка, показывают ему образцы высокой производительности колхозного труда.

В крупных селах, в станицах, в районных центрах надо практиковать доклады нескольких правлений колхозов — одновременно лучших и слабых. Через это показываются массе лучшие образцы коллективного хозяйства и правильно вскрываются перед нею действительные причины хозяйственных недостатков отдельных колхозов.

Необходимо провести повсюду, где это не было сделано до сих пор, проработку решений XVI с'езда на собраниях колхозников и единоличников, что окажет громадное воздействие на рост прилива.

Огромную роль в деле мобилизации активности масс должна сыграть низовая и районная печать. К сожалению, печать еще слабо мобилизует массы. В районных газетах, в колхозных стенгазетах печатаются отдельные заметки о достижениях, больше о недостатках колхозов, при чем материал поступает самотеком, случайный. В них мало или нет материала, мобилизующего активность колхозника, зовущего единоличника в колхоз. Язык стенных и районных газет непонятен местному населению. Таким трудным языком в крупных городах не пишут даже центральные газеты. Сделать язык низовой печати понятным, правильно организовать в ней освещение хозяйственных достижений колхозов, разоблачать тактику кулаков — является очередной задачей этой печати в деле мобилизации активности масс.

Есть ряд и других форм мобилизации активности масс, которые выдвигаются жизнью, которые надо подхватить и наиболее лучшие, жизненные из них повсеместно распространить.

Хозяйственно-политические кампании, проводившиеся в деревне,—хлебозаготовки, сбор с.-х. налога, зяблевая вспашка, до сего времени мало связывались с коллективизацией. Существует у многих такой взгляд, что сначала надо закончить одни кампании, а потом уже взяться за коллективизацию. Появилась «теория очередности» кампаний. И в этой очередности коллективизации отводится место в самом хвосте. Мы должны решительно бороться с теми оппортунистами, которые не увязывают кампаний с осуществлением задач по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Все кампании надо поставить на службу коллективизации.

Развертывание массовой организационной работы на селе стоит в прямой связи с работой партийных и комсомольских организаций. Не правы те товарищи, которые пытаются утверждать, что прилив в колхоз идет помимо руководства партийных организаций. Верно то, что партийные организации не успевают организационно закреплять новый приток в колхозы, многие отстают от размаха движения. Движение в значительной степени идет самотеком. Но там, где партийные организации крепче взялись за организацию прилива в колхозы и по-большевистски начали развертывать массовую работу, там прилив в колхозы начался раньше, результаты больше, темп прилива все время нарастает.

Роль партийных организаций в новом колхозном под'еме должна быть заострена в связи с укреплением пролетарского руководства колхозным движением. Миллионы новых колхозников должны быть охвачены пролетарским руководством. Мы знаем, какую громадную роль пролетарских руководителей колхозным движением сыграли 25-тысячники. Из них отобрались тысячи подлинных вожаков колхозного движения. Надо их закрепить в колхозах. Надо продолжать посылку в колхозы лучших пролетариев. Необходимо поднять на большую высоту шефскую работу и работу профсоюзов в деревне, которая за последнее время заглохла или чрезвычайно ослабла. Надо крепить пролетарское руководство через МТС, совхозы, предприятия, расположенные в деревне. Но наряду с этим основную роль проводников пролетарского руководства колхозами должны играть партячейки на селе.

Новый колхозный прилив будет развертываться таким темпом, что мы в весенний сев войдем с удвоенным числом коллективизированных хозяйств. Если мы максимально используем все рычаги к борьбе против кулака, к развертыванию массовой организационной работы на селе, к укреплению колхозов, к строительству десятков тысяч новых колхозов и со всей решительностью, с большевистской непримиримостью проведем и дальше борьбу на два фронта: против правой — главной — опасности в партии на данном этапе и борьбу с «левыми» загибщиками, решительную борьбу с двурушничеством, — то на основе ленинских методов коллективизации мы будем иметь в момент весеннего сева и к началу уборочной кампании 1931 г. не менее половины крестьянских хозяйств вовлеченными в колхозы. Мы достигнем в охвате коллективизацией того уровня, который был в полосу наивысшего под'ема весной 1930 г., правда, с некоторой иной районной географией этого уровня.

В решительной борьбе на два фронта, на основе последовательного проведения генеральной линии, под руководством ленинского ЦК — партия сумеет осуществить решение XVI с'езда о завершении сплошной коллективизации СССР в основном к концу пятилетки.

И. Врачев.

Социалистическая реконструкция животноводства.

В то время как в области зернового хозяйства мы за последние годы достигли решающих успехов и в основном разрешили зерновую проблему, животноводство продолжает пока оставаться одной из наиболее отсталых отраслей сельского хозяйства.

Товарная продукция животноводства еще не восстановлена в довоенных размерах, и животноводство при нынешнем его уровне не в состоянии удовлетворять все увеличивающуюся потребность народного хозяйства.

В последнее время животноводство попало в полосу серьезных затруднений, связанных с значительным сокращением стада. Кулацкое сопротивление коллективизации сказалось в области животноводства особенно сильно.

Динамика стада показана в следующих данных о количестве скота в сельском хозяйстве СССР на весну каждого года [1]:

Показатели	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
	в миллионах голов					
Лошадей всего	26,0	28,3	31,5	33,5	34,6	31,2
Крупн. рогат. скота	59,6	63,0	68,2	70,7	67,2	52,6
В том числе: коров	27,5	28,9	30,0	30,8	30,3	26,7
Овец и коз	115,8	123,0	139,5	146,4	145,1	89,9 (без коз)
Свиней	20,9	20,9	23,2	26,1	20,5	12,2

Замедление прироста стада стало заметным уже в 1928 году, когда мы имели прирост всего крупного рогатого скота на 3,7% (вместо 6,4% в 1927 г.), коров—на 2,7% и овец—на 5,3% (против 11,2% в 1927 г.). В 1928 году в благополучном положении оказались свиньи, давшие прирост на 12,6% (против 7,3% в 1927 г.). В 1929 г. наблюдалось уже снижение численности стада по всему продуктивному скоту.

В том же году мы имели прирост лишь по лошадям (3,3%). Особенно резко сократилось свиное поголовье—на 21,4%, затем стадо всего крупного рогатого скота—на 4,9% и коров—на 1,4%.

[1]) Данные за 1925 и 1926 гг. взяты из «Стат. справочника» ЦСУ СССР 1928 г., а за остальные годы—из Сборника Госплана СССР, изданного к XVI партс'езду.

В 1930 г. в силу целого ряда причин, на которых мы несколько подробнее остановимся ниже, произошло еще большее снижение поголовья всех сельскохозяйственных животных (в том числе и лошадей).

При всем этом наибольшее снижение поголовья произошло в важнейших животноводческих районах, поставляющих основную товарную продукцию животноводства.

Если поголовье всех видов скота в 1916 г. (год всеобщей переписи скота) принять за 100 процентов и сравнить с движением поголовья скота в последние годы, то получим следующую картину:

Годы	Лошади	Крупный рог. скот	Овцы и козы	Свиньи
	в процентах			
1916	100	100	100	100
1927	88,9	114,3	119,3	111,3
1928	94,6	118,5	126,0	126,1
1929	96,9	115,6	127,8	103,0
1930	88,6	89,1	87,1	60,1

При наличии столь значительного сокращения стада совершенно понятны переживаемые нами затруднения в области снабжения городов продовольственными продуктами животноводства и промышленности — животноводческим сырьем.

Тов. Сталин в своем докладе на XVI партс'езде отметил:

> «Еще более неутешительная картина получается с точки зрения товарного выхода животноводства, особенно по части мяса и сала. Если принять валовую продукцию мяса и сала по каждому году за 100, то товарный выход мяса и сала соответственно составляет: в 1926 г.—33,4%; в 1927 г.—32,9%; в 1928 г.—30,4%; в 1929 г.—29,2%.
>
> Мы имеем, таким образом, явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по животноводству.
>
> Выходит, что вместо превышения по животноводству нормы 1916 г. мы имеем за последний год явные признаки отхода вниз от этой нормы.
>
> Таким образом, вслед за зерновой проблемой, которую мы уже разрешаем в основном с успехом, встает перед нами проблема мясная, острота которой сказывается уже теперь и которая ждет своего разрешения» [1]).

Рассмотрим несколько подробнее, что произошло с животноводством.

За послереволюционные годы основная масса валовой и товарной продукции животноводства переместилась от высших по экономической мощности групп крестьянских хозяйств—к низшим. Десятки отдельных исследований подтверждают это явление. Одновременно произошло дробление и измельчание крестьянского хозяйства (вместо 16 млн. хозяйств довоенного времени, до массовой коллективизации было около 25 млн. мелких и мельчайших хозяйств), естественно увеличившее оседание животноводческих продуктов в хозяйстве производителя.

Кулацкие и близкие к ним группы зажиточных хозяйств в процессе классовой борьбы понизили свою товарную продукцию или абсолютно или относительно (через увеличение собственного потребления). Одно время, особенно в период массового прилива бедняцко-середняцкого крестьянства в колхозы, кулаки хищнически истребляли свой скот. Выпала также продукция помещичьих хозяйств, которые в довоенное время играли весьма значительную роль, например, в деле снабжения промышленных центров—Москвы, Ленинграда, в первую очередь молоком и молочными продуктами.

[1]) И. Сталин. Политический отчет ЦК ВКП(б) XVI партс'езду.

Бедняцкие же и середняцкие хозяйства, дробные и распыленные, обладающие чрезвычайно отсталой техникой производства, не могли удовлетворить пред'являемый спрос на товарные продукты животноводства.

Весьма значительно расширился сейчас круг потребителей животноводческих продуктов, в силу непрерывного улучшения материального положения широких рабочих масс, а также роста потребления средних и беднейших слоев крестьянства. Вообще же **производство животноводческих продуктов явно отстало от роста потребительской массы.**

С 1925/26 года животноводство, рассматриваемое как отрасль с.-х. производства, начинает отставать от другой отрасли производства — зерновой. Это нашло отражение в приросте посевных площадей при одновременном весьма ощутительном сокращении стада.

Особо следует отметить, что это понижение товарного производства животноводческих продуктов в индивидуальном секторе одновременно не сопровождалось **соответствующим повышением товарной продукции обобществленного сектора.** Больше того, степень коллективизации товарного животноводства до последнего времени была очень низка. Животноводческая отрасль в наших совхозах была также развита до крайности слабо.

Удельный вес совхозов и колхозов в общей численности скота (по всему СССР) представлен следующей таблицей:

Виды скота	Совхозы			Колхозы		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Весь крупн. рог. скот	0,2	0,3	0,3	0,1	0,2	0,6
В том числе коровы	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,6
Овцы	0,2	0,6	0,9	0,1	0,2	0,5
Свиньи	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3	0,6

Хотя продуктивность скота в колхозах и особенно в совхозах значительно выше продуктивности скота в индивидуальных крестьянских хозяйствах, тем не менее удельный вес обобществленного сектора в товарной части животноводческой продукции в силу малочисленности стада был незначителен.

Обобществленный сектор, следовательно, не мог немедленно и полно ликвидировать урон, нанесенный животноводству кулацким сопротивлением социалистической реконструкции сельского хозяйства, а мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства проявили «явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по животноводству» [1]).

Общая неорганизованность кормовой базы также является одним из факторов, тормозящих развитие животноводства.

Необходимо учесть, что **неблагополучие животноводства усугублялось испытывавшимися нами затруднениями в зерновом хозяйстве.** Имевшее место в те же годы напряженное положение на хлебном рынке приводило к понижению выгоды от животноводства. Высокие цены на хлеб на частном рынке делали невыгодным скармливание скоту сильных кормов и способствовали продаже скота для покрытия денежных расходов и обязательных платежей крестьянства, особенно его верхних, зажиточно-кулацких слоев.

[1]) И. Сталин. Политотчет ЦК ВКП(б) XVI с'езду партии.

Кулак подрывал животноводство. Курс кулака на вздувание хлебных цен был одновременно и курсом на сокращение животноводческого хозяйства, так как создавалось крайнее несоответствие между ценами на хлеб и животноводческие продукты. Действие этих факторов сказалось, прежде всего, на товарном свиноводстве, а также—на товарном молочном скотоводстве. Молочная же отрасль крупного рогатого скотоводства вследствие всех указанных выше причин вообще сделалась какой-то «ахиллесовой пятой» сельского хозяйства, ибо здесь под влиянием неблагоприятных кон'юнктурных условий легче всего прекращается связь крестьянского двора с государственным плановым хозяйством (корову можно быстро ликвидировать, молоко потребить в своем хозяйстве, корма скормить свинье и лошади).

Весьма характерно, что правые оппортунисты в своем об'яснении причин неблагополучия животноводства «упускают из виду» влияние указанных выше факторов и относят все к пресловутой «деградации» с. х., совершенно не замечая, что они и здесь попадают в идеологический плен буржуазных реставраторов. Ведь это Кондратьев, ведя борьбу за так называемые «восстановительные цены», разжигал аппетиты кулака хлебной интервенцией. Ведь это Кондратьев и прочие вредители предлагали нам и в области животноводства ставить ставку на кулака, чтобы тем самым укрепить хозяйственные позиции капиталистической верхушки деревни и ослабить наши позиции и в столь важной отрасли сельского хозяйства, какой является животноводство.

Большую роль в усилении затруднений в области животноводства сыграли и троцкистского типа «левые» антисередняцкие перегибы в проведении коллективизации, которые резко извращали партийную линию и помогали правому оппортунизму.

И, наконец, нельзя забывать о чрезвычайной технической отсталости индивидуального животноводческого хозяйства. Молоко, мясо, шерсть, кожи и др. животноводческие продукты производились в мелких и мельчайших крестьянских хозяйствах при весьма высоких издержках производства, при чем количество их было в два, три, пять раз меньше, чем в правильно технически организованном хозяйстве. Удой в одну тонну молока в год является средним для нашей коровы, в то время как за границей 2 — 3 тонны годового удоя стали нормальным явлением, а в специализированных молочных районах средний годовой удой коровы колеблется от 3 до 5 тонн. Убойный вес туши нашего скота в 2—3 раза ниже заграничного. В Аргентине мясной крупно-рогатый скот созревает для убоя в 2½ года, достигая убойного веса в 222 кг., а у нас в Казакстане крупно-рогатый скот оказывается пригодным для убоя лишь в возрасте 4 — 5 лет и дает вес туши в 70 кг., т.-е. в три раза меньше Аргентины.

В Германии средний убойный вес свиньи в 1927 г. был равен 90 кг., а у нас (по всему СССР) он составляет лишь 53 кг. Между тем, форсируя разведение свиней, можно в кратчайший срок ликвидировать затруднения с мясом. Но у нас еще в 1928 г., т.-е. до резкого сокращения свиного поголовья, свиное стадо по отношению к крупному рогатому скоту составляло 37% против 98,5% в САСШ и 110%—в Германии.

Классовый враг, оказывая бешеное противодействие коллективизации с. х., избрал об'ектом своих ударов животноводство, будучи разбит в области зернового хозяйства организацией колхозов и государственного земледелия. Сопротивляясь социалистическому наступлению, кулак уничтожает скот, подбивает на хищническое истребление скота часть колеблющихся середняков, нанося тем самым тяжелый ущерб всему нашему хозяйству.

Важнейшей предпосылкой разрешения животноводческой проблемы являются решительные успехи в разрешении—на путях развернутого социалистического наступления—зерновой проблемы.

Оградить себя от ударов в области животноводства со стороны классового врага, ликвидировать прорыв на животноводческом фронте и разрешить окончательно животноводческую проблему мы сумеем лишь на путях социалистической реконструкции животноводства.

Существуют, как известно, целые «научные» теории о том, будто животноводческие отрасли сельского хозяйства благодаря их слабой механизации и индивидуальным особенностям каждого животного должны основываться на мелком производстве, что переход к крупным формам производства окажется здесь или невозможным или нерентабельным.

И хотя главные носители этих «идей»—господа кондратьевцы—достаточно изобличены в своих контрреволюционных и вредительских попытках, в агрономической среде до сих пор еще имеют влияние эти «теории». В доказательство «преимуществ» мелкого продуктивного животноводства приводятся «личная заинтересованность хозяина», тщательный индивидуализированный уход за животными и т. п. (Кстати, в наших условиях вполне возможно в известной мере индивидуализировать уход за скотом в крупном обобществленном хозяйстве, и многие совхозы, и особенно колхозы, так именно и поступают).

Среди практиков животноводческой отрасли сельского хозяйства, в том числе и среди некоторых коммунистов, встречается порой не мало невольных пособников кондратьевщины. Мы имеем в виду тех работников, которые, подходя делячески к отдельным проблемам строительства крупного обобществленного животноводческого хозяйства, из-за деревьев не видят леса и своими «деловыми» сомнениями («опасно формировать очень большие стада в совхозах», «совхозы не сумеют обеспечить свои стада кормами», «животноводство в совхозах будет нерентабельно» и т. п.) об'ективно льют воду на контрреволюционную мельницу кондратьевщины.

Все эти и подобные им взгляды на строительство крупного обобществленного животноводческого хозяйства являются несомненным проявлением правого оппортунизма на практике и основаны к тому же на полном невежестве разделяющих эти взгляды в отношении заграничного опыта. Дело в том, что заграничный опыт, в частности опыт САСШ, в области животноводства с полной убедительностью показал превосходство во всех отношениях крупного хозяйства перед мелким. Большие города Западной Европы и Америки снабжаются молоком крупными фермами, организованными по последнему слову техники, с полной механизацией производства. Крупный маслодельный завод в Аргентине производит до 2 тысяч тонн масла в год, а в Новой Зеландии и Австралии—даже до 3 тысяч тонн. (У нас такое количество масла производится на 200—300 ручных заводах). В Аргентине имеется крупное товарно-капиталистическое хозяйство с громадным стадом (до 25.000 голов) крупного рогатого скота, при чем около половины стада составляют дойные коровы.

Американские «рэнчи» — крупные скотоводческие хозяйства — также насчитывают тысячи и десятки тысяч голов крупного рогатого скота. Хотя «рэнчи» распространены в районах экстенсивного хозяйства, они носят товарно-капиталистический характер, при чем в эти крупно-капиталистические предприятия инвестируется иностранный капитал.

В Австралии, Новой Зеландии и в Аргентине существуют крупнейшие овцеводческие латифундии, имеющие по нескольку десятков тысяч овец и баранов.

Известно, что в САСШ имеются крупнейшие молочные фермы, организованные по типу настоящих фабрик молока, с полнейшей механизацией всех производственных процессов.

Строительство мощных инкубаториев вызвало целый переворот в птицеводстве. В САСШ хозяйства в 5.000—10.000 голов являются заурядными. Там теперь много крупнейших хозяйств, своеобразных птичьих городов, насчитывающих сотни тысяч поголовья. В Калифорнии, в округе Сонома, имеется хозяйство с крупнейшим инкубаторием на 1,8 млн. яиц единовременной закладки. Инкубаторий этот выпускает в один сезон до 7 млн. цыплят.

Словом, заграничный опыт подтверждает рентабельность крупных хозяйств, доказывая полную возможность положить в основу животноводческого хозяйства научную организацию, широкое применение механизации, специализации труда и стандартизации.

Факт широчайшей механизации переработки продуктов животноводства с созданием ряда крупнейших отраслей промышленности общеизвестен, и на этом можно здесь не останавливаться. Следует только отметить, что и в этих отраслях происходит концентрация капитала с укрупнением производства.

Сколько бы буржуазные и мелкобуржуазные экономисты ни доказывали «преимущества» мелкого хозяйства в области животноводства, какие бы хвалебные гимны они ни пели мелкому производству, мы видим, что и в этой отрасли хозяйства оправдалась теория Маркса.

Накопившийся опыт наших совхозов и колхозов, несмотря на все недостатки первой стадии своего развития в деле организации животноводства, доказывает неоспоримые преимущества крупного хозяйства.

Несмотря на значительное отставание развития животноводства в колхозах, условия организованного труда и ряд других преимуществ коллективного хозяйствования обеспечивают при достаточно внимательном отношении к этой отрасли интенсивный рост животноводства и получение весьма значительной товарной продукции.

Подобно тому, как в полеводстве — вопреки правооппортунистическим и троцкистским мудрствованиям — даже простое об'единение крестьянских средств производства приводит к большим, реально осязаемым результатам, так и в области животноводства самый факт обобществления скота и перевода его в лучшие условия содержания и ухода дает определенный производственный эффект, приводя при этом к большим сдвигам в повышении продукции.

В колхозах с правильно организованным молочным стадом мы имеем ряд положительных явлений, а именно: повышение удоев коров в 1½—2 раза по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, повышение живого веса, повышение процента жира в молоке, значительное увеличение абсолютного количества жира, и особенно масла, а также более выгодную оплату корма жиром и молоком.

Рядом наблюдений и обследований установлено, что удои коров в колхозах с правильно организованным молочным стадом превышают удои коров индивидуального сектора как содержащихся в условиях обычного крестьянского двора, так и находящихся в подконтрольном стаде[1]).

[1]) В этом отношении представляют интерес сравнительные данные по Московской области. По данным б. московского областного «Молокосоюза» за 1928/29 г. удои в трех коммунах б. Московского округа (Горлово, им. Сталина, «Красная Горка») составляли—3.748 кг., 3.423 и 3.137 кг., тогда как средние удои по 45 контрольным товариществам б. Московского округа за тот же период выражались в 2.847 кг. Коммуна «Искра» в б. Серпуховском округе имела средне-годовой удой в 2.756 кг., а находящееся по соседству Топтоновское контрольное товарищество б. Серпуховского округа—в среднем в 2.399 кг.

Факт повышенной молочной продуктивности стада в артелях и коммунах по сравнению с контрольными товариществами является чрезвычайно важным. Нельзя забывать, что контрольные товарищества обслуживали лучший по продуктивности и племенным качествам молочный скот. Скот этот находился в условиях наибольшего благоприятствования (лучшее кормление, лучшее содержание, уход и т. п.) и принадлежал по преимуществу верхним, экономически мощным крестьянским хозяйствам.

В совхозах, где организация дела поставлена лучше и скот содержится в лучших условиях, чем в колхозах, мы имеем еще большие результаты. Средние годовые удои в совхозах РСФСР (по данным б. Совхозцентра) за последние годы таковы (в килограммах):

1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
1.420	1.663	1.810	2.180	2.350	2.410

В этих данных характерен не только высокий уровень средних удоев коров в трестированных совхозах, но и систематический ежегодный рост их.

В отдельных группах совхозов производительность молочного скота еще выше. Так, средний годовой удой по совхозам б. Ленинградского треста по отчетным данным за 1928 г. был равен 2.770 кг., а по б. тресту АСС республики Немцев Поволжья — 2.780 кг. Отдельные совхозы Московской области по отчетным данным за 1928 г. имеют средний годовой удой свыше 3.000 кг. (совхозы «Вяземы», «Гричане», «Демьяново», «Крымское», «Ленино» и др.).

В совхозах и крупных колхозах улучшенные овцы мясошерстных пород дают 3—4 кг. шерсти при 50—65 кг. мяса, в то время как неулучшенная овца в крестьянском хозяйстве дает 1—1½ кг. шерсти при 15—20 кг. мяса.

Крупные птицеводные хозяйства также имеют преимущества перед мелким крестьянским хозяйством (свыше 100 яиц от курицы против 40—45 в крестьянских хозяйствах и удвоенный живой вес птицы).

Приведенные факты достаточно показательны тем, что там, где работа в совхозах и колхозах в области животноводства поставлена сколько-нибудь правильно, она дает *даже в первый период своего развития весьма существенный организационно-производственный и хозяйственный эффект*.

Отсюда ясно, что основным средством преодоления переживаемых нами затруднений в области животноводства и разрешения всей животноводческой проблемы является *создание крупного обобществленного животноводческого хозяйства на новой технической базе*.

Мелкие полунатуральные и малотоварные крестьянские хозяйства, даже при условии их полного кооперирования, не в состоянии будут создать правильно организованного с соответствующей технической базой производства и ликвидировать существующую диспропорцию между спросом и предложением на животноводческие продукты, тем более не сумеют удовлетворять все возрастающие потребности в них городов и промышленных центров.

Удовлетворение этих потребностей окажется возможным лишь при условии *развития крупного обобществленного животноводческого хозяйства*.

«...Через организацию совхозов и колхозов, являющихся опорными пунктами нашей политики, постепенно преобразовывать техническую и экономическую основу нынешнего мелкокрестьянского животноводства» [1]).

[1]) **И. Сталин.** Политотчет ЦК XVI партс'езду.

XVI с'езд партии поставил животноводческую проблему как одну из важнейших народнохозяйственных задач.

С'езд, признав необходимым «коренным образом пересмотреть пятилетний план развития сельского хозяйства», принял решение, чтобы при этом пересмотре было бы обеспечено «наряду с ускоренным развитием зерновых и технических культур поднятие и *усиленное развитие животноводства* путем, прежде всего, организации специальных животноводческих совхозов, аналогично зерносовхозам, массового создания высокотоварных колхозных ферм и быстрого расширения кормовой базы».

XVI партс'езд в своих решениях предусмотрел высокие темпы строительства животноводческих совхозов. По постановлению партс'езда строительство свиносовхозов должно быть развернуто с таким расчетом, чтобы «Свиновод» обеспечил «товарный выход свиней в 1930—31 г. не менее 400 тыс., в 1931—32 г.—не менее 3 млн. и в 1932—33 г.—не менее 7 млн. голов; «Скотовод», по решению с'езда, должен довести численность своего стада в 1930—31 г. до 3,2 млн. голов, в 1931—32 г.—до 5,5 млн. голов и в 1932—33 г.—до 9—10 млн. голов.

У людей, впавших в панику перед трудностями социалистического строительства и скатившихся в правооппортунистическое болото, возможность осуществления этих темпов «вызывает сомнение». Лидер право-«левого» блока Сырцов, например, считал «ошибкой» включение в резолюцию XVI партс'езда конкретных заданий по строительству животноводческих совхозов и соответствующие цифровые показатели называл «потолочными цифрами».

Посмотрим же, как реализуются эти «потолочные цифры», т.-е. в какой мере проводятся в жизнь решения с'езда.

По данным Наркомзема СССР на 10 ноября с. г., ход строительства животноводческих совхозов представлен в следующем виде. Начнем со строительства самих совхозов.

Тресты	„Скотовод“	„Свиновод“	„Овцевод“	Молочно-масл.	Молочно-овощные тресты РСФСР	Молочно-овощные тресты УССР
Организовано совхозов. . .	128	308	116	45	216	58
% к плану на 1/X 1930 г. .	128,0	105,0	126,1	151,8	—	100,0

Таким образом, *развертывание сети животноводческих совхозов произведено в размерах, превышающих плановые задания. Мы имеем уже около 900 специальных животноводческих совхозов.* Совхозы эти располагают *колоссальным земельным массивом в количестве 32 млн. гектаров.* Землеотвод также произведен в размерах, превышающих плановые задания. Между прочим, и здесь потерпело крушение «пророчество» правых и «левых» оппортунистов о том, будто для реализации программы партии в области совхозного строительства «земли нехватит».

Перейдем к следующим показателям.

Формирование стада явилось наиболее крупной задачей в деле строительства животноводческих совхозов. При реализации этой части животноводческой программы мы столкнулись, как твердили правые оппортунисты, с непреодолимыми препятствиями: резкое сокращение ста-

да после массового хищнического истребления скота, обострение мясного дефицита, недостаток кормов, опасность эпизоотий и пр. И тем не менее и в этой области задания ЦК партии по отдельным решающим животноводческим трестам также перевыполнены. Данные здесь таковы (на 10/XI 1930):

Тресты	Основное стадо в тыс. голов [1])	В % к плану на 1/X 1930 г.	В том числе маточный состав стада в тыс. голов
„Скотовод" (крупн. рогат. скот)	984,6	139,0	272
„Свиновод" (свиньи)	165,6	122,2	110,3
„Овцевод" (овцы и бараны)	2.646,2	120,3	—
Молочно-масляный трест	37	79,4	22,3
Молочно-овощные тресты			
РСФСР	81,6	105,4	55,4
УССР	56,4	—	38,9

Приведенные в таблице цифры говорят сами за себя. Ход формирования стада животноводческих совхозов к моменту, когда пишутся эти строки, показывает, что и программа особого квартала в отношении комплектования стада будет полностью реализована [2]). Нужно иметь в виду, далее, что потребительская кооперация также интенсивно развертывает строительство своих животноводческих хозяйств (молочные фермы, свинооткормочные пункты) и в настоящее время (по данным на 20/XI-30 г.) располагает стадом крупного рогатого скота в количестве 109 тыс. голов, коров в том числе 83 тыс. голов и свиноматок 37 тыс. голов.

Для обеспечения совхозного стада необходимыми помещениями в 1930 г. (по данным на 20/XI-30 г.) построены скотные дворы, базы, свинарники и овчарни в размерах: на 633 тыс. скотомест для крупного рогатого скота, на 194 тыс. свиномест и на 1,5 млн. голов овец; кроме того, в стадии строительства находятся базы и скотные дворы для крупного рогатого скота на 396 тысяч голов, свинарники—на 148 тыс. голов и овчарни—на 400 тыс. голов.

Несмотря на то, что основные земельные массивы животноводческих совхозов находятся в отдаленных экстенсивных районах, подчас таких, где до сих пор не ступала человеческая нога, тресты, главным образом «Скотовод» и «Овцевод», почти без всякого механического оборудования сумели собрать 2,8 млн. тонн сена.

И, наконец, в столь трудном деле, каким является создание кадров специалистов и организаторов, имеются также заметные успехи: удвоено против прошлого года количество обучающихся в животноводческих вузах (с 7 тысяч доведено до 14 тыс. человек); прием в животноводческие техникумы увеличен с 6 тыс., принятых в прошлом году, до 20 тыс., уже принятых в текущем году; созданы курсы на 800 директоров животноводческих совхозов. Кроме того, дополнительно созданы курсы по переподготовке работников высшей и средней квалификации на 7,8 тыс. человек. Одновременно в Красной армии производится подготовка 15 тыс. животноводов низшей квалификации.

---

[1]) Без рабочего скота.

[2]) По данным на 20 XI—30 г., «Скотовод» уже располагает основным стадом в 1 046,1 тыс. голов, что составляет 95,1% к плану на 1 I—31 года; «Овцевод» довел свое стадо до 2.678,2 тыс. голов (121,4% плана на 1/I—31 г.) и «Свиновод»—до 177 т. голов всех свиней и в том числе 119 тыс. свиноматок, что к плану на 1/X—30 г. составляет: по всему поголовью 130,7%, и по маточному стаду—108,8%.

Все эти данные показывают, что в труднейшем деле—социалистической реконструкции животноводства—нами уже одержаны **крупнейшие успехи. Ход развертывания государственных животноводческих совхозов в крупное специализированное производство подтверждает абсолютную правильность перенесения методов разрешения зерновой проблемы в область животноводства.** Идя по этому пути, **партия уже достигла крупных успехов,** чем лишний раз опровергла предсказания правых оппортунистов, суливших нам «неизбежный» провал в этом деле и толкавших партию на путь поощрения кулацких животноводческих хозяйств.

Буржуазные экономисты и правые оппортунисты об'ясняли неблагополучие в области животноводства якобы неправильной политикой партии. Правые, вслед за буржуазными экономистами, говорили о деградации сельского хозяйства, в том числе и о деградации животноводства. Действительность опрокидывает все эти мрачные предсказания.

Мы отмечали выше те огромные успехи, которые одержаны партией в деле реконструкции животноводства. Но было бы величайшей близорукостью не видеть трудностей реализации решений партии о форсированном строительстве животноводческих совхозов. Мы имеем ряд отдельных прорывов на основных участках животноводческой стройки. Так, например, недавнее обследование РКИ показало, что работа по **сохранению скота в течение зимнего периода** ведется далеко не удовлетворительно. Несмотря на громадный об'ем строительных работ в животноводческих совхозах, строительство ими скотных дворов, телятников, свинарников и овчарен производится с большим опозданием. По «Скотоводу» план строительства животноводческих совхозов на 15 окт. 1930 г. был выполнен на 25% [1]), Молочно-овощному тресту РСФСР—45% и Центросоюзу—40%. Совхозы Молочно-масляного треста, по данным на 20 ноября с. г., обеспечены постройками на 112%; из расчета поголовья на эту же дату при выполнении плана комплектования стада в особом квартале (71.000 голов) обеспеченность понизится на 64%, а с арендой крестьянских дворов—до 80%. Почти всюду плохо обстоит дело с постройками телятников, что сулит нам осложнения весной в период массовых отелов. По отдельным районам дело обстоит еще хуже. Так, в ЦЧО план строительства «Свиновода» на тот же период времени был выполнен всего лишь на 9%, в Московской области по ряду крупных животноводческих совхозов—на 3—5%. Все это в значительной мере об'ясняется медленным выполнением ВСНХ директивы партии по снабжению животноводческих совхозов строительными материалами, а также благодаря медлительности и неповоротливости строительных организаций и недостаточному вниманию к работе животноводческих совхозов со стороны местных советских, профессиональных и партийных организаций.

В некоторых районах наблюдается **прорыв в области кормообеспечения скота.** Так, по Московской области совхозы обеспечены кормами только на 54%, по Западной Сибири—от 20 до 50%, ЦЧО—от 20 до 60%.

Неблагополучно по ряду районов с **водоснабжением.**

Почти всюду нехватает **ветеринарно-зоотехнического персонала.** Ветеринарное обслуживание не поставлено на должную высоту.

---

[1]) По данным на 20/XI—30 г. план строительства помещений для скота выполнен «Скотоводом» на 66,6%.

Устранение всех этих недостатков, мобилизация сил на ликвидацию имеющихся прорывов на животноводческом фронте являются важнейшей задачей.

Контрольными цифрами Наркомзема СССР [1]) предусматривается в 1931 г. следующий размах работы по строительству животноводческих совхозов.

Тресты	Годы	Количество совхозов	Вся земельн. площадь в млн. га
„Скотовод"	1930	150	19,7
	1931	250	35,0
„Свиновод"	1930	294	1,2
	1931	520	2,4
„Овцевод"	1930	116	12,7
	1931	132	15,0
Маслотрест	1930	38	1,0
	1931	55	1,8
По всем трестам	1930	598	34,6
	1931	957	54,2

Кроме того, в 1931 г. будет свыше 200 совхозов в республиканских животноводческих трестах, с земельной площадью в 1,7 млн. га.

Таким образом, одни лишь совхозы всесоюзных животноводческих трестов будут обладать к концу 1931 г. территорией в 54,2 млн. гектаров, или 54,0 тыс. кв. километров, т.-е. значительно больше всей территории Германии или Италии, Австрии и Дании, взятых вместе.

Формирование стада животноводческих колхозов определяется следующими цифрами (в тыс. голов):

Крупно-рог. скот	На 1/1—1931 г.	На 1/1—1932 г.	1930 г. в% к 1931 г.
„Скотовод"	1.100	3.200	291
Мол.-масл. трест	71	170	290
„Свиновод"	32	61	181
Республиканск. тресты	210	420	200
Всего по совхозам	1.413	3.851	373
Свиньи:			
„Свиновод"	310	1.967	634
Овцы:			
„Овцевод"	2.649	4.724	178

Рассматривая эти цифры, мы видим, что рост стада животноводческих совхозов находится в полном соответствии с установками, данными XVI партс'ездом. Наиболее интенсивно растет стадо «Свиновода». При наличии такого стада Свиноводтрест сумеет выполнить данные ему партс'ездом задания в отношении сдачи в 1931 году товарной продукции (не менее 400 тыс. голов) и к началу 1932 г. будет располагать основным маточным стадом в количестве 574 тыс. голов. В «Свиноводе» и др. трестах создается широкий плацдарм для дальнейшего развертывания стада животноводческих совхозов.

[1]) В тот момент, когда пишутся эти строки, контрольные цифры рассматриваются Госпланом СССР и могут быть изменены.

В совхозах будет высокий уровень товарности. Контрольными цифрами в этом отношении предусматриваются следующие показатели.

	Товарность совхозов (в процентах)		
	Мясо	Молоко	Шерсть
„Скотовод"	100	80	—
Масл трест	—	93	—
„Свиновод"	100	50[1])	—
„Овцевод"	100	100	100
Республиканск. тресты	100	93	—

При таком уровне товарности валовая и товарная продукция животноводческих колхозов определяется в следующих размерах (в тыс. тонн):

Всесоюзные тресты.

	Мясо в тыс. тонн				Молоко в тыс. тонн			
	Валов. прод.		Товарн. прод		Валов. прод.		Товарн. прод.	
	1930	1931	1930	1931	1930	1931	1930	1931
„Скотовод"	8,3	92	8,3	92	—	220	—	174
„Свиновод"	1,5	40	1,5	40	10,6	64	—	32,0
„Овцевод"	5,0	12	5,0	12	—	27[2])	—	27
Маслотрест	—	—	—	—	10,0	140	8,0	130

Кроме того, республиканские тресты дадут в 1931 г. валовую и одновременно товарную продукцию в количестве 17 тыс. тонн птичьего мяса, а также 480 тыс. тонн валовой продукции молока при 446 тыс. тонн товарной его продукции.

Удельный вес совхозов в плане мясозаготовок Наркомснаба (871,9 тыс. тонн с 1/X-30 г. по 31/IX-31 г.) будет равен 16,4%. Все эти цифры говорят о том, что первым годом действительно массовой продукции животноводческих совхозов будет 1931 год. Такой вывод, естественно, вытекает из самой сущности разведения животных, которые требуют значительно бо́льшего времени, чем вегетация растений.

В деле разрешения животноводческой проблемы важнейшая задача ложится также и на колхозы.

«Возможные темпы дальнейшего развития зернового хозяйства и преодоление кризиса животноводческого хозяйства определяются теми огромными возможностями развития производительных сил, которые таят в себе колхозы». (Из резолюции XVI партс'езда).

Поэтому, не ослабляя внимания колхозов к зерновому хозяйству, точно соблюдая требования артельного устава, борясь со всякими проявлениями перегибов, не гоняясь за обобществлением мелкого скота и птицы, допуская оставление части молочного скота в единоличном пользовании

[1]) Более низкая товарность молока по «Свиноводу» об'ясняется тем, что большое количество молока в этом тресте идет на выпойку поросят и только в некоторые периоды (между опоросами) часть молока является товарным.

[2]) Овечье.

колхозников,—надо максимально ускорить **организацию товарных животноводческих ферм в колхозах.**

Контрольные цифры Наркомзема СССР предусматривают следующую динамику обобществленного стада в колхозах.

Виды скота	На 1/1—1931 г. в тыс. гол.	На 1/1—1932 г. в тыс. гол.	1930 г. в % к 1931 г.
Крупно-рог. скот (весь)	3.903	5.529	149
В том числе коровы	1.650	2.716	165
Свиньи	1.270	4.800	379
Овцы	4.259	6.997	164

Особого внимания заслуживают **товарные фермы колхозов**, которые должны обеспечить максимальную товарность и наиболее высокую организацию животноводческого хозяйства. К осени 1930 г. молочные фермы совхозов располагали стадом в 420 тыс. коров. К концу же 1931 г. молочное стадо колхозных ферм должно увеличиться до 1,1 млн. голов. Такой прирост стада произойдет как за счет некоторого обобществления товарного молочного скота, так и, главным образом, за счет покупок колхозами скота для своих молочных ферм. Как и в совхозах наиболее интенсивно растет поголовье свиней (379%); при чем рост свиного стада в колхозах будет происходить исключительно за счет приплода и прикупки свиней (обобществление крестьянских свиней вовсе не принималось во внимание).

Одним из важнейших условий для развертывания товарного животноводства в социалистическом секторе хозяйства является **создание прочной кормовой базы.** «Для того, чтобы разрешить задачу удвоения потребления мяса и молока,—сказал на XVI партс'езде т. Яковлев,—кормовые ресурсы нашей страны нужно увеличить в полтора раза». По решению с'езда, «вся пятилетка хозяйственного развития СССР должна быть пересмотрена таким образом, чтобы было дополнительно обеспечено по меньшей мере 40 млн. га под кормовыми культурами».

Это решение обязывает к очень большой работе. Необходимо в планах каждого животноводческого совхоза и колхоза предусмотреть систему соответствующих мероприятий, обеспечивающих создание прочной кормовой базы в наикратчайший срок.

Важность кормового вопроса для животноводческого хозяйства очевидна. В Северной Америке корма занимают 61% всей посевной площади (без пастбищ и лугов с подсевом трав), а у нас под кормовыми культурами занято только 30% посевной площади.

При организации кормовой базы нужно определить основные звенья, за которые придется ухватиться всей силой организационно-технических и материальных возможностей. Если Дания разрешила у себя кормовую проблему введением концентрированных и сочных кормов, то Америка пошла по пути силосования кормов, создав целую отрасль механизированного силосного хозяйства, а Германия находит наиболее целесообразным и наиболее выгодным способом разрешения кормовой проблемы организацию широкого лугового и пастбищного хозяйства. Мы должны **использовать все эти пути организации кормовой базы**, обратив особое внимание на производство сочных кормов посредством **силосования.**

Громаднейшее значение в деле разрешения кормовой проблемы имеет **кукуруза**, являющаяся наиболее питательным и наиболее дешевым кормовым средством для скота, и особенно для свиней. **Один гектар кукурузы, используемый в виде силосного корма, равен 17 гектарам луга,** — вот цифра, которую должны запомнить организаторы животноводческих колхозов и совхозов. Ко всему этому кукуруза, как известно, является засухоустойчивым растением и убивает сорную растительность.

Где позволяет климат, нужно провести **посевы сои**, этого замечательного растения, разведение которого почти целиком покрывает потребность хозяйства в белковых кормах.

В контрольных цифрах сельского хозяйства на 1931 год одним из самых ответственных участков, несомненно, является вопрос социалистической реконструкции животноводства. Выполнение намеченных контрольными цифрами высоких темпов развертывания обобществленного животноводства обеспечивается в значительной мере тем, что, как это мы отметили выше, в совхозах уже сконцентрировано весьма значительное поголовье животных и сверх плана осуществлен землеотвод. Этот факт, при условии, конечно, дальнейшего развертывания кампании содействия советской общественности строительству животноводческих совхозов, вполне обеспечивает практическое осуществление тех грандиозных планов, которые во исполнение заданий партии намечаются контрольными цифрами Наркомзема СССР. Так, при сравнении поголовья совхозов и колхозов к концу 1931 г. с поголовьем других стран (по данным на 1928 г.) оказывается, что **стадо крупно-рогатого скота совхозов и колхозов будет равно почти 50% всего крупно-рогатого скота Германии, или стаду взятых вместе Швейцарии, Голландии, Дании, Финляндии и Эстонии; овечье стадо совхозов и колхозов будет равно стадам Германии, Польши, Литвы и Венгрии, вместе взятым; свиное поголовье Свиноводтреста и колхозов будет равно свиному стаду Дании и Англии** (без колоний). Насколько грандиозна программа социалистической реконструкции животноводства на базе совхозов и колхозов!

Наличие столь значительного поголовья определяет получение в 1931 г., как выше мы уже отмечали, большой валовой и товарной продукции животноводства. При этом соотношение валовой и товарной продукции в обобществленном секторе резко отличается от того же соотношения в индивидуальном секторе в сторону **значительного повышения товарности в первом.**

Животноводческие тресты—«Скотовод», «Свиновод», «Овцевод», молочные и птицеводные—должны выполнить такую же роль в животноводстве, какую Зернотрест сыграл в зерновом хозяйстве. На примере специальных, крупных животноводческих совхозов мы сумеем доказать бедняцко-середняцким массам преимущество крупного хозяйства и в этой отрасли.

Если зерновые совхозы,—по словам т. Сталина,—«с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации», то и животноводческие совхозы должны способствовать обобществлению колхозами индидуального животноводства. Животноводческие совхозы создадут нам материальную базу для коллективизации животноводства. Крупный государственный инкубаторий в 500—1.000 тыс. яйцемест в короткий срок

экономически заменит беспородную малопродуктивную крестьянскую курицу.

Организация молочного хозяйства на основах рационализации, с использованием богатого технического опыта заграницы и с возможной в наших условиях механизацией производственных процессов, с хорошо организованной базой и с правильно поставленным кормоиспользованием, т.-е., в первую очередь, с производством силоса, с рациональным кормлением скота по нормам и т. д.,—несомненно, окажет громадное организующее влияние. Когда крестьянин увидит, что не заморская, а его же обыкновенная корова, поставленная в лучшие условия содержания и ухода, дает в два-три раза больше молока (а достигнуть этого можно и притом в короткий сравнительно срок), он поймет всю бессмысленность индивидуальной эксплоатации молочного скота и добровольно обобществит своих коров.

Беря решительный курс на создание крупного обобществленного животноводческого хозяйства, мы должны, разумеется, принять меры для под'ема животноводства в индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйствах. В 1931 году в области животноводства должен получить широкое применение метод контрактации. Контрактация будет способствовать сохранению скота и увеличению товарной продукции животноводства. Нужно провести энергичную борьбу с хищническим истреблением скота и особенно молодняка.

Далее необходимо довести до сведения широчайших масс бедняцко-середняцкого крестьянства директивы партии в связи с проблемой животноводства и правительственные мероприятия по стимулированию животноводства, как-то: новый закон о с.-х. налоге, предоставляющий много льгот колхозам и индивидуальным бедняцко-середняцким хозяйствам в отношении животноводства, раз'яснение «примерного устава сельскохозяйственной артели» о том, что «устав не ограничивает права членов с.-х. артели выращивать молодняк, рогатый скот и свиней», о содействии колхозам и развитию животноводства в индивидуальном пользовании колхозников; о содействии организации кормовой базы, последний декрет ЦИК и СНК СССР о необходимости принять решительные меры против хищнического убоя скота, и т. д.

Само собою разумеется, что трудные задачи строительства животноводческих совхозов не могут быть разрешены одними ведомственными усилиями. Нет никакого сомнения, что без самой активной помощи партийных организаций и всей советской общественности система Зернотреста не сумела бы превратиться в сравнительно короткий срок в такую мощную организацию социалистической реконструкции сельского хозяйства, какую она теперь собой представляет.

Наши животноводческие совхозы должны также работать в атмосфере всеобщего внимания. Июльское постановление ЦК партии об организации животноводческих совхозов обязывает местные парторганизации оказать животноводческим совхозам содействие не меньшее, чем совхозам Зернотреста. Эта директива ЦК должна быть выполнена.

Вокруг строительства животноводческих совхозов необходимо мобилизовать внимание всей пролетарской общественности. В животноводческих совхозах, располагающих уже большой армией с.-х. рабочих, необходимо организовать в широких размерах социалистическое соревнование, ударничество и встречный промфинплан. Вся работа по строительству животноводческих совхозов должна быть взята под бдительный контроль рабочего класса.

Нет сомнений, что партия сумеет по-большевистски преодолеть возникающие на путях строительства животноводческих совхозов трудности.

Это лидеры право-«левого» блока вещают нам провал в деле развития обобществленного животноводства, высказывают неверие в возможность разрешения поставленных перед партией задач. Право-«левый» блок, как известно, в своей платформе (Сырцов) в отношении программы партии в области реконструкции животноводства высказывал «...большие сомнения насчет того, удастся ли нам эту программу осуществить». Жизнь дала ясный ответ на этот вопрос. Решительно преодолевая затруднения на этом пути, вопреки паникерским предсказаниям право-«левых» оппортунистов блока Сырцова—Ломинадзе, партия методами решения зерновой проблемы разрешит и проблему животноводства.

Центральный Комитет в сентябрьском обращении «Ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям» указал, что «в будущем, 1930/31 г. мы должны обеспечить также большевистские темпы развития социалистического, совхозного и колхозного, сектора в сельском хозяйстве выполнением огромных производственных программ таких организаций, как Зернотрест, «Скотовод», «Свиновод» и др.».

При проведении всей этой работы нужно помнить, что социалистическая реконструкция животноводства сопровождается крайне резким обострением классовой борьбы. На этом участке разгром кулачества еще далеко не завершен. Влияние кулацкой агентуры в лице правых оппортунистов еще сильно дает себя чувствовать при практическом разрешении животноводческой проблемы. Мешают развертыванию работы и «левые» загибы. И вредители в бешеной борьбе против советской власти приложили свою руку к этому делу.

Неустанная классовая бдительность, беспощадное подавление кулачества, самая решительная и непримиримая борьба против оппортунизма во всех его видах составляют центральную задачу партийных организаций в деле осуществления решений XVI с'езда и ЦК партии в области животноводства.

Мы должны упорно и настойчиво поработать для создания образцов крупного животноводческого хозяйства, для организации социалистических фабрик мяса, молока, шерсти, тем более, что в силу целого ряда причин социалистическая реконструкция животноводства является делом более трудным, чем реконструкция зернового хозяйства. Но, если наша партия на примере зернового хозяйства смогла показать «возможность при диктатуре пролетариата непосредственного перехода от отсталого, малопроизводительного, мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству» (резолюция XVI партс'езда),—она сумеет справиться и с трудным делом коренного переустройства животноводства на новой технической и социальной базе.

Опираясь на творческий энтузиазм рабочего класса и коллективизирующегося крестьянства; сплачивая батрацко-бедняцкие слои деревни и организуя в союзе с ними середняцкие массы для совместной борьбы против кулака, для ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации; ведя ленински-непримиримую борьбу против правого уклона, являющегося главной опасностью на данном этапе, против рецидивов троцкизма, против двурушников, сколачивающих беспринципный право-«левый» блок, наша партия разрешит стоящую перед нами важнейшую проблему социалистического переустройства сельского хозяйства—проблему социалистической реконструкции животноводства.

Г. Смолянский.

Стачка металлистов и перспективы революционного профдвижения в Германии.

Стачка 140 тыс. берлинских металлистов стала, несомненно, исторического значения событием в развитии революционной классовой борьбы в Германии. Уже одно то обстоятельство, что огромная стачка вспыхнула и продолжалась две недели — с величайшим упорством обеих борющихся сторон, в разгар экономического кризиса, при наличии 21,5% безработных металлистов в конце сентября и 22,4%, работающих неполную рабочую неделю,— показывает значение (в том числе и международное) этой стачки. Если год назад биржевой крах в Америке и последовавший затем острейший экономический кризис разоблачили реформистско-оппортунистическую легенду об американском «просперити», то сейчас берлинская стачка металлистов с неменьшей ясностью вскрыла и разоблачила другую такую же легенду — о невозможности крупных стачечных боев в условиях экономического кризиса и массовой безработицы. Более того, значение этой стачки еще особо подчеркивается тем обстоятельством, что стачка эта произошла в Берлине, где в течение шести лет—с 1924 г.— не было больших экономических боев. Наконец, это было первое, со времени кризиса, серьезное выступление германского пролетариата против грабительского похода предпринимателей на жизненный уровень немецких рабочих; тем самым эта стачка была направлена против «гвоздя» фашистской экономической программы правительства Брюнинга, активно поддерживаемого социал-фашистами и реформистской профбюрократией. Все это с несомненностью позволяет утверждать, что берлинская стачка металлистов представляет собою крупное звено в новой полосе больших революционных классовых боев, в которую вступил германский пролетариат. В этом именно п о л и т и ч е с к о е значение берлинской стачки металлистов, которое ставит ее на более высокую ступень по сравнению с экономическими боями в Мансфельде и на северо-западе Германии.

Экономический кризис в Германии не только не проявляет тенденций к смягчению, но после чуть заметного сезонного колебания принял еще более глубокие и острые формы. За исключением пищевой промышленности, все важнейшие отрасли производства показывают осенью этого года значительное движение назад. Даже Институт кон'юнктурных исследований вынужден официально констатировать продолжающуюся и растущую «депрессию»: продолжает падать продукция, падают биржевые индексы, катастрофически растет кризис государственного бюджета. При этом самым ярким показателем является не только дальнейший процесс развития кризиса вообще, но и нарастание т е м п а всех показателей кризиса. Это легче всего проследить на примере движения безработицы. За период между сентябрем 1929 года и февралем 1930 года, когда расширенный Президиум ИККИ констатировал

назревание мирового экономического кризиса, число безработных членов профсоюза металлистов выросло с 8,9% до 15,7%, а до начала сентября 1930 г.— до 21,5%. У текстильщиков за этот же период цифры безработицы составляли 11,1%, 12,8%, 17,3%. Эти цифры показывают более быстрый темп роста безработицы между февралем и сентябрем 1930 г., чем между началом экономического кризиса и февральским расширенным Президиумом ИККИ. При этом следует иметь в виду, что период от февральского расширенного Президиума ИККИ приходится на летний сезон, когда безработица обычно смягчается.

Нет никакого сомнения, что экономический кризис в Германии далеко не достиг еще своего наинизшего пункта, и ближайшие зимние месяцы принесут еще большее ускорение темпа развития кризиса.

Наряду с этим идет быстрый процесс перерастания экономического кризиса в политический и крайнее обострение классовых противоречий в стране. Правительство Брюнинга выработало, как известно, программу грабежа германского пролетариата: 520 млн. марок снижения жалованья чиновникам и служащим, 515 млн. снижения расходов по страхованию от безработицы и «если необходимо — законодательное снижение зарплаты». Министр труда Штегервальд, член партии центра, в своем выступлении в Кельне в ноябре этого года, на заседании Союза изучения государственно-правовых наук, цинично заявил, что рабочим придется мириться со с н и ж е н и е м с в о е г о ж и з н е н н о г о у р о в н я н а 10—15%. Отдельные предприниматели идут еще дальше. Так, например, Лангиемское об'единение стали на своем с'езде потребовало 20% снижения зарплаты. Как Штегервальд, так и предприниматели рассматривают это снижение лишь как «первый шаг к оздоровлению германского хозяйства». Нужно сказать, что уже и сейчас, в результате массовой безработицы, зарплата снизилась, по сравнению с началом 1930 г., н е м е н е е ч е м н а о д н у ш е с т у ю. Еще в феврале, во время расширенного Президиума ИККИ, зарплата была почти на том же уровне, что год тому назад. С того времени, по исчислению известного буржуазного статистика Кучинского, недельная зарплата германского рабочего в результате безработицы была в марте 1930 г. ниже прошлогодней на 1,75 м.; апреле — на 4 м.; мае — на 5,35 м., июне — на 5,85 м., июле — на 6,45 м., августе — на 6,9 м.; сентябре — на 7,1 м.

Естественным последствием этого положения явилось у с к о р е н и е т е м п а р а д и к а л и з а ц и и широких масс германского пролетариата, нашедшее свое выражение уже на парламентских выборах 14 сентября т. г., а затем в героической стачке берлинских металлистов. После большой волны стачечного движения осенью 1928 г. и зимой 1929 года (рурский локаут, стачка текстильщиков Мюнхен-Гладбаха, забастовка гамбургских судостроителей и др.) во второй половине 1929 года и особенно со времени назревания экономического кризиса шло сокращение стачечной борьбы. Если в течение первых шести месяцев 1929 года было 256 стачек с количеством участников 188,9 тыс. и 3.108,8 тыс. потерянных рабочих дней, то за этот же период 1930 г. было 129 стачек с количеством участников 34,6 тыс. и числом потерянных рабочих дней — 319,6 тыс. [1]). Социал-фашисты и оппортунисты всех мастей на этом основании делали вывод о невозможности развития экономической борьбы в условиях кризиса. Историческая заслуга расширенного февральского Президиума ИККИ заключалась в том, что он сумел разглядеть назревание мирового экономического кризиса и неизбежное нарастание (после временного затишья на первой фазе кризиса, благодаря массовой безработице и увольнениям) новой стачечной волны. Эти тенденции нового оживления стачечных боев уже заметны были в Германии

[1]) Это — статистические данные органа министерства труда «Reichsarbeitsblatt», дающие неполную картину (целый ряд стачек замалчивается), но, несомненно, отражающие тенденцию развития.

с весны 1930 года: забастовка 11 тыс. швейников, упорнейшая стачечная борьба в Мансфельде и на северо-востоке Германии. Это видно и по официальному статистическому движению стачечной борьбы по триместрам. В январе—марте 1930 года была 61 стачка с количеством потерянных рабочих дней 114,9 тыс., в апреле — июне — 71 стачка и 204,6 тыс. потерянных рабочих дней. Уже здесь мы видим тенденцию нарастания как количества самих экономических боев, так, особенно, числа потерянных рабочих дней, что говорит о большем упорстве и ожесточенности этих стачек.

На этом фоне берлинская стачка 140 тыс. металлистов, длившаяся около двух недель, т.-е. свыше полутора миллионов рабочих дней, явилась, конечно, поворотным пунктом. Как в 1928 году большие экономические бои начались лишь после VI конгресса Коминтерна и IV конгресса Профинтерна, открывая собою новую страницу в истории стачечной тактики компартий и революционного профдвижения и знаменуя начало осуществления в этой области тактики «класс против класса» (самостоятельное руководство экономическими боями),— так и в 1930 г. мы видим тотчас же после V конгресса Профинтерна вторую волну массовых экономических боев, знаменующую начало осуществления генерального курса V конгресса Профинтерна на самостоятельное революционное профдвижение в Германии.

Каковы основные уроки берлинской стачки металлистов?

Первый, важнейший урок заключается в политическом значении стачки берлинских металлистов, которая не только является выражением чрезвычайного обострения классовых противоречий в стране, но, в свою очередь, представляет собой могучий фактор в дальнейшем процессе революционизирования массовых выступлений. Германский рабочий класс стоит перед серьезнейшими экономическими боями. В течение ближайшего месяца предстоит пересмотр тарифного договора в огромной части металлической промышленности, в частности — Нижне-Рейнской области. Истекает срок договора для 350.000 рурских горняков, где предприниматели уже пред'явили требование 10% снижения зарплаты и где борьба неизбежна. Кончается тарифный договор и в химической промышленности для 300 с лишним тысяч рабочих. В марте 1931 г. предстоит пересмотр тарифного договора во всей строительной промышленности, у транспортников и для значительной части кожевенной и текстильной промышленности. В общей сложности не менее 3.000.000 рабочих стоят перед острейшими экономическими конфликтами с наступающими предпринимателями. И как раз наиболее серьезные экономические бои предстоят в ближайшие недели на основных участках германского народного хозяйства — в металлической и горной промышленности (Нижний Рейн и Рур). Отсюда понятно, какое значение для германской компартии и революционного профдвижения приобретает сейчас проблема своевременной и энергичной политической подготовки предстоящей борьбы.

Иначе говоря, речь идет об опасности отставания суб'ективного фактора от темпа развития классовых противоречий. Нужно сказать, что большинство коммунистических партий в течение прошедшего года экономического кризиса не сумели в достаточной степени использовать этот кризис в целях организации классовой борьбы. Германская компартия в общем, несомненно, освоила политическую перспективу, вытекающую из нынешней фазы развития экономического кризиса. Но берлинская стачка металлистов показала, что далеко не все средние и низовые звенья компартии и революционной профоппозиции подготовлены к практической реализации тактики, вытекающей из этой перспективы. В частности как политическая, так и организационная подготовка стачки была весьма недостаточна. Правда, до 14 сентября партия была целиком поглощена избирательной кампанией, но уже один тот факт, что ко времени стачки налицо было лишь около 30 комитетов подготовки борьбы, при наличии одних только

276 предприятий, входящих в Об'единение берлинских металлопромышленников, говорит о крупных недостатках подготовки борьбы. Здесь сказались не только об'ективные причины перегруженности партийной организации избирательной кампанией и организационные слабости революционной профоппозиции, насчитывавшей к началу забастовки лишь около 1.000 зарегистрированных рабочих-металлистов, но и известная недооценка значения борьбы, а также неверие в боевую готовность берлинского пролетариата, имевшие место в отдельных звеньях компартии и революционной профоппозиции. Сказалось и то, что выборная борьба не была достаточно увязана с подготовкой предстоящих экономических боев.

Характерно, что все оппортунистические элементы, имеющиеся еще в наших рядах, как правые, так и «левые» (не говоря уже о брандлерианцах и троцкистах вне партии, открыто выполнявших во время стачки роль социал-фашистского агитпропа), выступали с пессимистической оценкой перспективы борьбы. Если, с одной стороны, речь шла о прямой боязни борьбы и проявлении профсоюзного легализма, то, с другой стороны, третирование социал-демократических и реформистских рабочих как сплошной штрейкбрехерской массы приводило к той же теории «стачечного самотека» и пассивности на деле.

Берлинская партийная организация повела энергичную борьбу против этой недооценки предстоящей стачки металлистов. Но при этом была допущена ошибка, позволившая социал-демократам легче провести свой позднейший маневр—якобы участия и возглавления реформистским союзом стачки металлистов. Эта ошибка заключалась в том, что за месяц до забастовки она была об'явлена точно на установленный заранее срок— 6 октября. Этим схематическим решением суживалась возможность маневрирования для революционной профоппозиции и, наоборот, была дана передышка реформистской профбюрократии. Эта ошибка была исправлена. Но вслед затем последовала другая ошибка, уже непосредственно вытекавшая из недооценки боевой готовности масс многими функционерами революционной профоппозиции и заключавшаяся в том, что начало забастовки было приурочено к 3 ноября, т.-е. к тому дню, когда непосредственно должно было начаться снижение зарплаты в результате постановления 1-й арбитражной комиссии. Такая потеря темпа уже имела место летом этого года, во время стачки в Мансфельде, где начало забастовки тоже было приурочено ко дню фактического снижения зарплаты, что, учтя нарастающее боевое настроение масс, пришлось исправить на специальной конференции революционной профоппозиции. То же произошло сейчас и в Берлине. Когда референдум, об'явленный реформистским союзом, стал выявлять чрезвычайно боевое настроение масс, революционная профоппозиция в ночь с 11 на 12 октября об'явила забастовку. Насколько это было своевременно, видно из того, что правление реформистского союза сочло себя вынужденным тотчас же вслед за этим об'явить от имени союза забастовку.

Второй урок касается ряда вопросов стачечной тактики. Не следует забывать, что самый факт отсутствия в Берлине большого забастовочного движения в течение целых 6 лет и то, что за весь третий период берлинские организации компартии и революционной профоппозиции не имели еще боевого крещения в крупных экономических боях на основе тактики «класс против класса»,—должен был здесь создать добавочные расходы по сравнению с теми районами, которые за последние два года пережили массовые стачечные движения. И мы видим, действительно, что в процессе стачки приходилось преодолевать последствия этой своеобразной «отсталости» берлинской организации. В целом ряде предприятий коммунисты просто робели перед маневрами социал-фашистов. В других случаях коммунисты проявляли такую же консервативность по отношению к рабочей мо-

лодежи и старикам, как и самые отсталые социал-демократические рабочие. Величайшим достижением берлинской стачки было, между прочим, то, что удалось вовлечь в забастовочное движение *около тысячи подростков-учеников*. Дело в том, что правление реформистского союза воспретило старикам и инвалидам войны покидать работу из боязни увольнения этих рабочих и обременения союза еще новой группой безработных. И не мало коммунистов оппортунистически поплелись в этом вопросе в хвосте у реформистов. Не мало было и родителей-коммунистов, которые выступали против участия в забастовке учеников, боясь за дальнейшую работу своих детей.

Не сразу также привилось и *массовое стачечное пикетирование*. Рабочие зачастую значительно *опережали* в этом вопросе функционеров революционной профоппозиции. Так, например, когда на заводе Всеобщей компании электричества—Трептов решался вопрос о стачке, председатель красного завкома предложил собранию на следующее утро делегировать по 2—3 рабочих от каждого цеха в качестве пикетчиков. Но собрание тут же решило, *по инициативе самих рабочих*, отправиться *всем заводом* на стачечное пикетирование.

Но все эти отдельные недостатки и слабости все же в общем и целом отходят на второй план по сравнению с теми *огромными положительными достижениями* революционной профоппозиции, которые показала берлинская стачка металлистов. Если подготовка стачки, особенно в ее первой фазе, была весьма недостаточна, то само руководство борьбой велось с величайшей энергией и уже само по себе является большим политическим достижением компартии и революционной профоппозиции. К концу забастовки в 165 предприятиях были самостоятельные комитеты борьбы революционной профоппозиции. Большим достижением было включение по зову революционной профоппозиции в борьбу нескольких десятков предприятий, не входящих в Об'единение берлинских металлопромышленников, несмотря на прямой запрет реформистского профсоюза этим заводам бастовать. Революционной профоппозиции удалось почти на 30 таких заводах создать широкие комитеты борьбы.

Сама революционная профоппозиция вышла из этой борьбы *с мощным ростом своей массовой базы*. Количество зарегистрированных членов революционной профоппозиции к концу забастовки достигало 14 тыс. человек, т.-е. увеличилось почти в 15 раз. В результате забастовки профоппозиции удалось серьезно проникнуть на заводы-гиганты—Сименса и ВЭК,—где позиции ее раньше были очень слабы. Благодаря вовлечению многих тысяч рабочих в руководство забастовкой через местные комитеты борьбы, удалось создать актив революционной профоппозиции не менее чем в 4 тыс. человек. Большую популярность центральному стачкому создала и та кампания солидарности, которая была им предпринята особенно в Берлине и в его окрестностях. Сборы среди рабочих в пользу бастующих дали около 40 тыс. марок. Еще более показательны сборы продуктов, которые велись среди пригородного крестьянства и берлинских мелких торговцев. Эти сборы были столь значительны, что позволяли в последние дни забастовки высылать в рабочие районы для бастующих 40.000 обедов в день. Этот факт крайне показателен для нынешнего политического положения в Германии и характеризует рост оппозиции среднего и бедного крестьянства и мелкой буржуазии города фашистской политике правительства Брюнинга.

Третий урок относится к *социал-демократии*, в частности — к оценке способностей социал-демократии к *маневрированию*. В нынешних условиях Германии вопрос о процессах, происходящих внутри социал-демократической партии и реформистских профсоюзов, как и вопрос о завоевании нами реформистских рабочих, приобретает *исключительное* значение. Внутри социал-демократической партии растет

стихийный бунт пролетарских низов против гнусной роли социал-фашистского руководства. Появилась и растет *безымянная* рабочая оппозиция. Рабочие жаждут *борьбы с фашизмом* и пока еще ищут ее на путях социал-демократии. Это движение получило особенное распространение среди реформистской молодежи, которая создала даже специальные боевые отряды борьбы с фашизмом, распущенные ныне социал-демократическим комитетом. В частности, это движение нашло особый отклик среди рабочей молодежи металлистов. Секретарь организации молодежи берлинского союза металлистов Гельвиг счел себя даже вынужденным занять самые «левые» позиции, чтобы не выпустить из рук политического руководства. В самом союзе металлистов чрезвычайно поколеблена позиция председателя берлинского союза Уриха, одного из самых реакционных—и до сих пор крепко сидевшего на своем месте—профбюрократов. Численность берлинского союза металлистов катастрофически падает. Если верить заявлению Гельвига на публичном собрании в Берлине, союз металлистов потерял почти ⅔ своего состава, снизившись до 28 тыс. чел. Надо думать, что, вопреки традиции профбюрократов, эта цифра на этот раз была преуменьшена для того, чтобы оправдать перед берлинскими рабочими неслыханное предательство, мол, союз был слишком слаб, чтобы продолжать борьбу. Во всяком случае, союз потерял в Берлине десятки тысяч своих членов. И, тем не менее, реформисты были в состоянии сманеврировать и исподволь проводить свою штрейкбрехерскую работу. Революционная профоппозиция после предательства реформистов и постановления о новом арбитраже оказалась не в состоянии самостоятельно продолжать дальнейшую борьбу. *Большая заслуга* берлинских организаций—компартии и революционной профоппозиции заключается именно в том, что они сумели во-время учесть значение штрейкбрехерского прорыва на двух крупнейших предприятиях Берлина—заводе Сименса и Всеобщей компании электричества— и *своевременно* прекратить забастовку. Вопрос *о путях* нашего проникновения в самую гущу социал-демократических рабочих, *о лозунгах*, которые способны на данном этапе перерастания экономического кризиса в политический, на данном этапе кризиса социал-демократии *оторвать* от нее идущие за ней рабочие массы,—становится в центре нашего внимания.

Серьезным *уроком* является также и поведение *фашистов* во время забастовки. Фашисты и до забастовки, и во время нее, и после нее фактически одинаково занимались штрейкбрехерством. Но во время забастовки они стали бросать демагогические лозунги. Когда массовая забастовка стала фактом, национал-социалисты об'явили о своем присоединении к стачке. От имени фашистской организации Гебельс даже распорядился об исключении из организации тех национал-социалистов, которые являются штрейкбрехерами. Конечно, их маневр нетрудно было разоблачить, ибо штрейкбрехерская работа их была налицо. Но все же факт, что десятки тысяч рабочих, ушедших из реформистского союза, покуда политически пребывают неизвестно где, и можно думать, что известная часть их временно перехватывается национал-социалистами.

Наконец, *историческим* событием явилось завершение стачки металлистов образованием *нового* самостоятельного революционного союза. V Конгресс Профинтерна принял знаменательную резолюцию о курсе на самостоятельное революционное профдвижение в Германии, исходя из наличия в этой стране уже сложившейся политической и организационной базы революционной профоппозиции. Создание нового союза, последовавшее после открытой предательской сделки социал-фашистов с предпринимателями, явилось выражением огромного продвижения революционной профоппозиции в Берлине вперед за период забастовочной борьбы и намечает путь дальнейшего развития революционного профдвижения в Германии. Именно в этом смысле создание нового союза является историческим событием *обще-*

германского и даже международного значения. Это—первый серьезный шаг по пути практического выполнения директивы V Конгресса Профинтерна.

Вот почему перед компартией и революционной профоппозицией Германии стоит сейчас ударнейшая задача—наиболее быстрого превращения нового революционного союза в массовую организацию. Предпосылки для этого есть. В учредительной конференции по созданию нового союза приняло участие 817 делегатов от 157 предприятий. Измена профбюрократии и особенно второй арбитражный приговор, утвердивший двумя приемами снижение зарплаты на 8%, вызвали бурю возмущения в рядах берлинских металлистов Новый революционный союз может и должен быть массовым. Суть решения V Конгресса Профинтерна заключается в том, чтобы не повторить создания сектантских организаций, какие имели место в 1923—1924 гг. Сейчас об'ективные условия совершенно иные, чем тогда. Чем дальше будут обостряться классовые противоречия в стране, тем больше будет отход рабочих от реформистской профбюрократии. И тем важнее своевременно организовать выполнение директивы V Конгресса Профинтерна.

Компартия и здесь освоила политическую задачу настоящего периода. Момент создания нового союза был выбран наиболее подходящий, когда широкие массы могли на деле убедиться в провокаторском характере маневрирования социал-демократии, примазавшейся вначале к забастовке. Нужно сказать, что и здесь партия столкнулась с рядом оппортунистических вылазок. «Массы рабочих за нами не пойдут»,—говорили рыцари профсоюзного легализма. Берлинской организации КПГ в одном из районов пришлось даже кое-кого исключить из партии за открытую агитацию против нового союза. С другой стороны, не менее характерными оказались выступления некоторых прошлогодних «леваков», которые тогда требовали немедленного раскола, когда ситуация этого, безусловно, еще не позволяла, а сейчас, в момент боя, в оппортунистическом испуге отступают и разводят теории о возможности самостоятельного революционного профдвижения только после победы пролетарской революции. Так осуществляется право-«левый» блок оппортунистов на международной арене!

Но нельзя сказать, чтобы строительство нового союза металлистов шло без трудностей и ошибок. Многие товарищи поняли создание нового союза как «локальное» явление, проглядев начало нового исторического этапа в развитии революционного профдвижения в Германии. Между тем, центральная задача,—и в этом именно был смысл резолюции V Конгресса Профинтерна,—заключается в том, чтобы использовать берлинскую стачку и создание нового союза металлистов в Берлине как исходный момент для развертывания нового союза в общегерманском масштабе.

Это не значит, конечно, что надо немедленно механически создавать повсеместно новые союзы и союзики металлистов. Но это значит, что разворачивающаяся классовая борьба и массовое брожение внутри социал-демократии и реформистских профсоюзов должны быть самым энергичным образом использованы для строительства самостоятельного революционного профдвижения.

Несомненно, социал-фашистская профбюрократия начнет сейчас свирепо расправляться с коммунистами и членами революционной профоппозиции. Уже сейчас в целом ряде союзов проводится система «реверсов», по которым от коммунистов и членов революционной профоппозиции ультимативно требуется в письменном виде отказ от участия в революционном профдвижении. Уже сейчас начинаются массовые исключения из реформистских профсоюзов. Реформисты сейчас прямо заявляют, что время теперь не то и что при наличии самостоятельного союза металлистов они не допустят одновременного пребывания в рядах реформистского профсоюза и в революционной профоппозиции. Социал-демократическая верхушка вообще готовится про-

извести серьезную хирургическую операцию для того, чтобы предупредить разложение всего организма. Отто Вельс публично заявил о том, что он предлагает исключить сейчас 3.000 членов социал-демократической партии для того, чтобы не потерять сотни тысяч после раскола.

Все это говорит о том, как быстро и решительно должны действовать компартия и революционная профоппозиция для охвата рабочих масс. Между тем, рост нового союза хотя идет и очень быстрыми шагами (в последние недели на 300—400 чел. в день), но имеет ряд серьезных теневых сторон, указывающих как раз на наиболее слабые звенья нашей работы. В то время, когда из реформистского союза металлистов в Берлине ушли десятки тысяч рабочих, новый союз пока пополняется в подавляющей своей части из неорганизованных рабочих и из членов существовавших до сих пор мелких отдельных революционных организаций металлистов. Несомненно, что в самом процессе строительства нового союза была допущена берлинской профоппозицией известная потеря темпа.

Подведем итоги. Стачка металлистов в Берлине показывает ясно и четко место экономических боев в общей системе классовой борьбы на нынешнем этапе перерастания экономического кризиса в политический. Предстоящие большие экономические бои могут и должны стать исходным моментом развития массовой политической стачки в Германии и больших революционных классовых боев вообще. Берлинская стачка металлистов явилась исторической проверкой решений V Конгресса Профинтерна, подтвердившей правильность важнейших директив конгресса. Предстоящие большие экономические бои явятся исторической проверкой правильности генерального курса на самостоятельное революционное профдвижение в Германии, на создание всегерманского профсоюза металлистов—в первую очередь. Компартия и революционная профоппозиция смогут осуществить эту задачу только в том случае, если будет уничтожена основная слабость революционной профоппозиции, обнаруженная в стачке металлистов,—чрезвычайная недостаточность организационной базы. Состоявшаяся после создания нового союза Всегерманская конференция профоппозиции явилась первым серьезным камнем в новом организационном здании революционной профоппозиции. Новый союз металлистов будет иметь успех только в том случае, если налицо будет крепко организованная профоппозиция и энергичная революционная работа внутри реформистских профсоюзов. Простой механический переход коммунистов и революционной профоппозиции в новый союз, без отрыва самых широких масс реформистского профдвижения, не может служить достаточной базой для массового самостоятельного революционного профдвижения.

Эту задачу конференция революционной профоппозиции поняла.

«Стачка берлинских металлистов,—говорит резолюция этой конференции,—и создание нового красного союза металлистов, как непосредственный результат стачки, есть важнейшее событие рабочего движения в последние месяцы. Красный союз металлистов есть выражение бурного продвижения вперед революционной профоппозиции... Революционная профоппозиция и созданный в результате борьбы красный союз металлистов куют единый фронт рабочих, указывают и организуют революционный выход из голода, нищеты и экономического кризиса».

Эти три события революционного профдвижения Германии после V Конгресса Профинтерна—стачка металлистов, создание нового союза и Всегерманская конференция революционной профоппозиции — являются залогом того, что КПГ и революционная профоппозиция сумеют возглавить предстоящие большие экономические бои и выдержать исторический экзамен.

И. А. Теодорович. „Историческое значение партии „Народной Воли“. Москва, 1930 г.

Происходившая зимой 1929/30 года дискуссия о «Народной Воле» формально была связана с пятидесятилетием этой замечательной организации. По существу же дискуссия возникла в связи с оживлением на идеологическом фронте, отразившем обострение классовой борьбы в стране на новом этапе социалистического строительства. Бурный под'ем коллективизации, необычайно широкий, имеющий всемирно-историческое значение поворот бедняцко-середняцких масс крестьянства в сторону социализма, ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, — все это не могло не поставить в порядок дня проблемы отношения к «крестьянскому социализму» в его историческом развитии.

В центре дискуссии довольно долго стояла статья тов. Теодоровича, напечатанная в № 8—9 «Каторги и ссылки» за 1929 г. и перепечатанная в рецензируемой книжке. Да и вся почти книга составлена из выступлений автора в этой дискуссии.

Тезисы Культпропа ЦК о «Народной Воле» дают основную установку в данном вопросе, борясь на два фронта — против неленинских позиций в характеристике народничества вообще и народовольчества в частности, против меньшевистско-троцкистской недооценки роли крестьянства и народничества и против воскрешения народнических, мелкобуржуазных взглядов на крестьянство и на взаимоотношения пролетариата с крестьянством, особенно в период строительства социализма.

Тов. Теодорович собрал все свои статьи вместе, приложил тезисы Культпропа ЦК, его осуждающие, говорящие о нем, как о «крестьянском философе» (удачное выражение т. Сталина), «пересматривающем ленинское понимание революционного наследства, вошедшего в арсенал ВКП(б)».

Мысль т. Теодоровича проста: вот что я говорил, а вот что обо мне написано в тезисах Культпропа ЦК, — судите сами, насколько неправы те, кто меня осуждает.

Итоги дискуссии, — а их уже можно вчерне подвести — говорят о том, что оценка, данная тов. Теодоровичем, оказалась на 100% правильной.

Книга Теодоровича для разработки истории самой «Народной Воли» мало интересна, ибо меньше всего в ней истории. Политики же в ней много.

Была ли дискуссия о «Народной Воле» случайной? Не было ли здесь раздутой придирки к неудачной статье т. Теодоровича?

Дискуссия показала, что споры о «Народной Воле» не ограничиваются рамками рассмотрения сущности этой организации. Речь шла об отношении к революционным движениям крестьянства вообще.

В дискуссии обнаружилось, что без уяснения некоторых общих методологических положений нельзя двинуться вперед в изучении «Народной Воли». И прежде всего, необходимо было выявить точку зрения Ленина на «Народную Волю». Борьба за ленинское понимание «Народной Воли» — вот что лежало в основе этой дискуссии.

Центральным пунктом своего выступления т. Теодорович сделал следующее утверждение, которое он защищал и защищает на протяжении всей книги: социалистическая революция и Октябрь были предвосхищены народовольцами. Социалистическая революция, во-первых, разбила старую государственную машину, во-вторых, создала советскую власть, в-третьих, взращивает, как осторожно пишет Теодорович, — «элементы социалистической экономики», в-четвертых, создает переходный период — нэп.

> «Внимательное изучение народовольческих документов, — пишет Теодорович, — приводит нас к констатированию того факта, что в результате своего богатого политического опыта идеологи мелкого товарного производителя уже нащупывали в одних случаях — более, в других— менее ясно все вышеперечисленные четыре момента» [1]).

Мы не будем останавливаться на аргументации т. Теодоровича — она подробно разобрана в дискуссионной литературе — остановимся только на методологической стороне вопроса, отметим предварительно, что уже в дискуссии было обращено внимание на характеристику т. Теодоровичем нэпа. Оппортунистическая их сущность била в глаза. Когда Теодорович утверждал, что «Народная Воля» в довольно ясной форме нащупывала идею переходного периода, идею нэпа, предпосылая ей идею диктатуры, но, конечно, не пролетариата, а «революционного народа» — то под нэпом он понимал следующее: «Наличие банка предполагает наличие денежного обращения, наличие рынка и проч. А это является сутью нэпа».

Именно потому, что это определение выдавало т. Теодоровича с головой, он, перепечатывая книгу, исправил свое определение нэпа так: «А это и является существенной частью нэпа».

Совершенно очевидно, что утверждать так — значит ничего не утверждать или еще хуже запутаться оговорками, что все дело «в свободном рынке».

Упор в эту сторону освещал всю позицию т. Теодоровича и облегчил раскрытие политической сущности его выступления. Мы увидим дальше, что этот политический стержень позиции Теодоровича у него не случаен.

Говоря о «социализме» народовольцев, Теодорович и его немногочисленные единомышленники совершенно игнорируют социально-экономическую основу народнического движения в целом. Между тем, не включая этого, казалось, само собой подразумевающегося вопроса, нельзя понять не только сущности народнического движения, но и того, что разделяет революционных народников и легальных, и что их связывает. Социализм народовольцев доказывается цитатами их программ и статей народовольцев и соответствующими ссылками на взгляды Маркса по вопросу о развитии русской общины.

С точки зрения научной этот прием, взятый у т. Теодоровича в качестве основы анализа (см. его статью в № 8—9 «Каторги и ссылки»), детски наивен и научно несостоятелен. Наделяя народовольчество особенными чертами, т. Теодорович впадает в крайность, подобную той, которую с противоположной стороны совершает Троцкий, считающий народничество «исторической бессмыслицей».

Метод т. Теодоровича — брать революционное народничество вне конкретной обстановки, вне реальной действительности — присущ другой противоположности в вопросах оценки этого движения. И в меньшевистской или носящей следы меньшевизма литературе мы встречаемся с попытками рассматривать народничество, как нечто самобытное, лишенное конкретных черт классовой борьбы в ту или иную историческую эпоху.

Меньшевистское игнорирование революционного значения народничества особенно резко в наше время проявилось в работах В. Ф. Переверзева (см. его работу «Творчество Достоевского») и некоторых его учеников. Под видом марксистской критики протаскиваются старые потресовские идейки о несвязанности народничества с крестьянством.

---

[1]) Рецензируемая книга, стр. 78. Подчеркнуто Теодоровичем.—И. Т.

«Методология» Теодоровича может иметь только один смысл — поставить социализм пролетариата на одну полку с «социализмом» мелкобуржуазным, утопическим и т. д. и искать сходств и различий тогда по формальным признакам, перенеся на историческую почву вульгарное подобие вульгарной эволюционной теории. Такая «историко-генетическая» точка зрения, примененная к истории «идей», опускающая или игнорирующая историю «вещей», возвращает нас, как и весь анализ, весь метод т. Теодоровича, назад к сторонникам «суб'ективного метода». Во всех своих основных выводах т. Теодорович не оригинален: все это давно уже можно было прочесть сперва у духовного отца эсерства — Михайловского, потом у теоретика с.-р. — Чернова, а теперь у «марксиствующего» народника — Суханова, у чистого эсера — Ракитникова [1].

Тов. Теодорович утверждает, что народовольцы предвосхитили пролетарский социализм, научный социализм, да еще в той конкретной форме, какую он принял в стране диктатуры пролетариата — в СССР.

Лидия Лойко прямо признает, что ей для вступления в ВКП(б) не пришлось идейно перевооружаться: все, что было в ортодоксальной революционной народнической программе, все это воплощено в жизнь ВКП(б). Даже общину и ту якобы возродила ВКП(б) [2].

По Теодоровичу те, кто отрицают, что народовольцы были предшественниками большевизма и ленинизма, не верят в некапиталистическую эволюцию крестьянства и... в коллективизацию. Итак, в коллективизацию верит тот, кто считает, что народовольцы в «зародыше» проповедывали необходимость принятия устава сельскохозяйственной артели, приложенного к статье т. Сталина «Головокружение от успехов».

В некапиталистическую эволюцию крестьянства (как она записана в программе Коминтерна и формулирована Лениным) при диктатуре пролетариата, в частности в нашей социалистической революции, и в коллективизацию — мы не только верим, но и активно за нее боремся. Не верить в то, что эти мысли, идущие от Маркса, проводимые нашей партией, были предвосхищены народовольцами, — в это мы не верим и верить не можем!

Когда Маркс говорил о том, что община может стать исходным пунктом коммунистического развития, он имел в виду два условия. Первое – если община не будет окончательно подорвана. Это положение, достаточно, казалось бы, раз'ясненное в марксистской литературе, включая и «Что такое друзья народа», — что капитализм сделал достаточно большие успехи в экономическом развитии России того времени и подорвал жизнеспособность русской общины. Состояние исторической науки о второй половине XIX века таково, что спорить по этому вопросу не приходится. Собственно говоря, здесь достаточно одного — «Развития капитализма в России» Ленина.

Другая сторона — как мыслили себе основоположники научного коммунизма самую некапиталистическую эволюцию? Протестуя против превращения марксова генезиса капитализма в теорию, которой будут формально следовать все народы при всех исторических условиях, Маркс и Энгельс считали, имея в виду конкретные условия: 1) что царская Россия того времени стоит перед своим 1789 годом, т.-е. перед буржуазной революцией; 2) что политическая ситуация в России позволяет революционной партии опрокинуть гниющее здание самодержавия; 3) что свержение царизма в России сможет развязать силы *социалистической* революции на Западе; 4) что силами европейской социалистической революции можно будет взять на буксир экономически отсталую Россию и на основе помощи передовых стран миновать капитализм.

---

[1]) ...«Основные идеи «Народной Воли» были жизненны и правильны и оправданы в конце концов историей»... Ст. Н. Ракитникова «Народная Воля» в русском революционном движении» в сб. «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», стр. 20, 1928 г.

[2]) См. Лидия Лойко «От Земли и Воли» к ВКП», стр. 240, Гиз. 1929 г.

Энгельс в статье «О социальном развитии России» еще в 1875 г. пишет следующие гениально-пророческие строки:

«Видно, что земельная община в России давно уже пережила период своего расцвета и, судя по всем данным, идет навстречу своей гибели. Тем не менее, несомненно, существует возможность превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, если только она сохранится до того времени, когда созреют необходимые для этого условия, и *если она окажется способной к развитию в смысле перехода крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной*; при таких условиях можно будет придать теперешней общине эту высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общинной собственности в России в Западной Европе не совершится *пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе и материальные, в которых он нуждается*, чтобы произвести неразрывно связанные с этим перевороты во всей системе земледелия» (Подчеркнуто нами. — **И. Т.**).

Никогда ничего подобного не утверждали и не могли утверждать идеологи «пауперизированного производителя», как выражается Теодорович.

В 70–80-х годах крестьянство России могло притти к социализму *только* с помощью социалистической революции пролетариата Зап. Европы, а этого совершенно не понимали народовольцы. Эта революция могла совершиться при условии, если будет свален такой враг, как самодержавие в России. А так как против самодержавия вела наиболее непримиримую борьбу, революционную борьбу партия «Народной Воли», исходя из антагонизма крестьянина к помещику и его государственной власти в определенных конкретных исторических условиях, — то отсюда и заинтересованность Маркса в победе и в успехах «Народной Воли» под углом зрения социалистической революции.

Некапиталистическая эволюция крестьянства у нас в настоящее время возможна *только* потому, что рабочий класс, совершив социалистическую революцию, строит социализм, ведя за собой крестьянство, руководя им и его переделывая.

Верно, что идеологи «пауперизированного производства» мечтали о социализме. И у нас и в ряде других стран социализм этот зиждился, прежде всего, на «социализации» земли. Ему, «аграрному социализму», сопутствовало стремление мелкого крестьянского хозяйства отбиться от крупного капитала. Все это — азбучные истины.

Народники противопоставляли господству капитала — «народное производство» и «трудовое начало». «Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой «народного производства» и «трудового начала» против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития» [1]).

Народники поставили впервые вопрос о капитализме в России и были против его проникновения на русскую почву. Но это — антикапиталистическая партия, утверждает Теодорович. О народнике же *на самом деле* надо сказать то, что сказал Ленин о Сисмонди, что он, «восставая против крупного капитала, т.-е. против товарного хозяйства в одной форме, именно наиболее развитой, впадает в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство) т.-е. товарное хозяйство в другой только, зачаточной форме» [2]).

---

[1]) *Ленин*, т. IX, стр. 444—445.

[2]) *Ленин*, Собр. соч., т. II, изд. 2-е, стр. 65—66.

Ошибку противоположного порядка—имевшую своим источником пережитки идей «мелкобуржуазного радикализма»—совершил т. Газганов. Об этой ошибке говорил на дискуссии о «Народной Воле» автор этих строк, заявив, что т. Газганов не отметил, опустил, что народовольцы, как и все революционное народничество, поставили вопрос о капитализме, неверно его решали [1]).

Наконец, утверждает Теодорович, вся программа народовольцев, все их убеждения—социалистические, они стремятся к социализму, к своему социализму, социализму мелкого товаропроизводителя. Оппортунизм и отрыжка II Интернационала думать, что крестьянин не может итти к социализму, и народовольцы, идеологи крестьянства, отражали это стремление к социализму.

Верно, ответим мы т. Теодоровичу, что крестьянин может стремиться к социализму, но... только расставшись со своими мелкобуржуазными иллюзиями, став на точку зрения пролетариата. Пример — коллективизация сельского хозяйства у нас. О примере же т. Теодоровича с народовольцами мы имеем точный ответ у Ленина:

> «Ошибка всех (подчеркнуто нами. — **И. Т.**) народников состоит в том, что, ограничиваясь кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества» [2]).

А т. Теодорович упрямо утверждает, что народовольцы предвосхитили социализм пролетариата.

Во всей концепции Теодоровича нет борьбы крестьянства с крепостничеством, с помещиками, а есть только борьба мелкого производителя с капитализмом. Это — чисто народническое прикрашивание мелкого производителя, нежелание и неумение видеть двойственной его природы, приводящее к затушевыванию капиталистических тенденций мелкого производителя.

Говорить о борьбе «Народной Воли» и «проглотить» проблему борьбы крестьянства с крепостническими остатками, с помещичьим землевладением и помещичьим самодержавием, значит, не понять сущности «Народной Воли». Неудивительно поэтому, что т. Теодорович оставляет в тени главную заслугу народовольцев — политическую борьбу с самодержавием, выпячивая их теории и идеологию, якобы предвосхищающие ленинизм [3]).

Можно ли только считать его «открытие» о предвосхищении народовольцами Октябрьской революции, советов, нэпа, социалистического строительства — только вольным полетом фантазии?

Мы думаем, что все это — не случайно, что тут есть определенная не только методологическая, но и прежде всего политическая ошибка. Напрасно думает Теодорович, что и в этом вопросе он оригинален. Установив «равноправие» пролетарского социализма со всеми видами «социализма», не видя глубочайшей разницы между первым и вторым, смазав классовое различие между пролетарием и мелким производителем, в частности в конкретной обстановке развития капитализма во второй половине XIX в., — Теодорович лишил себя возможности по-марксистски, по-ленински подойти к этому вопросу.

Итак, нэп, строительство социализма, некапиталистическую эволюцию крестьянства, а стало быть и коллективизацию предвосхитили народовольцы. Кто же, по мнению Теодоровича, предвосхитил индустриализацию? И по этому вопросу он имеет свой «оригинальный» взгляд.

---

[1]) См. «Дискуссия о «Народной воле». Изд. Ком. Ак. 1930, стр. 156. Заключит. слово И. Татарова.

[2]) Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. IX, стр. 441.

[3]) Именно эта сторона неправильного понимания т. Теодоровичем народовольчества нашла отпор на страницах нашей печати (см. напр. ст. т. Ем. Ярославского против т. Теодоровича в «Большевике» № 3—4 за 1930 г.).

В 1927 году Теодорович на Урале выступает со следующей, как он говорит, «исторической справкой» (он большой любитель истории!):

> «Центральной идеей в области нашей современной народно-хозяйственной мысли является идея о необходимости курса на индустриализацию страны.
>
> «Как часто бывает, корни этой идеи лежат глубоко в истории. Достаточно отметить хотя бы следующий факт: в 1925 г. наша республика торжественно праздновала столетие со дня восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге. Можно считать установленным, что основным стимулом, коренным фактором, воодушевлявшим движение декабристов, была мысль о необходимости индустриализации России, необходимости развития в ней промышленности и торговли, или, как тогда выражались, ремесл и коммерции (какое глубокое знание истории и особенно экономической!—**И. Т.**). Если мы теперь говорим, что нам нужно во что бы то ни стало избежать опасности превращения нашей страны в аграрный придаток капиталистического мира, то первым эту идею опасности низведения России на роль придатка промышленных стран высказал Павел Иванович Пестель, самый выдающийся из декабристов» [1]).

Итак, идея индустриализации страны идет от декабристов. Идея советов и нэпа — от Тихомирова и Квятковского, идея коллективизации — от народовольцев. Уже не проще ли об'явить предтечей ленинизма Михайловского, ибо ведь он автор статьи «К. Маркс перед судом г. Жуковского»?

Что Теодорович не понимает пропасти, лежащей между социализмом и капитализмом в период расцвета последнего, показывает его трактовка индустриализации. Индустриализация в руках пролетариата, как и в руках молодой буржуазии, представителем которой, по мнению Теодоровича, был Пестель, должна «бороться с отсталостью собственной страны, с господством в ней натуральных, патриархальных форм экономики» [2]).

В таком понимании индустриализации нет ничего социалистического. Бороться с натуральными отношениями, с отсталостью страны может и капитализм, когда он прогрессивен, когда он развивает и двигает вперед производительные силы страны.

Что же остается в ленинизме от пролетарского социализма, если основное и главное уже предвосхищено народовольцами и декабристами?

Теория Теодоровича о корнях ленинизма имеет вполне «самобытный» характер. Ленинизму, как «интернациональному пролетарскому учению» (Сталин), как «теории и тактике пролетарской революции вообще», как теории и тактики диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин) — противопоставляется доподлинно национально-ограниченная точка зрения, пытающаяся, как мы уж в свое время указали во время дискуссии в обществе историков-марксистов о «Народной Воле», видеть в ленинизме только крестьянские корни и продукт чисто российских условий.

И любопытно, как такая точка зрения смыкается с «левой», с позицией т. Зиновьева в его книге «Ленинизм», который вводит в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер.

Если логически продолжить и договорить до конца точку зрения т. Теодоровича, тут недолго допрыгнуть и до «теории» «национал-большевизма». Стоит только соскочить с ленинских рельсов, как сразу же в условиях классовой борьбы нашего времени особенно быстро и осязательно получается приближение, пусть невольное, — к классовому врагу.

---

[1]) «Вопросы индустриализации и сельское хозяйство», изд. УралЗУ. 1927 г.

[2]) Там же, стр. 4.

Тов. Теодорович за коллективизацию и индустриализацию. Народовольцы— за коллективизацию. Декабристы — за индустриализацию.

Но вот, за коллективизацию стоит также... Устрялов [1]). Не фигурально, а прямо «сочувствующий» коллективизации и пятилетке.

Что это значит? Устрялов за «социализм», за успехи коллективизации, за уничтожение нэпа, за индустриализацию?

Устряловское понимание коллективизации и индустриализации так же мало похоже на наше понимание, как его представление о путях развития обновленной России с ходом строительства социализма в СССР — первой стране пролетарской диктатуры.

В понимании Устрялова то, что мы делаем, — вовсе не интернациональный социализм, приводящий к гибели капитализма во всем мире, — а лишь в национальном масштабе решение задачи о создании новой формы экономических отношений, более высокой, чем современная, более передовой, чем нынешняя. Спрашивается, как же Устрялов может признать строительство социализма? Ведь это же «бред и утопия»? Как можно из полунищей, некультурной страны натурального хозяйства сделать передовую страну социализма?

Но эта «утопия», этот прыжок не может удивить Устрялова. Он обращается к истории «самосознания» русской интеллигенции и находит там ответ, который приближается, обнаруживает идейное родство по своей «методологии» с позицией...

Впрочем — изложим коротенько Устрялова.

Может ли Россия перепрыгнуть через этап буржуазного развития — вот проблема, которую ставило не одно поколение русской интеллигенции. Отвечая на этот вопрос, Устрялов пишет:

> «Ею (этой проблемой.—И. Т.) увлекались и славянофилы, и западники, и народники, и даже марксисты, — разумеется, каждое течение по своему».
>
> «Герцен предсказывал, что русский народ от общины перейдет непосредственно к социализму. Эту же мысль защищал Чернышевский. На радость нашим народникам эта проблема была небезызвестна даже Марксу и Энгельсу».
>
> Ленин снова поставил эти вопросы. Отпала, прежде всего, вера в общину, «но осталась и заострилась идея своеобразного развития России, позволяющего ей перешагнуть через период капитализма»...
>
> «Преемники Ленина усвоили его теорию. Но, действуя в обстановке «замедления» международной революции, они ныне принуждены особенно подчеркивать, усиливать, развивать «национал-социалистические» ее моменты»...

Какая знакомая схема! От Герцена, Чернышевского и народников, поддержаных Марксом и Энгельсом, и до Ленина и его преемников, развивающих в социализме — его «национал-социалистические» черты!

Вот о каком «социализме» говорит Устрялов. И вполне понятно, что для него тянется одна прямая линия, ибо он не видит разницы, глубокой принципиальной разницы между утопическим или мелкобуржуазным мечтанием о социализме и строительством социализма в стране диктатуры пролетариата. Он подходит к явлениям нашей экономики с точки зрения развития производительных сил «вообще», с точки зрения выбора путей для «возрождения России» для развития «национал-большевизма».

Или, пишет Устрялов,—скат к «особой, смешанной, гибридной форме «культурного государства» с ярко-выраженными авторитарно-этатистскими или, если угодно, государственно-социалистическими моментами, или — победа большевист-

---

[1]) См. Сборник «На новом этапе», Харбин, 1930 г., изд. 2-е, стр. 22.

ского плана «возрождения России» на основе пятилетки, коллективизации и т. д.

Короче, либо капитализм на основе победы мелкобуржуазной стихии, либо социалистическая плановость — вот два пути возрождения России, из которых первый — в прошлом, а второй — в своеобразном понимании Устрялова — в настоящем и ближайшем будущем и признаваемый Устряловым для тактической переориентации сменовеховства.

Никакого социализма в истинном понимании слова Устрялов не признавал и не признает. Его сегодняшняя позиция своеобразного политического «самотека» есть не что иное, как, во-первых, признание наших успехов и победы социалистического строительства, а стало-быть, краха устряловского спуска на тормозах и веры в «перерождение»; во-вторых, — попытка переориентироваться в новых условиях, на этото раз, уже без веры в собственные перспективы.

Установка Устрялова, выводящего прогноз текущих событий из отношения народников, самых ранних и поздних, к социализму, остается такой же буржуазно-сменовеховской и когда он говорит: пусть коллективизация и индустриализация, лишь бы не распад, лишь бы преодолеть отсталость и создать могучую Россию.

И Теодорович совершил исторический экскурс от народничества и до коллективизации. От одного к другому шла у него прямая линия. Видит ли он в нашей политике ту линию пролетарского социализма, которая непроходимой пропастью отделяет нас от мелкобуржуазных, буржуазных и иных «сторонников» социализма?

Под таким пониманием коллективизации и индустриализации, из которого заботливо вынуто все, что говорит о социалистическом их характере, подпишется и буржуазный профессор. Ибо речь идет только о преодолении экономической отсталости и распаде, о развитии производительных сил, «вообще», закрыв глаза на то, какой класс «заведует» этим развитием, какая борьба при этом возникает и что данное развитие есть реальное воплощение путей борьбы за коммунизм.

Мы писали, что прикрашивание мелкого товаропроизводителя, замазывание его двойственной природы, — а оно обнаружило себя в том, что Теодорович «проглотил» антикрепостническую сущность крестьянского движения и народничества, — приводит и к политическим ошибкам. Об этом было сказано и во время дискуссии. В рецензируемой книге Теодорович печатает для посрамления автора этих строк и свою переписку с «Правдой» по следующему поводу.

Речь шла об отзыве Теодоровича, написанном им летом 1929 г. на книгу проф. Кондратьева [1]). «Правда» пишет о неправильности тезиса Теодоровича, что партия выбирала «между распадом производительных сил сельского хозяйства и их ростом хотя бы в капиталистической форме, ориентировалась бы на последнее, т.-е. по существу на рост кулачества в деревне» [2]). Этот тезис, по мнению Теодоровича, «вполне логично» развивает в своей работе Кондратьев.

Теория «восстановления», «возрождения» страны путем капитализма противопоставляется экономическому союзу пролетариата с середняком на основе

---

[1]) См. рецензируем. книгу, стр. 133—138.

[2]) Кстати о Кондратьеве. Тов. Теодорович иронизирует: его, де, люди невежественные обвиняют одновременно и в народничестве и в кондратьевщине. А какое же народничество у Кондратьева, ведь тот проповедует буржуазные взгляды.

Тов. Теодорович, как всегда, словчил. Он не хочет понять, в чем его обвиняют. Речь шла о том, что он, как всякий сторонник мелкобуржуазной позиции, пасовал перед открыто-буржуазной точкой зрения. В том-то его беда, как и всякого мелкобуржуазного идеолога, что он попадал в плен, а на определенном этапе и идейно отступал, если не капитулировал, перед Кондратьевым. Тезис Теодоровича, «если приходится выбирать между распадом производительных сил сельского хозяйства и их ростом хотя бы в капиталистической форме, то необходимо выбрать последнее» — означал идейную разоруженность перед Кондратьевым.

известного допущения товарооборота для возрождения крупной промышленности и строительства социализма.

Теория «возрождения» страны, — а т. Теодорович, очевидно, считает ее правильной, раз он поместил в рецензируемой книге свою переписку с «Правдой»,— формулируется им в довольно знакомых положениях. В цитированной нами уральской брошюрке он видит путь нашей деревни в том, что необходимо всемерно поддерживать процесс превращения середняков «в крепких, хозяйственно-растущих середняков» (стр. 35). В другом месте: «Мы должны поддерживать всякий рост середняка и зажиточного крестьянина» (стр. 45). И все это делается для того, чтобы... помочь бедноте.

> «Я помогаю росту крепких слоев деревни затем, чтобы в конечном счете (это прекрасно сказано: в конечном счете!—**И. Т.**) помочь бедноте, которая ближе моему сердцу» (стр. 46).

Много псевдонимов знает Теодорович для кулака: «крепкий», «зажиточный», «хозяйственно-растущий крестьянин», «крепкий слой деревни». Все они довольно недвусмысленно показывают, идеологом каких слоев крестьянства является т. Теодорович.

Теодорович неправильно понимает двойственную природу мелкого товаропроизводителя, его положение в социалистической стране, не понимает роли пролетариата и социалистической, а не пестелевской индустриализации в деле переделки крестьянского хозяйства. Теодорович воскрешает народническую теорию самотека в переходе крестьянства на рельсы социализма.

Мы уже отметили, что «Правда» всего лишь за несколько недель до полемики по вопросу о «Народной Воле» указала на ошибку т. Теодоровича именно в этом вопросе. Мы укажем и на источник этой ошибки у т. Теодоровича. Он любит указывать, что на 200% согласен с ЦО нашей партии, с политикой партии. Очень хорошо. Но вот, сравнительно еще недавно, в пылу борьбы с троцкистской оппозицией, а вместе с тем в обстановке, когда партия, разворачивая курс на индустриализацию страны, одновременно вводила чрезвычайные меры и ударила по кулаку, — т. Теодорович выступает с некоторыми политическими заявлениями на том же уральском с'езде.

Тов. Теодоровича спрашивают, чем об'яснить хозяйственные затруднения 1927 года. Вот его ответ:

> «Основная причина наших затруднений заключается в том, что иногда берется курс на сверхиндустриализацию, непосильный стране, за счет крестьянства, которое в свою очередь, на это легко реагирует» [1]).

Кто берет курс на сверхиндустриализацию? Кто это проводит политику ограбления крестьянства? Что за странные и очень знакомые намеки. Ведь это же прямые обвинения партии в неправильной политике. И как это хорошо звучит: «крестьянство легко реагирует»! Очевидно надо понимать — скоро реагирует.

Итог: книга т. Теодоровича пытается на историческом материале развернуть правооппортунистическую концепцию. Коллективизация — по-народнически, индустриализация — по-пестелевски, — эти исторические параллели т. Теодоровича имеют определенный современно-политический смысл. Он заключается в пересмотре ленинского понимания исторического подготовления Октябрьской революции, всех ее этапов, включая и нынешний [2]).

Борьба против ленинского понимания крестьянства, крестьянского движения на разнообразных этапах исторического развития идет с двух фронтов. Мы можем отметить и некоторую перекличку между правооппортунистическими взглядами на эти вопросы — с троцкистскими.

Не случайно сближение Теодоровича во взглядах с его антиподами—проводниками в исторической литературе взглядов мелко-буржуазного радикализма. Отрыжки троцкистских и полутроцкистских идеек просачиваются в историческую литературу, находя «левых» сторонников. Эти исторические и методологические поиски «увенчивают,—по выражению т. Сталина,—блоком всех ревизующих ленинизм и справа и «слева». Ленинская историческая наука ведет решительную борьбу с правым оппортунизмом, как с главной опасностью, с остатками троцкизма и «левым» уклоном.

И. Татаров.

---

[1]) «Вопросы индустриализации и сельское хозяйство», стр. 41.

[2]) Тов. Теодорович сам вынужден был признать правооппортунистический характер своих ошибок, особенно в своей работе в Земплане НКЗ (см. его заявление в «Правде» № 321 от 22/XI.—Ред.).

Разоблачить кондратьевщину.

(О книге М. М. Соколова „Советская хозяйственная кон'юнктура“, изд. Планхозгиз, 1931 г.).

Во всех почти капиталистических странах за последние десятилетия пышно расцвела «теория» кон'юнктуры и выводимые на ее основе «большие циклы» развития капитализма. Эти «теории», огражденные тройными линиями проволочных заграждений из математических формул, рядов и всякого сорта головоломных кривых, имеют задачей отрицание антагонистического характера капиталистического общества с его непримиримыми противоречиями, приводящими к неизбежным периодическим кризисам. Все это делается буржуазными учеными с целью доказать незыблемость капиталистической системы общественных отношений.

Эти попытки подменить вскрытые Марксом действительные законы движения капиталистического общества «теорией» кон'юнктуры и больших циклов имеют место и в Советской стране, где главным проповедником и защитником этой «теории» являлся проф. Кондратьев. В своих работах по кон'юнктуре и большим циклам Кондратьев упорно пытался отрицать наличность глубоких антагонистических противоречий в «капиталистическом народном хозяйстве», сводя кризисы, как проявление этих противоречий, к более или менее нормальным периодическим волнообразно-циклическим колебаниям капиталистической экономики и опираясь на «теорию равновесия».

Еще в 1924 г. в своем докладе «К вопросу о поднятии экономической статики, динамики и кон'юнктуры» Кондратьев определил кон'юнктуру, как «направление и степень изменения совокупности элементов народно-хозяйственной жизни в данный момент по сравнению с предшествующим моментом». А в своей книге «Большие циклы и кон'юнктуры», выпущенной в 1928 г., он делает следующее заключение:

> «Отсюда необходимость для экономики понятия о различных видах равновесия применительно к различным периодам времени (ср. равновесие краткого и длительного периода у Маршалла).
>
> Большие циклы можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода».

Выводы напрашиваются сами собой. По Кондратьеву, советская система есть некоторое длительное нарушение капиталистического равновесия, которое, однако, неизбежно должно восстановиться. Эта теоретическая установка Кондратьева логически приводила его к контрреволюционной практической деятельности, которая теперь уже раскрыта. Кондратьев, Чаянов и др. всячески стремились как в теории, так и на практике ускорить «восстановление длительного нарушения равновесия капиталистического общества» с их большими циклами развития и волнами кон'юнктуры. Отсюда—голый лозунг развития производительных сил, как высшая задача нашего развития, отсюда—лозунг необходимости расширения рыночных отношений, ставка на кулака и т. д., и т. п.

Боевой задачей партии является беспощадная борьба с контрреволюционной кондратьевщиной во всех ее проявлениях. Этого нужно было ждать и от вышедшей недавно книги «Советская хозяйственная кон'юнктура», автором которой является член партии М. Соколов.

Однако в книге М. Соколова мы отнюдь не найдем непримиримой критики всей вредной кондратьевской концепции. Соколов ни в какой степени не разоблачил контрреволюционную сущность кондратьевщины.

Вместо того, чтобы нанести сокрушительный удар буржуазным теориям кон'юнктуры и циклов, автор сам целиком оказался в плену кондратьевской науки. Он сам стал рассматривать Октябрьскую революцию и переходную экономику с кондратьевской точки зрения кон'юнктуры, ее колебаний и т. п.

Какую задачу ставит перед собой автор этой книжки? Ищем ответа на этот вопрос в предисловии. В предисловии мы находим утверждение о том, что:

«капиталистическое хозяйство в последнее десятилетие вступило в полосу резких классовых конфликтов, потрясающих всю капиталистическую систему». (Разрядка наша.—**О. Т.**).

Неизвестно, почему это только в последнее десятилетие капиталистическое хозяйство вступило в полосу резких классовых конфликтов. Неужели автор хочет уверить читателя в том, что до мировой войны в капиталистическом хозяйстве не было резких классовых конфликтов?

Далее автор говоря о том, что:

«Кондратьевцы видели в кон'юнктуре возможность распространения своих контрреволюционных идей, так как эта область находилась долгое время под большим их влиянием (Кондратьев, Первушин)»,

подчеркивает, что

«разоблачить контрреволюционную сущность этих течений является сейчас важнейшей задачей марксистов-кон'юнктуристов». (Кстати—что это за особая разновидность марксистов «марксисты-кон'юнктуристы» — **О. Т.**).

Однако М. Соколов своей книжкой ни в малой мере не помогает осуществлению этой задачи. Наоборот, его книжка лишь усиливает путаницу и увеличивает число вредных книг по затронутым вопросам.

Возьмем первую главу, которая озаглавлена «Кон'юнктура как наука и ее метод». Здесь автор изрекает ряд глубоких истин о советском хозяйстве:

«Кон'юнктуру капиталистического хозяйства мы связали с капиталистическим циклом. В условиях переходного периода циклы пропадают, хозяйственное развитие идет в общем плавно (!?). Главная особенность переходного периода заключается в плановом перераспределении накопления с целью направить развитие производительных сил в определенное русло и к сильной модификации механизма ценообразования, делающими невозможным проявление закона стоимости в основных участках народного хозяйства».

Неужели Соколов не знает, что «механизм ценообразования» и его модификация не являются основной особенностью, которая характеризует нашу переходную экономику? Если же согласиться с утверждением Соколова, то неизбежен вывод о том, что хозяйственное развитие в переходную эпоху идет «в общем плавно», т.-е. у нас нет классовой борьбы, нет ее обострения на определенных этапах, нет трудностей, нет формулы «кто—кого». По Соколову, все наше хозяйственное развитие идет «плавно», и вся задача пролетариата заключается в том, чтобы не дать особенно сильно «проявляться» закону стоимости, который действует, по его мнению, у нас и в основных секторах народного хозяйства.

Автор до сих пор, несмотря на огромную борьбу, которую партия вела и ведет против правого уклона, не хочет понять, что одной из основных особенностей переходной экономики является борьба между капиталистическими и социалистическими ее элементами, обостряющаяся на определенных этапах социалистического строительства. Он не хочет признать, что диктатура пролетариата, создавая все возможности перехода миллионов бедняцких и середняцких хозяйств на рельсы социалистического строительства, предпринимает все активнейшие меры к тому, чтобы в классовой борьбе рабочий класс вместе с бедняцко-середняцкой массой победил капиталистические элементы в деревне и в городе. Соколов так же, как и Кондратьев, так же, как и Юровский и другие буржуазные ученые—все это отрицает. Для него в СССР не существует классовой борьбы. Для него переходная экономика есть модифицированное продолжение, развитие товарно-капиталистического общества.

Дальше, на следующей, 14-й, странице Соколов продолжает:

«Но отрицать цикличность советского хозяйства не значит еще отрицать кон'юнктурные колебания. Причины этих колебаний обусловлены сожительством социалистических элементов народного хозяйства с капиталистическими и простыми товарными. Поэтому, вместо капиталистического цикла, об'ектом кон'юнктурного изучения становится весь процесс воспроизводства в его конкретном виде. Кон'юнктурное изучение заполняется новым содержанием, вместо капиталистического цикла, изучается плавный хозяйственный процесс в виде связанных между собой различных отраслей народного хозяйства».

Что же выходит? Выходит, что в советском хозяйстве имеются колебания, форма которых обуславливается простым сожительством социалистических элементов народного хозяйства с капиталистическими (прежде всего), и— с простыми товарными. Соколов на втором месте после социалистических элементов в переходном периоде ставит капиталистические, а простое товарное хозяйство, которое представляет собою у нас огромную массу мелких товаропроизводителей, им отодвигается назад.

Оппортунистическим душком отдает от этой «расстановки». При этом, по его мнению, у нас социалистические элементы якобы просто «сожительствуют» с капиталистическими элементами, но не вытесняют, не ликвидируют их. Для него не существует решений XV и XVI с'ездов. Обоснование и защита «плавного» хозяйственного процесса и мирного «сожительства» различных секторов и отраслей народного хозяйства —для автора книги важнее, чем борьба между социалистическими элементами и капиталистическими, т.-е. борьба за социалистический или капиталистический путь развития советского хозяйства. Чрезвычайно характерно то, что Соколов изучает не классы, не хозяйственные взаимоотношения между двумя основными классами и борьбу между капиталистическими и социалистическими элементами. Нет, у него в книге, как он выражается:

«Вместо капиталистического цикла—изучается плавный хозяйственный процесс в виде связанных между собою различных отраслей народного хозяйства». (Разрядка наша.—**О. Т.**).

Это очень похоже на излюбленный прием буржуазных профессоров, замазывающих классовую борьбу ссылкой на важность отраслевых процессов, которые якобы в переходном периоде идут плавно.

По Соколову, проблема кон'юнктуры в советском хозяйстве играет более решающую роль, чем классовая борьба, чем движущие силы планового начала в нашей системе. Для Соколова план и плановое начало не мыслимы без кон'юнктуры, а кон'юнктура, как он нас уверяет, изучает плавно развивающийся хозяйственный процесс с максимальным стремлением — не допустить проявления закона стоимости. После этого нет ничего удивительного в том, что мы читаем в этой книжке следующее положение:

«Высшим критерием развития всякой общественной формации является, как известно, рост производительных сил. Это справедливо в одинаковой степени и для капиталистического хозяйства, и для СССР» (стр. 14 и 15).

Как видим, Соколов здесь ничего нового не сказал. Он не прибавил ничего к тому, что мы неоднократно читали у Кондратьева, Чаянова, Громана, Базарова и других мудрецов капиталистической реставрации, ставящих высшей задачей планирования советского хозяйства голый лозунг развития производительных сил. В плен этой концепции попали и правые оппортунисты. Как известно, одним из основных положений правого уклона является голый лозунг развития производительных сил вне зависимости от социальных форм этого развития. И вот после того, как партия в течение трех лет упорно разоблачает всю реакционность и недопустимость этого положения, неизбежно приводящего к развитию капиталистических элементов, Соколов после XVI с'езда высокомерно повторяет эти же оппортунистические утверждения.

Логическим продолжением основных положений Соколова является следующее рассуждение этого ученого популяризатора правооппортунистических и кондратьевских взглядов:

«Производительные силы СССР развиваются беспрерывно. Беспрерывно должны изменяться, приспособляясь к ним, и общественные отношения. Отсюда необходимость пропорционального распределения производительных сил. В обобществленном секторе, где плановое начало окрепло и является основным регулятором, это приспособление происходит с большей легкостью, нежели в тех секторах, где плановое начало пока не играет решающей роли. В капиталистическом секторе и в простом товарном эти отклонения отображают известную систему противоречий, не ликвидированных пока переходной экономикой. Наблюдение и изучение отклонений от этой пропорциональности и является одним из существенных об'ектов кон'юнктурного наблюдения и изучения в СССР». (Стр. 15—16).

По Соколову, вся наша политика социалистической реконструкции сводится к тому, чтобы привести в определенное соответствие различные отрасли и создать соответствующую пропорциональность в распределении производительных сил, независимо от социальных форм этого «распределения». Это—грубая

клевета на нашу политику и пятилетку, грубое извращение величайшего процесса социалистического преобразования сельского хозяйства, развернутого социалистического наступления по всему фронту и ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Социалистическое наступление никак не укладывается в концепцию Соколова. Его профессорская мысль занята лишь «изучением отклонений от пропорциональности» (какой?!») в целях достижения равновесия.

После провозглашения правооппортунистического лозунга производительных сил вообще, Соколов последовательно развивает это положение и считает, что этот лозунг развития производительных сил требует обязательно их пропорционального распределения. Собственно говоря, здесь Соколов, только лишь с другого конца, подходит к кондратьевскому положению об абсолютной необходимости усиленного развития рыночных отношений для большей дифференциации производственных районов, для большей дифференциации и уточнения распределения производительных сил по различным районам нашего Союза. Кондратьев даже подсчитывал, что при том условии, если рыночные отношения будут развиваться и производительные силы сельского хозяйства (читай—кулацко-зажиточной верхушки.—О. Т.) «беспрепятственно» развиваться, то некоторые районы СССР так вырастут, что их продукции будет достаточно не только для внутреннего потребления, но и для достижения норм довоенного экспорта.

«Теория» пропорционального распределения производительных сил у Соколова оставляет в стороне вопрос о социальных формах развития советского хозяйства и фактически противопоставляется генеральной линии партии—индустриализации Советской страны и социалистической перестройки деревни. Мы никогда и ни в коем случае не можем допустить всякое расширенное воспроизводство, лишь основанное на росте и пропорциональном (с какой точки зрения «пропорциональном»?) распределении производительных сил вне зависимости от социального качества и тех форм, в которые выльется этот процесс. *Нет у Соколова ни одного слова во всей книге о социалистических формах развития производительных сил, о социалистическом расширенном воспроизводстве.* Вместо всего этого, Соколов глубокомысленно вещает:

> «Внутри обобществленного сектора СССР принципиально возможно равновесие, если под этим равновесием понимать пропорциональное распределение производтельных сил» (стр. 17).

Формально критикуя концепции тов. Бухарина, нападая на проф. Юровского, М. Соколов на деле попадает в об'ятия правого оппортунизма, так как в основных вопросах он исходит из его концепции. Оговорки и формальное «отмежевание» не могут прикрыть неприглядную правооппортунистическую природу автора.

Характерна общая методология М. Соколова. Он пытается характеризовать метод Маркса в следующих словах:

> «Законченный образ экономических отношений, как он представляется на поверхности нашего наблюдения, в действительности *совершенно отличается от их внутренней сущности*, от часто скрытого настоящего характера. Поэтому совершенно неправильно принять эту внешнюю видимость за данное, за *действительно существующее* из него исходить при выведении следствия. Напротив, задача науки состоит в том, чтобы через внешнюю видимость проникнуть во внутреннюю сущность экономических явлений» (стр. 20, разрядка наша.—О. Т.).

Как видим, Соколов предпочел здесь Г. Кунова—Марксу, Энгельсу и Ленину, ошибочно утверждая, что форма не связана с содержанием, что метод не обуславливается предметом, что форма и содержание совершенно различные вещи, что они «в действительности совершенно отличаются» друг от друга и что форму не следует принимать «за действительно существующее». Эта вульгарнейшая «философия» ничего общего не имеет с марксизмом. Соколов, верный своим глубоко оппортунистическим, антимарксистским рассуждениям, выступает здесь как типичный механист буржуазного толка, отрицая марксистское понимание единства предмета и метода, единства явлений и сущности. И эти свои рассуждения он пытается беззастенчиво прикрыть... ссылками на Маркса! Неудивительно, поэтому, что Соколов теорию «статики и динамики», изложенную Кондратьевым в статье «О понятиях экономической статики, динамики и кон'юнктуры», разбирает на 1½ стр., ограничиваясь по отношению к этой чрезвычайно вредной буржуазной теоретической работе самыми несущественными замечаниями.

Не останавливаясь на целом ряде неточных и безграмотных мест, мы не можем обойти молчанием следующее утверждение Соколова. Оказывается, что:

> «В своих построениях о стоимости Туган-Барановский берет верную по существу мысль, что в основе всякой стоимости лежит человеческий труд, этот единственный созидатель стоимости». (Стр. 58).

Всем известно, что профессор Кондратьев относился к Туган-Барановскому с глубочайшим уважением и являлся его учеником. Он Туган-Барановского ставил выше Маркса. Соколов и здесь не хочет отстать от Кондратьева. По Соколову, выходит, что Туган-Барановский «марксист» не хуже Маркса и что разницы между Туган-Барановским и Марксом в основном вопросе политической экономии не существует.

Не останавливаясь далее на целом ряде вредных и ошибочных мест, приведем еще несколько ярко выраженных кондратьевских идей, так добросовестно усвоенных и преподнесенных нам Соколовым.

> «Самым общим видом крестьянских индексов является индекс покупаемых и продаваемых товаров, характеризующий выгодность вовлечения крестьянского хозяйства в меновой оборот» (стр. 132).

И еще:

> «Отношение одного индекса к другому характеризует выгодность вовлечения крестьянского хозяйства в рыночный оборот» (стр. 132).

Длинные уши кондратьевца со всей отчетливостью выглядывают в этих строках. Высший критерий — «выгодность вовлечения крестьянского хозяйства в меновой оборот», «покупаемых и продаваемых товаров». Эти индексы выдают автора с головой. Особенно странно читать подобные рассуждения в современной обстановке, когда мы вступили в последний этап непа, когда мы вступили в период социализма.

Еще в 1927 г. Кондратьев настаивал на расширении рыночных отношений, рекомендуя не бояться процесса дифференциации. Правые тоже требовали нормализации рыночных отношений. И в конце 1930 года, слушая те же утверждения от Соколова, мы вынуждены сделать вывод о том, что автор указанных положений лишь с запозданием повторяет кондратьевские и правооппортунистические тезисы о развитии нашей деревни по пути расширения рыночных отношений. Само собой ясно, что этот путь привел бы к победе товарно-капиталистической тенденции крестьянского хозяйства.

Соколов, продолжая в этом же духе свои рассуждения, на 180 стр. рассматривает социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, как два самостоятельных и независимых процесса: процесс технической реконструкции и процесс социальной реконструкции. Подобная постановка вопроса, само собой разумеется, ничего общего с генеральной линией партии не имеет, ибо социалистическая реконструкция представляет единый процесс социальной и технической реконструкции. Техническая реконструкция *вне* социальной немыслима.

Вся книга насыщена духом примиренчества к буржуазной идеологии. Автор освещает и критикует буржуазных ученых очень сдержанно и, как правило, по существу, сам скатывается к их точке зрения.

Не останавливаясь далее на приводимом в книге мало интересном материале, описывающем различные кон'юнктурные институты всего мира, перейдем к *общей* ее оценке.

Одного того, что в книге под названием «Советская хозяйственная кон'юнктура», изданной в конце 1930 г., уделено всего не больше 20—25 страниц вопросам советской экономики — уже является достаточным для соответствующей оценки книги. К тому же надо указать, что на этих 20—25 стр. Соколов, кроме пропаганды кондратьевских и правооппортунистических точек зрения на советскую экономику и извращения марксизма-ленинизма, ничего «нового» не дает.

Соколов самым недобросовестным образом, вводя в заблуждение наших читателей, преподнес в книге под громким названием «Советская хозяйственная кон'юнктура»—вредное содержание.

Книга вышла более чем через полгода после раскрытия и разгрома кондратьевско-чаяновской организации. И, вместо того, чтобы целиком направить ее на разоблачение вредительства в теории, *книга М. Соколова скорее может сыграть обратную роль.* Остается только выразить удивление, по какой причине издательство Планхозгиз нашло возможным выпустить эту книгу, предусмотрительно поставив на обложке дату выхода ее, как новинки,—1931 год.

Ленин и ленинизм.

Внутрипартийные вопросы.

Вопросы экономики

Хозяйственная политика в деревне.

Советское государство.

Вопросы труда и революционного движения.

Международное революционное движение.

Коминтерн и Профинтерн.

Международная политика и экономика.

Троцкизм.

История.

Философия.

Национальная политика.

Критика и библиография.

Консультация.

Письма в редакцию.

Разное.

ОТ ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Начиная с 1-го № «Большевика» (январь 1931 год), в журнале возобновляется Отдел консультации. Редакция оповещает читателей журнала, что ответы на полученные вопросы будут своевременно даваться как на страницах «Большевика», так и почтой.

В № 1 «Большевика» будет помещен ответ тов. Митина на ряд вопросов о классах и классовой борьбе в СССР. В этой же консультации будет дан ответ тов. Лешухову на его вопрос о вступлении СССР в период социализма.

В ближайших №№ журнала будут даны ответы: тов. Морозову «О деньгах в переходный период и о современном финансовом положении СССР», тов. Шапиро «О гнилости стабилизации капитализма и о консолидации фашизма», тов. Костину «О классовой борьбе в Китае».

По почте в ближайшее время посылаются ответы тт.: А. Иванову, Антосенкову, А. Стеценко, М. Тремаскину, Рантала, Небоче, Д. Богданову, Баеву.

Письмо т. А. Попкова переслано в редакцию «Комсомольской Правды», а предложение т. Филиппова — в ОГИЗ.

Редколлегия: Бауман, К. Бухарин, Н. Криницкий А. Молотов, В. Попов. Н. Поспелов, П. Розенталь, К. Стецкий, А. Таль, Б. Ярославский, Е.

Главлит А 7 676. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48.